

Федеральное государственное образовательное учреждение
высшего образования
«КУБАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Бурдун Светлана Владимировна

**ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ЭКСПЛИКАЦИЯ
КОМПОЗИТИВНОГО КОНЦЕПТА *СВОЙ МИР* В ЯЗЫКОВОЙ
КАРТИНЕ МИРА КУБАНСКИХ КАЗАКОВ**
(на материале региональной фразеологии и песенного фольклора)

10.02.01 – русский язык

Диссертация на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук, профессор
Исаева Лидия Алексеевна

Краснодар 2022

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ.....	11
1.1. Концептуальная и языковая картины мира; региональная языковая картина мира.....	11
1.2. Фразеология как средство репрезентации региональной языковой картины мира.....	16
1.3. Фольклор как средство репрезентации региональной языковой картины мира	20
1.4. Концепт как основная единица региональной языковой картины мира.....	23
1.5. История изучения оппозиции <i>свой / чужой</i> в лингвистических исследованиях	30
1.6. Обоснование номинации композитивного концепта СВОЙ МИР.....	39
1.7. Методика описания композитивного концепта СВОЙ МИР, принятая в данном исследовании.....	46
Выводы	51
ГЛАВА 2. ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ЭКСПЛИКАЦИЯ КОМПОЗИТИВНОГО КОНЦЕПТА <i>СВОЙ МИР</i> ВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОМ ФОНДЕ КУБАНСКИХ КАЗАКОВ.....	55
2.1. Лексико-семантическая экспликация концепта КАЗАК.....	55
2.2. Лексико-семантическая экспликация концепта МАТЬ.....	67
2.3. Лексико-семантическая экспликация концепта ОТЕЦ.....	73
2.4. Лексико-семантическая экспликация концепта ДЕТИ.....	80
2.5. Лексико-семантическая экспликация концептов МУЖ и ЖЕНА.....	85
Выводы.....	95
ГЛАВА 3. ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ЭКСПЛИКАЦИЯ КОМПОЗИТИВНОГО КОНЦЕПТА <i>СВОЙ МИР</i> В ТЕКСТАХ ПЕСЕННОГО ФОЛЬКЛора КУБАНСКИХ КАЗАКОВ.....	99
3.1. Лексико-семантическая экспликация композитивного концепта СВОЙ МИР в текстах лирических необрядовых песен.....	99
3.1.1. Лексико-семантическая экспликация концепта КАЗАК.....	100
3.1.2. Лексико-семантическая экспликация концепта МАТЬ.....	109
3.1.3. Лексико-семантическая экспликация концепта ОТЕЦ.....	123
3.1.4. Лексико-семантическая экспликация концепта ДЕТИ.....	126
3.1.5. Лексико-семантическая экспликация концептов МУЖ и ЖЕНА.....	128
3.2. Лексико-семантическая экспликация композитивного концепта СВОЙ МИР в текстах исторических и военно-бытовых песен.....	141
3.2.1. Лексико-семантическая экспликация концепта КАЗАК в текстах исторических и военно-бытовых песен черноморских казаков.....	142
3.2.2. Лексико-семантические экспликативы <i>своего / чужого</i> пространства, представляющие концепт КАЗАК в песнях черноморских казаков.....	148
3.2.3. Лексико-семантическая экспликация концепта КАЗАК в текстах исторических и военно-бытовых песен линейных казаков.....	164
3.2.4. Лексико-семантические экспликативы мужской военной субкультуры, представляющие концепт КАЗАК в песнях линейных казаков.....	171
Выводы.....	184
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	192
Список литературы.....	196
Приложение 1.....	200
Приложение 2.....	240

ВВЕДЕНИЕ

Лингвокультурные традиции кубанского казачества, в том числе региональная фразеология и фольклорная песенная поэзия, в последнее время все чаще становятся материалом разнонаправленных филологических исследований. Так, совсем недавно вышла в свет коллективная монография «Специфика ономастикона Кубани» [Беляева, 2021], годом ранее был опубликован «Контрастивный словарь народных песен казаков Кубани» [Литус и др., 2020], значительной вехой в региональной диалектологии стал «Опыт словаря Кубанских говоров» [Борисова, 2018]; на материале фольклора активно исследуются отдельные концепты [Борисова, Костина, 2008; Епатко, 2016, 2017, 2020; Исаева, Сафонова, 2008а; Кондрашова, Шельдешова, 2008, 2020; Литус, 2017], изучается кубанский диалектный дискурс [Борисова, Костина 2020, 2020а; Трегубова, 2004, 2004а, 2016], а также свадебная обрядовая песенная поэзия [Трегубова, 2008; Финько, 2008, 2008а, 2015, 2020], семейные мемораты казаков [Шельдешова, 2004, 2008]. Таким образом исследователи кубанского фольклора, диалекта и фразеологии дополняют общее направление в лингвокультурологии, диалектологии и лингвофольклористике по изучению культурных особенностей этносов и субэтносов, проживающих в разных регионах нашей страны [Аглеева, 2021; Брысина, Супрун, 2021; Грязнова, 2020; Супрун; 2021 и др.].

В настоящей работе рассматривается лексико-семантическая экспликация концептов КАЗАК, МАТЬ, ОТЕЦ, ДЕТИ, МУЖ, ЖЕНА, составляющих композитивный концепт СВОЙ МИР в языковой картине мира кубанских казаков. Названный ряд компонент-концептов не исчерпывает всех составляющих ментального образования СВОЙ МИР в ЯКМ кубанских казаков и может быть продолжен. Компонент-концепты выделены на основании включения в семантическую структуру номинаций концептов семы 'свой'. Еще одним важным критерием выбора анализируемых концептов является их актуальность как во фразеологических, так и в песенных текстах.

Выделенные концепты имеют наибольшее число вербализаторов и обладают плотной детализацией наименований, широтой концептуализации.

Актуальность исследования обусловлена, во-первых, магистральным лингвокультурологическим его направлением, которое реализуется в изучении языковой специфики ряда компонент-концептов, составляющих композитивное ментальное образование СВОЙ МИР. Во-вторых, определяется недостаточной изученностью мировидения кубанских казаков и значительно возросшим в современном обществе интересом к уже уходящей в прошлое системе патриархальных семейных и служебных отношений казачества.

Объектом исследования является композитивный концепт СВОЙ МИР, репрезентированный на разных уровнях языковой системы, а также структурные характеристики включенных в него компонент-концептов КАЗАК, МАТЬ, ОТЕЦ, ДЕТИ, МУЖ, ЖЕНА.

Предметом исследования явилась специфика понятийной, образной и ценностной составляющих компонент-концептов, входящих в представление о «своем мире».

Цель данной работы – выявить способы лексической и семантической репрезентации понятийной, образной и ценностной составляющих концептов, являющихся доминантами своего мира в представлениях кубанских казаков. Специфика данной работы заключается в том, что в ней не моделируется определенный концепт, а анализируется лексическая экспликация нескольких компонент-концептов в аспекте их отношения к композитивному концепту СВОЙ МИР.

Поставленная цель предполагает решение следующих **задач**:

- 1) определить основные понятия терминологического аппарата лингвокультурологии, необходимые для исследования;
- 2) исследовать понятийную составляющую композитивного концепта СВОЙ МИР, определить зоны его референции и выявить входящие в него компоненты;

3) используя методологию лингвокультурных исследований, расширить методику анализа композитивного концепта;

4) на материале региональной фразеологии описать понятийный, образный и ценностный уровни компонент-концептов, входящих в композитивное ментальное образование СВОЙ МИР;

5) дополнить описание понятийного, образного и ценностного уровней компонент-концептов на материале кубанского песенного необрядового фольклора;

б) сопоставить данные, полученные при анализе фразеологических и песенных контекстов, выявить наиболее значимые компоненты изучаемых концептов, определить специфические модели культурно-значимых отношений кубанских казаков.

Научная новизна диссертации заключается в том, что

– на материале фразеологии и песенного фольклора выделен ряд концептов, являющихся доминантами представлений о своем мире в языковой картине мира кубанских казаков;

– представлен контекстуальный и лексико-семантический анализ средств, выражающих данные концепты;

– выделены структурные составляющие анализируемых концептов: понятийная, образная и ценностная; установлены отношения между ними.

Материалом исследования послужили 776 фразеологических единиц (далее ФЕ), в том числе 281 ФЕ с вербальными экспликаторами изучаемых концептов, выбранных из «Фразеологического словаря говоров Кубани» В. И. Андрющенко, Р. Я. Ивановой, Т. Г. Ивановой, В. М. Пелих, «Опыта словаря кубанских говоров» О. Г. Борисовой, словаря «Русский говор Кубани» под ред. Е. П. Шейниной и Е. Ф. Тарасенковой, диссертации В. П. Чалова «Историко-лингвистический анализ фразеологии кубанского казачества, отражающей его историю, военный быт и духовную культуру», «Словаря говора казачьего населения станицы Отрадной Краснодарского края» С. Д. Мастепанова, сборника Л. Б. Мартыненко, И. В. Уваровой

«Пословицы, поговорки и загадки Кубани», сборника П. И. Ткаченко «Кубанские пословицы и поговорки» и книги А. Е. Пивня «Торба смеха и мешок хохота»; 730 кубанских казачьих песен, представленных в сборниках «Песни кубанских казаков» А. Д. Бигдая, «Народные песни Кубани» В. Г. Захарченко, «Народные песни казаков» Г. М. Концевича, а также данные этимологических, исторических, толковых словарей.

Теоретическая значимость данного исследования заключается в том, что в работе дополняются знания о языковой картине мира кубанского казачества как составной части общенациональной картины мира; предложенная в работе методика исследования композитивного концепта СВОЙ МИР может быть применена в лингвокультурологии при рассмотрении других композитивных концептов, настоящий подход позволяет применить полученные в работе результаты как аргументацию в других областях знаний. Некоторые выводы могут быть значимы не только для лингвистики, но и для смежных с ней областей (философии, литературоведения, истории, этнологии).

Практическая значимость исследования заключается в том, что его материалы могут быть использованы при разработке вузовских курсов по лингвокультурологии, лингвофольклористике, в процессе изучения кубанского фольклора, а также в рамках проведения школьного курса кубановедения. На результаты работы можно опираться при исследовании других концептов, являющихся доминантами языковой картины мира кубанских казаков (например, СЕМЬЯ, СЛУЖБА, ПРОСТРАНСТВО) и отражающих представления о своем мире.

Теоретико-методологическую базу диссертации составили научные труды в области когнитивной лингвистики и функциональной семантики [Арутюнова, 1995, Бабушкин, 1997, Болдырев, 2014, Грязнова, 2021; Колшанский, 1990, Кондрашова, 1985, 1998; Кубрякова, 1988, 1996, 2004; Кузнецова, 2020; Маслова, 2005; Попова, Стернин, 2007, 2009; Сегал, 2019 и др.]; лингвокультурологии [Аглеева, 2013; Воркачев, 2005, Воробьев, 1997,

2007; Грязнова, 2021; Исаева, 2012; Карасик, 2014; Маслова, 2001; Морозова, 2015; Пименова, 2005; Слышкин, 2004; Степанов, 2004 и др.]; фразеологии [Аглеева, 2021; Алефиренко, 2018, 2019; Баранов, 2008; Виноградов, 1977; Добровольский, 2008; Жолковский, 1978; Жуков, 1986; Ильясов, 2019; Телия, 1996; Шанский, 1996; Хайруллина, 2008; Чалов, 1981 и др.]; лингвофольклористики [Алексеева, 2006; Артеменко, 2006; Брысина и Супрун, 2020; Климас, 2005; Мазай, 2008; Мартыненко, 1983; Меркулова, 2008; Никитина, 1991, 2000; 2013; Оссовецкий, 1975; Праведников, 2010; Рубакова, 2019; Степанова, 2004; Хроленко, 2010 и др.]; работы, посвященные бинарной оппозиции *свой / чужой* [Байбурин, 1993; Балясникова, 2003; Лаптева, 2013; Пеньковский, 2004; Петраченко, 2005; Порядина, 2006; Серебренникова, 2004; Скрыльникова, 2008; Степанов, 2004; Топоров, 1965 и др.] и концепту СЕМЬЯ [Добровольская, 2005; Железнова, 2009; Кострубина, 2010; Качинская, 2018, Матвеева, 2007; Рахмат, 2013; Рухленко, 2005; Трущинская, 2009а и др.].

Гипотеза исследования. Композитивный лингвокультурный концепт СВОЙ МИР включает в себя представления о мире службы казака и мире его семьи. Изучение лексико-семантической экспликации концептов КАЗАК, МАТЬ, ОТЕЦ, ДЕТИ, МУЖ, ЖЕНА в текстах региональной фразеологии и песенного фольклора позволяет выявить специфические модели культурно-значимых отношений, отраженных в ЯКМ кубанских казаков.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Ментальное образование СВОЙ МИР в ЯКМ кубанского казачества является открытым композитивным концептом, включающим в себя вариативный ряд конкретных компонент-концептов: КАЗАК, МАТЬ, ОТЕЦ, ДЕТИ, МУЖ, ЖЕНА и др. Данные концепты по-разному репрезентированы в текстах, отражающих гражданский мир семьи, и в текстах, воплощающих представление о мире службы. При этом данные концепты взаимопересекаются: сложно разделить в ряде контекстов концепты МАТЬ / ОТЕЦ или МАТЬ / ДЕТИ, МУЖ / ЖЕНА. Более широкие и абстрактные

концепты (например, РОДИНА, ВЕРА, СЛУЖБА, ЛЮБОВЬ) наслаиваются на эти конкретные компонент-концепты, входящие в ментальное пространство СВОЙ МИР.

2. Описание композитивного лингвокультурного концепта СВОЙ МИР состоит из следующих этапов: 1) определение имени концепта, анализ значений слов, входящих в состав словосочетания, именуемого концепт, по толковым и этимологическим словарям и выявление круга их денотатов, определение оснований выделения компонент-концептов; 2) выделение компонент-концептов, составляющих композитивное ментальное образование СВОЙ МИР; 3) выявление понятийной основы компонент-концептов, отраженной в лексикографических источниках; 4) анализ лексических репрезентаций компонент-концептов в региональном фразеологическом фонде, интерпретационный семантический анализ контекстов, в которых употребляются слова и словосочетания, обозначающие и выражающие концепты; 5) анализ текстовых репрезентаций компонент-концептов в необрядовых лирических, исторических и военно-бытовых песнях кубанских казаков; 6) обобщение данных и воссоздание понятийного, образного и ценностного уровней компонент-концептов, выявление наиболее значимых уровней в структуре композитивного концепта.

3. Гражданский домашний мир кубанского казачества представлен в собранном материале концептами КАЗАК, МАТЬ, ОТЕЦ, ДЕТИ, ЖЕНА, МУЖ. Концепт МАТЬ является значимым в ЯКМ кубанских казаков. Понятийный и ценностный компоненты данного концепта свидетельствуют о влиятельности матери в семье. Мать является центральным персонажем СВОЕГО МИРА, она соединяет всех членов семьи в единое целое, сохраняет связь со взрослыми детьми, даже если они находятся в чужом пространстве, она защищает границы своего мира. Концепт ОТЕЦ не так актуален в текстах песен и фразеологии. Отец является персонажем второго плана, замещающим мать или выполняющим ее функции. При этом актуальность концепта возрастает в мире службы: *отцом* называют командира, *батькой* атамана,

батюшкой царя. МУЖ и ЖЕНА – тесно связанные концепты, которые можно рассматривать только в их совокупности. Ценностный уровень концептов МУЖ и ЖЕНА свидетельствует о высокой значимости мужа и жены друг для друга. Концепт ДЕТИ включает в себя доминирующие признаки: *‘объект любви и заботы’, ‘приносящие трудности’, ‘ограничивающие свободу матери’*. Во ФЕ, отражающих жизнь казака в семье, казак представлен как *‘своевольный человек’, ‘любитель выпить’, ‘лентяй’*, что свидетельствует о юморе и самоиронии воинов. В песенных лирических текстах концепт КАЗАК включает в себя доминантный признак *‘холостой молодой мужчина, способный к браку’*.

4. Мир службы репрезентирован концептом КАЗАК. Другие персонажи своего мира представлены только через отношение к главному субъекту мира службы (к казаку). Концепт КАЗАК вбирает в себя разные приращенные значения во фразеологических контекстах, в исторических и военно-бытовых песнях черноморских казаков, а также в исторических и военно-бытовых песнях линейных казаков. Во фразеологии доминантными признаками концепта КАЗАК являются следующие смыслы: *‘представитель военного сословия’, ‘избранный на служение Богу и царю’, ‘человек трудной доли’*. Понятийная составляющая концепта КАЗАК свидетельствует о некоторых различиях в представлениях о казаке в песнях черноморцев и линейцев. В исторических и военно-бытовых песнях черноморский казак находится в поиске своей земли, а понятие *свое / чужое пространство* концептуализируется как психологически сложный процесс отчуждения прежнего *своего пространства* и освоения нового, *чужого*. В песнях линейных казаков одноименный концепт представлен посредством лексических экспликаторов мужского мира военной субкультуры. Образная составляющая концепта свидетельствует о значительном совпадении символических и метафорических представлений о казаке в песнях линейных и черноморских казаков.

5. Мир семьи в представлении казаков проецируется на мир службы, терминами родства названы важные реалии служебного мира, а служебная иерархия представляется в виде семейных отношений. Обретение своей земли

и семьи становится для казаков важным этапом формирования представлений о своем мире как части большого единого государства. Совокупное представление о вере, родине и власти, воссозданное в песенных текстах и фразеологических контекстах, позволяло казакам защищать границы государства с чувством глубокого патриотизма, с чувством гордости за свою Родину и уверенности в завтрашнем дне.

Основным методом исследования в данной работе стал метод концептуального анализа, опирающийся на приемы наблюдения, сопоставления, обобщения и интерпретации исследуемых единиц. Также в работе применялись методы семного анализа словарной дефиниции и контекстуального анализа. При отборе материала исследования использовался метод сплошной выборки и прием количественного подсчета. При интерпретации полученных сведений применялся метод этнолингвокультурологического анализа.

Апробация исследования. Основные положения диссертации отражены в семи публикациях, три из которых размещены в рецензируемых научных изданиях из списка ВАК РФ.

Доклады по теме работы были представлены на всероссийских конференциях: «Актуальные проблемы теоретической и прикладной лингвистики» (Краснодар, 2020), «Исследовательские парадигмы в современной филологии» (Краснодар, 2020), «Актуальные проблемы теоретической и прикладной лингвистики» (Краснодар, 2021).

Структура и объем диссертационной работы обусловлены целью и задачами исследования. Общий объем диссертации – 247 страниц. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, библиографического списка и двух приложений.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1. Концептуальная и языковая картины мира; региональная языковая картина мира

Современная наука о языке, являясь антропоцентричной, направлена на создание единой теории языка и человека как его носителя. По мнению исследователей, центральными становятся проблемы влияния человека на язык, а также трудности в определении того, как язык влияет на человека. Одним из базовых понятий, выражающих специфику взаимоотношений человека с миром, является определение *картина мира* (КМ). Картина мира – это своеобразная модель мира, представленная в человеческом сознании. В.И. Постовалова считает, что мировоззрение человека представляет собой всеобъемлющую глобальную картину мира, сложившуюся в результате всей духовной деятельности человека [Постовалова, 1988, с. 20].

КМ выполняет роль посредника между разными сферами человеческой культуры, она обеспечивает взаимопонимание людей и является средством их интеграции в обществе. КМ представляет собой интерпретацию действительности, поскольку контакты с миром отдельных личностей всегда ценны, оригинальны и неповторимы [Постовалова, 1988, с. 29]. Картина мира перерабатывает индивидуальные представления в единое целостное изображение, поскольку «подлинно адекватный глобальный и целостный образ мира может создать только коллективный субъект» [Постовалова, 1988, с. 20]. В этих высказываниях исследователя актуализируется диалектическая социально-индивидуальная природа описываемого явления и его важнейшая функция – быть средством связи между коллективным сознанием сообщества и ментально-духовным миром личности отдельного человека.

Осознавая сложность и неоднородность глобального понятия «картина мира», такие ученые, как Ю.Н. Караулов, Г.В. Колшанский, Е.С. Кубрякова, В.И. Постовалова, Б.А. Серебренников, И.А. Стернин, В.Н. Телия и многие другие, различают языковую и концептуальную картины мира (ЯКМ и ККМ). ККМ, по словам Р.И. Павилениса, это постоянно совершенствующаяся информационная система, которой владеет индивид, о реальном или воображаемом мире [Павиленис, 1983, с. 280]. При этом отмечается, что ЯКМ является частью ККМ, ибо язык называет и классифицирует далеко не все, что хранится в сознании людей [Попова, Стернин, 2009, с. 38].

Понятие языковой картины мира восходит к идеям В. фон Гумбольдта и неогумбольдтианцев. Язык, по мнению Гумбольдта, предопределяет этнически специфический способ мышления: каждый отдельный язык формирует свой тип мышления, это отражается в звучании языка, отдельный язык по-своему трансформирует представления в понятия [Гумбольдт, 1985, с. 48].

В середине XX века появилась гипотеза «лингвистической относительности» Сепира-Уорфа, в которой учеными было введено понятие «языковое структурирование действительности», они утверждали, что структура языка оказывает влияние на базовые представления, существующие в любой культуре, и заявляли, что понятия каждой отдельной культуры уникальны [Сепир, 1993; Уорф, 1960].

В отечественной лингвистике проблема ЯКМ разрабатывалась в трудах Н.Ф. Алефиренко, Ю.Д. Апресяна, Н.Д. Арутюновой, Г.А. Брутян, Ю.Н. Караулова, В.А. Масловой, В.В. Морковкина, В.И. Постоваловой, В.Н. Телия, Е.С. Яковлевой и других ученых. Одним из первых отечественных лингвистов, изложивших целостные представления о ЯКМ, был Ю.Д. Апресян [Апресян, 1995, 1995a]. Он отметил, что у каждого естественного языка есть свой способ восприятия и организации мира. Именно в языке складывается некая коллективная философия, которая становится обязательной для всех носителей данного языка. Е.С. Кубрякова также отмечает, что ЯКМ

формирует шаблоны интерпретации воспринимаемого окружающего мира, представляет собой «совокупность обозначений, влияющую на членение опыта, виденье ситуаций и событий через призму языка и опыта» [Кубрякова, 2004, с. 64].

Язык, мышление и культура в рамках этой концепции составляют единое целое и не могут функционировать друг без друга. Языковая картина мира тесно связана с окружающим миром и развитием у отдельного человека собственных представлений о мире, «языковая картина мира – это исторически сложившаяся в обыденном сознании данного языкового коллектива и отраженная в языке совокупность представлений о мире, определенный способ концептуализации действительности» [Вежбицкая, 2000, с. 35].

ЯКМ выражает основные элементы ККМ средствами языка, который отображает действительность знаковым способом: «ЯКМ включает в себя слова, словоизменительные и словообразовательные формативы и синтаксические конструкции» [Постовалова, 1988, с. 6].

Существенной особенностью ЯКМ, по мнению З.Д. Поповой и И.А. Стернина, является то, что она не влияет на человека непосредственно в процессе мышления и говорения, тогда как ККМ имеет такое влияние. При этом ученые считают необходимым описывать системные отношения в языке, поскольку это позволит перейти к описанию национальной концептосферы [Попова, Стернин, 2007, с. 46].

В то же время Е.С. Кубрякова отмечает, что представления человека о мире не всегда связаны напрямую с вербальным кодом, поскольку ККМ представляет собой феномен более сложный, чем языковая картина мира. Это лишь незначительная часть концептуального мира человека, которая преломлена через формы языка [Кубрякова, 1988, с. 142].

Говоря об основных характеристиках ЯКМ, Н.Ф. Алефиренко выдвигает следующие положения: 1) ЯКМ включает в себя систему всех возможных содержаний: как духовных, так и языковых; 2) она является

следствием исторического развития народа; 3) ЯКМ имеет четкую структуру, что в языке выражается многоуровневой системой; 4) ЯКМ изменяется во времени; 5) ЯКМ можно передать последующим поколениям через мировоззрение, запечатлённое средствами языка; 6) ЯКМ является промежуточной картиной мира, формирующей представление об окружающем мире у носителей этого языка [Алефиренко, 2019, с. 11].

О.А. Корнилов признает за ЯКМ право не соответствовать чистому знанию о первичном мире, поскольку нельзя ставить знак равенства между ЯКМ и точным знанием о мире. Ученый подтверждает идею о том, что мировидение человека шире, чем его ЯКМ. Принципиально важным для ученого является положение о том, что ЯКМ разных языков не хуже и не лучше друг друга, они оригинальны; и являют собой один из возможных вариантов взгляда на мир [Корнилов, 2011, с. 325].

Принципиально важным для данного исследования является признание возможности существования разновидностей ЯКМ в рамках одного языка и национального образования. Так, ученые О.А. Радченко и Н.А. Закутина, основываясь на идеях Гумбольдта, обосновывают наличие такого понятия, как диалектная картина мира (ДКМ). Они рассматривают диалект как «уникальный путь освоения действительности», поскольку эта уникальность обусловлена «неповторимыми условиями», в которых существует и познает мир каждый человеческий коллектив. Картина мира, отражающая систему литературного общенационального письменного языка, по мнению диалектологов, имеет в некоторой степени искусственный характер, тогда как ДКМ – это «совокупность естественно созданных систем концептуализации действительности, присущих небольшим языковым коллективам, – диалектам, говорам, наречиям». Совокупность диалектов представляет собой, по мнению ученых, единство естественных картин мира в зоне одной ЯКМ [Радченко, Закутина, 2004, с. 25, 26].

К их мнению присоединяется Е.А. Нефедова, она считает, что диалекты выступают как тип народной речевой культуры, которая противопоставлена

городской культуре, в свою очередь ориентированной на литературный язык. Исследователь отмечает, что в силу природных, климатических, исторических различий, а также территориальной разобщенности диалектов, русская диалектная система не может быть полностью тождественной, соответственно существуют региональные варианты русской национальной языковой картины мира [Нефедова, 2015, с. 257].

Как систему традиционно-народных представлений о мире, отраженную в совокупности территориально-социальных коммуникативных средств, определяет ДКМ Т.И. Морозова [Морозова, 2015, с. 50].

Идею разграничения диалектной и региональной ЯКМ как фрагментов национальной ЯКМ высказывает Л.А. Климкова. Под ДКМ она понимает систему диалектного языка, объединяющего в себе «частные диалектные системы различного объема» [Климкова, 2008, с. 12]. Частные диалектные системы исследователь называет региональными языковыми картинами мира (РЯКМ).

Н.А. Лиханова соглашается с тем, что общие закономерности языка по-особому преломляются в диалектных системах, что позволяет ей «говорить о существовании региональной картины мира» [Лиханова, 2017, с. 196]. Т.А. Сироткина использует параллельно термины «региональная картина мира» и «локальная картина мира», понимая под РЯКМ «отражение языкового сознания носителей определённой локальной культуры, носителей диалекта» [Сироткина, 2008, с. 117].

В нашем исследовании принимается термин *региональная языковая картина мира*, под которым понимается отражение в языке жителей определенного региона всей совокупности их представлений о действительности. При этом имеется в виду, что РЯКМ репрезентируется средствами литературного языка, диалекта, просторечия, жаргона и другими разновидностями языка.

1.2. Фразеология как средство репрезентации региональной языковой картины мира

В России фразеология как самостоятельная лингвистическая дисциплина сформировалась в середине XX века благодаря трудам академика В.В. Виноградова, который первым в России выделил типы фразеологических единиц. Большую роль в становлении фразеологии как особого самостоятельного раздела науки о языке сыграли такие лингвисты, как В.А. Архангельский, В.П. Жуков, Б.А. Ларин, М.М. Копыленко, А.В. Кунин, А.И. Молотков, А. Г. Назарян, Р.Н. Попов, Л.И. Ройзензон, А.И. Смирницкий, И.И. Чернышева, Н.М. Шанский и другие. В последние годы данную лингвистическую дисциплину развивали идеи Н.Ф. Алефиренко, А.Н. Баранова, Д.О. Добровольского, В.Н. Телия, Ю.А. Гвоздарева, В.М. Мокиенко, В.П. Жукова, А.И. Чепасовой и др. Одним из основных теоретических вопросов фразеологии до сих пор остается определение ее предмета. Предметом фразеологии как научной дисциплины являются устойчивые единицы, которые обладают рядом свойств, сближающих их со словом: это воспроизводимость и целостность значения, устойчивость и непроницаемость. В то же время фразеологические единицы (ФЕ) отличаются от слова характером акцентологической и грамматической оформленности и структурными особенностями, при этом компоненты фразеологической единицы способны варьироваться. Трансформации такого типа З.Р. Аглеева объясняет желанием актуализировать ФЕ и придать ей экспрессивную окраску [Аглеева, 2021, с. 129].

Практически все современные исследователи при широком осмыслении фразеологии включают в ее объект паремии, в состав которых входят пословицы и поговорки. Паремии, как отметил Н.Ф. Алефиренко, помогают человеку осознать закономерности его бытия, воспринимать законы социума и осмысливать народные традиции. Ученый обращает внимание на то, что

паремии выступают в роли «своеобразной аллюзии к целому фонду житейской мудрости» [Алефиренко, 218, с. 311].

В.Н. Телия называет пословицы и поговорки *парадоксальными* *сентенциями*, в которых заключаются ценностные суждения и прескрипции [Телия, 1996, с. 73]. Ученый отмечает прагматику этих устойчивых речений, говоря, что пословицы и поговорки представляют собой своеобразный свод морально-нравственных правил и нравственных оценок [Телия, 1996, с. 74]. Фразеологичность таких выражений В.Н. Телия видит в их воспроизводимости.

Таким образом, сформировались «узкая» и «широкая» концепции квалификации фразеологии. Фразеология в «узком» смысле – это воспроизводимые сочетания слов, т. е. фразеологические сочетания, фразеологические единства, фразеологические сращения, фразеологические выражения. Так, в своей работе «Аспекты теории фразеологии» А.Н. Баранов и Д.О. Добровольский выделили следующие типы фразеологических единиц: идиомы (*бить баклуши*, *водить за нос* и др.), коллокации (*проливной дождь*, *ставить вопрос*), пословицы (*тише едешь – дальше будешь*), поговорки (*опять двадцать пять*), крылатые слова (*грабь награбленное*), грамматические фразеологизмы (*едва не*), фразеосхемы (*X он и в Африке X*) [Баранов и Добровольский, 2008, с. 9].

Согласно «широкому» пониманию к фразеологии относятся фразеологические сращения, фразеологические единства, паремии, обладающие целостным обобщенно-переносным значением и сравнительные конструкции, выражающие идею образного подобия.

В едином составе фразеологию и паремиологию рассматривают В.Л. Архангельский, Л.Ю. Буянова, А.В. Кунин, М.М. Копыленко, З.Д. Попова, В.Н. Телия, И.И. Чернышова и др. Вслед за названными учеными в настоящем исследовании фразеология понимается в широком значении этого термина. Для обозначения единиц фразеологии используется термин, введенный В.В. Виноградовым, «фразеологическая единица»,

интерпретируемый нами вслед за Л.Ю. Буяновой и Е.Г. Коваленко как «вербальное антропоквалификационное средство», как «ментально-когнитивный знак», который структурирует представления о мире с помощью особых психических процессов – «категоризации, объективации, структуриации, языковой концептуализации» [Буянова, Коваленко, 2013, с. 3].

Фразеология играет важную роль в формировании и репрезентации ЯКМ, поскольку структурирование информации об окружающем мире невозможно без моделирования, стереотипизации результатов познания. ФЕ, выполняя роль эталонов, стереотипов культурно-национального мировидения, выступают как «языковые экспоненты культурных знаков» [Телия, 1996, с. 250]. Именно культурная коннотация ФЕ помогает транслировать информацию о культуре народа. ФЕ передают из поколения в поколение «характерный для народа стиль мировидения и культурно-национальные его традиции, выражая тем самым и характерологические особенности его менталитета» [Телия, 1996, с. 251]. По мнению Т.М. Веренич, фразеологические единицы имплицитно передают чувства, эмоции, оценки, настроения и ощущения и становятся средством освоения мира человеком [Веренич, 2012, с. 51]. Л.Ю. Буянова и Е.Г. Коваленко также называют фразеологизмы ключевыми знаками культуры, которые отражают мировоззрение народа [Буянова, Коваленко, 2013, с. 52]. М.С. Гутовская считает фразеологические тексты смысловыми копиями мира, в точности соответствующими миру [Гутовская, 2016, с. 47]. Говоря о разных функциях лексики и фразеологии, Л.А. Лебедева замечает, что лексика покрывает практически всё пространство знаний о мире, а фразеология входит в понятийную сферу «Человек», «являясь важной составной частью её коннотативной зоны» [Лебедева, 1999, с. 200].

Таким образом, фразеология интенсивно участвует в создании национально-культурной специфики ЯКМ. Образы в основе фразеологизмов являются общими для членов одного языкового сообщества, вследствие этого

во фразеологии наиболее ярко отражаются черты национального менталитета и национальной языковой картины мира.

В то же время нельзя забывать о том, что «категория этнического в сфере идиоматики находится в диалектическом единстве с категорией универсального» [Золотых, 2013, с. 72], поскольку это обусловлено единством окружающей действительности и общечеловеческим характером мышления. Е.В. Брысина считает, что все люди используют универсальные способы освоения действительности [Брысина, 2003, с. 251], вместе с тем ученый отмечает, что наиболее актуальные представления о мире, обладающие этноспецификой, отражаются в диалекте и концептуализируются на лексико-фразеологическом уровне диалекта [Брысина, 2012, с. 51], поскольку именно в диалекте возникают этнокультурные коннотации [Брысина, 2012, с. 53].

О.Г. Борисова обратила внимание на богатство и неоднородность кубанской фразеологии. Кубанский диалект, основанный на системах русского литературного языка и украинского литературного языка, включает в себя фразеологизмы, «входящие в общекубанский фразеологический пласт, а также в кубанские говоры с украинской языковой основой или в кубанские говоры с южнорусской языковой основой, но не входящие в систему русского литературного языка» [Борисова, 2018, с. 182]. Объем фразеологического состава диалекта исследователь кубанских говоров рассматривает в широкой трактовке понятия, при которой «нижней границей фразеологизма является двусловное образование, а верхней границей фразеологизма – сложное предложение» [Борисова, 2018, с. 183].

В данной работе мы рассматриваем региональную фразеологию в качестве фрагмента РЯКМ, фиксирующего и отражающего как универсальные, общенациональные, так и этноспецифичные черты национального менталитета и включающего в себя диалектные, литературные и просторечные ФЕ, функционирующие в кубанских говорах.

1.3. Фольклор как средство репрезентации региональной языковой картины мира

В конце XX – начале XXI вв. лингвисты все чаще стали обращаться к анализу фольклорного текста. Широко известны работы А.П. Евгеньевой, П.Г. Богатырева, И.А. Оссовецкого, Е.Б. Артеменко, С.П. Праведникова, И.А. Степановой, М.А. Бобуновой, И.С. Климас, А.Т. Хроленко, С.Е. Никитиной. Возникла новая дисциплина – лингвофольклористика, которая занимается проблемами семантики фольклорного слова, фольклорной лексикографии, фольклорной диалектологии, кросскультурной лингвофольклористики.

Фольклорный текст, накапливая смыслы, проходя своеобразную цензуру коллектива, содержит в себе важные для народного мировоззрения элементы концептуализации действительности. Так, говоря о русской народной песне, О.И. Алексеева считает, что данный фольклорно-поэтический мегатекст «представляет собой важнейший концепт народной художественной культуры, отразивший философское, этнокультурное, фольклорное, психологическое начало русского менталитета» [Алексеева, 2006, с. 7].

А.Т. Хроленко представил основные положения теории фольклорного слова и обратил внимание на следующие его особенности:

- 1) способность к обобщению, поскольку семантика фольклорного слова «шире своего бытового номинала»;
- 2) символичность и метафоричность, что является постоянной языковой компонентой семантической структуры слова;
- 3) текстовая и затекстовая загруженность семантики фольклорного слова проявляется в том, что каждое слово включает в себя «устойчивые ассоциации с той или иной совокупностью фольклорных образов»;
- 4) семиотичность фольклорного слова обуславливает его включенность в семиотические оппозиции;

5) оценочность фольклорного слова, которая часто «преобладает и даже нейтрализует номинативную компоненту», приводит к тому, что иногда слово может превращаться в артикль сверхположительной оценки или, наоборот, выражать негативные характеристики;

б) иерархичность отношений, закрепленная в семантике фольклорного слова, позволяет «наиболее органично и экономно достичь эстетического эффекта» [Хроленко, 2010, С. 21-50].

С.Е. Никитина обратила внимание на семантическую глубину фольклорного текста, анализ которого включает в себя несколько уровней понимания: буквальный, символический и уровень универсальных семиотических оппозиций [Никитина, 1993, с. 134]. Кроме того, фольклорный текст сохраняет исторические сведения, но эта информация «интегрируются, суммируются в определенные стабильные структуры» [Мелетинский, 1977, с. 162]. Таким образом, в фольклорном тексте соединяются мифологический, исторический и бытовой смысловые уровни. При изучении концепта анализ фольклорного текста с учетом этой смысловой многослойности позволяет определить «особенности коллективного мировоззрения, а также традиционные схемы поведения, связанные с исследуемым понятием» [Мазай, 2008, с. 29]. Ю.А. Эмер считает фольклор «скрепой, основой национальной картины мира» [Эмер, 2011а, с. 57]. Рассматривая фольклор как функциональный вариант этноязыковой картины мира, названный исследователь отмечает, что в фольклоре «по-своему преломляются инвариантные этнокультурные модели» [Эмер, 2011, с. 19].

Одним из сложных вопросов лингвофольклористики является проблема соотношения языка фольклора и диалекта. Ряд ученых справедливо указывает, что «невозможно выявить специфику языка фольклорного произведения того или иного жанра, не зная диалекта, на котором исполняется это произведение, диалекта в его коммуникативной функции» [Богатырев, 1973, с. 106]. А.П. Евгеньева считает, что язык фольклора является литературной формой существования диалекта [Евгеньева, 1963, с. 17]. С.П. Праведников,

транслируя общую точку зрения представителей курской школы лингвофольклористики, утверждает, что «язык русского фольклора представляет собой функционально-стилевую разновидность диалекта, имеющую общие корни с диалектно-бытовой речью и отличающуюся от нее своей функцией и жанровым своеобразием» [Праведников, 2010, с. 53]. Интересна точка зрения Б.Н. Путилова, который полагает, что применять понятие диалекта к явлениям фольклора можно лишь условно, поскольку «общенародного фольклора, который бы стоял над фольклорными диалектами, ни в реальности, ни в исторической перспективе не существует» [Путилов, 1994, с. 146]. Ученый считает, что «фольклор в его конкретных материальных выражениях, в живой функциональной плоти, в реальных “единицах” текстов существует только как региональный/локальный». Безусловно, фольклорная культура характеризуется наличием универсалий, общих для регионов, но фольклорное целое общенародное существует, по мнению ученого, «не как источник, но лишь как обобщение вариаций» [Путилов, 1994, с. 147].

Выявляя первопричины уникальной этнической картины Кубани, историк и этнограф Н.И. Бондарь отмечает, что в качестве исходных этноопределяющих начал выступили здесь два компонента – русский и украинский. Примечательно то, что «и тот и другой представляли собой необычную организационную форму – казачьи войска» [Бондарь, 1995, с. 10]. По словам ученого, «в ходе экономических, социальных, культурных контактов между этими двумя дисперсными этническими группами на Кубани сформировалась этнографическая группа кубанских казаков» [Бондарь, 1983, с. 22]. Такие нетипичные этнокультурные процессы, по мнению историка, стали причиной возникновения особенного собственно кубанского песенного фольклора.

Кубанский этнограф объясняет значение двух терминов: *народный песенный фольклор Кубани* и *кубанский песенный фольклор*. Первый термин обозначает более общее понятие, в которое входит представление о

географической зоне бытования тех или иных песен. Кубанский песенный фольклор включает в себя песни, созданные на Кубани и обладающие «своеобразными типологическими особенностями», также этим термином можно определить украинские и русские народные пени, которые «в условиях Кубани в своем развитии достигли уровня оригинального варианта» [Бондарь, 1983, с. 22]. Отмечая родство поэтических фольклорных текстов Кубани и Дона, Т.А. Карташова объясняет это тем, что в фольклоре донских малороссов всегда бытовали казачьи (украинские) песни, а также тем, что в составе малороссов и кубанцев были выходцы из одних и тех же земель [Карташова, 2002, с. 50]. Л.Б. Мартыненко обратила внимание на действие двух параллельных языковых процессов на Кубани – украинизацию русских и русификацию украинских песенных текстов, и отметила, что это выразилось в лексических и грамматических особенностях текстов кубанских песен [Мартыненко, 1983, с. 28].

Таким образом, можно заключить, что язык фольклора не только репрезентирует общенациональную языковую картину мира, но и является отражением региональной языковой картины мира определенного этноса или субэтноса. В нашем исследовании мы рассматриваем паспортизированные необрядовые лирические, военно-бытовые, походные и исторические песни кубанских казаков, зафиксированные в авторитетных сборниках кубанских песен, как мегатекст, репрезентирующий основы мировидения кубанского казачества.

1.4. Концепт как основная единица региональной языковой картины мира

Термин *концепт* принадлежит двум основным направлениям лингвистики: когнитивной лингвистике и лингвокультурологии. Когнитивная лингвистика (в лице таких ученых, как Н.Д. Арутюнова, А.П. Бабушкин, Н.Н. Болдырев, А. Вежбицкая, В.З. Демьянков, Е.С. Кубрякова, З.Д. Попова,

И.А. Стернин, Р.М. Фрумкина и др.) Когнитивная лингвистика изучает язык как механизм мышления, кодирующий и трансформирующий язык. Когнитивная лингвистика через язык изучает сознание, ее интересуют концепты в сознании человека, их типы и содержание; она занимается изучением семантики единиц, репрезентирующих в языке концепт [Попова, Стернин, 2005, с. 7]. Данная наука ставит своей целью изучение процессов категоризации, классификации и освоения окружающей действительности, процессов накопления знаний, систем обеспечения различных видов деятельности с информацией.

В рамках когнитивной лингвистики концепт рассматривается как единица мышления, а значение – как единица семантического пространства языка. По утверждению Поповой и Стернина, концепт возникает как чувственный образ, но впоследствии продвигается по ступеням абстракции» [Попова, Стернин, 2007, с. 86]. Концепт включает в себя как лексикографическое значение словарной единицы, так и значение, связанное со словом в сознании носителя языка. При этом концепт «не имеет обязательной связи со словом или другими языковыми средствами вербализации» [Попова, Стернин, 2005, с. 8]. Концепт как единица мышления существует независимо от того, вербализован он или нет. Многие ученые, придерживающиеся этой точки зрения, говорят о существовании большого количества невербализованных концептов. Номинативная плотность концепта может говорить только об его актуальности в сознании народа. Человек мыслит концептами и формирует новые концепты как результаты мышления. В отличие от понятия концепт отражает любые признаки объекта, не только существенные.

Нельзя не упомянуть о ключевых процессах познавательной деятельности – о концептуализации и категоризации, которые представляют собой «классификационную деятельность» при освоении человеком мира [Болдырев, 2014, с. 37]. При концептуализации происходит выделение минимальных содержательных структур человеческого опыта, а при

категоризации – объединение сходных единиц в более крупные разряды. Концептуализацией называют процесс структурирования знаний о реальной действительности в языковом сознании индивида и коллектива [Исаева, 2012, с. 58], это «процесс и результат «сотворения» концепта» [Воркачев, 2007, с. 17]. Концептуализация представляет собой процесс осмысления новой информации, который способствует образованию концепта, это «вербализованное оформление накапливаемых человеческим сознанием и мышлением смыслов, образов, ассоциаций, идей» [Дрыга, 2010, с. 44].

Также под концептуализацией можно понимать процесс приобретения определенными понятиями «регулярных и ситуативных приращенных значений», а фрагмент действительности, получивший широкий набор дополнительных приращенных и оценочных значений, становится основой для формирования концепта [Исаева, Дрыга, 2008; Исаева, 2012, с. 59]. Другими словами, концептуализацией можно назвать процесс обогащения определенного понятия признаками, взятыми из семантики языковых единиц, вербализующих это понятие [Воркачев, 2007, с. 17], «живой процесс рождения новых смыслов» [Кубрякова, 1996, с. 93], вербальная экспликация накапливаемых человеческим сознанием смыслов, символов, ассоциаций, образов [Буянова, Коваленко, 2013, с. 50].

Категоризация – это деление мира на категории и в то же время это мысленное соотнесение объекта с какой-либо категорией [Болдырев, 2014, с. 38]. Категоризацией можно считать процесс осмысления объектов и явлений действительности в рамках определенных категорий [Попова и Стернин, 2005, с. 89]. Категоризацией можно называть и мыслительное расчленение реальности, делении бытия на различные категориальные области. С помощью категоризации устанавливаются иерархические отношения [Маслова, 2005, с. 15].

Когнитивные классификационные признаки, которые формируются при категоризации, структурируют концепты в единую концептосферу. Н.Н. Болдырев выделил статический и динамический аспекты

концептуализации и категоризации. В статическом аспекте концептуализация представляет собой систему знаний, а категоризация – систему категорий. В динамическом аспекте – это «процессы осмысления объектов мира и формирования знаний о них» и «процессы распределения этих знаний по рубрикам человеческого опыта» [Болдырев, 2014, с. 38]. Таким образом, концептуализация и категоризация – это важнейшие процессы человеческого сознания, лежащие в основе познавательной деятельности человека.

Независимо от того, каким способом сформированы концепты, доступ к ним человек получает через язык. По мнению Н.Н. Болдырева, концепт обнаруживает целый ряд характеристик, которые называют компонентами или концептуальными признаками и которые разделяются по степени абстрактности [Болдырев, 2014, с. 38]. Конкретное образно-чувственное восприятие объекта является ядром концепта, абстрактные признаки – результатом специальных знаний об объекте.

По структуре ученый выделил концептуально-простые концепты (образ, представление, схема, понятие, прототип) и структурно-сложные, многокомпонентные (пропозиция, фрейм, сценарий, гештальт) [Болдырев, 2014, с. 55]. А.П. Бабушкин все концепты подразделяет на мыслительные картинки, схемы, гиперонимы, фреймы, инсайты, сценарии, калейдоскопические концепты. А по способу выражения исследователь выделяет лексические и фразеологические концепты [Бабушкин, 1997, С. 43-67]. З.Д. Попова и И.А. Стернин различают концепт-представление, концепт-схему, концепт-понятие, концепт-фрейм, концепт-сценарий (скрипт), концепт-гештальт.

Таким образом, в когнитивной лингвистике «концепт – это оперативная содержательная единица мышления, единица, или квант структурированного знания» [Кубрякова, 1996, с. 90].

Лингвокультурологией называется сегодня научная дисциплина, источником возникновения которой послужили такие направления, как лингвистика и культурология. Лингвокультурология изучает взаимосвязь и

взаимодействие культуры и языка в его функционировании [Воробьев, 1997, с. 8]. Лингвокультурологический подход не является однородным. Из общей лингвокультурологии, объектом которой является дихотомия «язык – культура» (Ю.С. Степанов, В.В. Колесов), выделилось направление лингвокультурной концептологии, исследовательское поле которой формируется в направлении *язык – сознание – культура* (С.Г. Воркачев, В.И. Карасик, Н.А. Красавский, Г.Г. Слышкин, В.Н. Телия, В.А. Маслова). При этом лингвокультурная концептология аккумулирует и согласовывает между собой основные положения концептологических исследований.

Считается, что предметом исследования когнитивной лингвистики является когнитивный концепт, а предметом исследования лингвокультурологии — лингвокультурный или культурный концепт. В лингвокультурологии классическое определение концепта принадлежит Ю.С. Степанову: «это основная ячейка культуры в ментальном мире человека», «пучок представлений, понятий, знаний, ассоциаций, переживаний, который сопровождает слово» [Степанов, 2004, с. 43]. В трактовке Ю.С. Степанова концепт является фактом культуры, ученый выделяет в структуре концепта содержание понятия, исходную форму (этимологию) и современные оценки, ассоциации [Степанов, 2004, с. 46].

Концепт в лингвокультурологических текстах – это, «прежде всего, вербализованный культурный смысл, семантическая единица «языка культуры» [Воркачев, 2017, с. 10]; «это направление от культуры к индивидуальному сознанию» [Карасик, 2002, с. 139].

С.Г. Воркачев считает основным признаком, отделяющим лингвокультурологическое понимание концепта от логического и общесемиотического, «его закрепленность за определённым способом языковой реализации» [Воркачев, 2003, с. 268].

Волгоградская лингвокультурологическая школа исследования концепта выделила следующие его основные особенности: 1) комплексность бытования, 2) ментальную природу, 3) ограниченность в сознании носителя,

4) ценностность, 5) условность и нечеткость, 6) когнитивно-обобщающую направленность, 6) полиапеллируемость, 7) изменчивость, 8) трехкомпонентность.

Г.Г. Слышкин указывает на три уровня существования лингвокультурного концепта: 1) уровень системного потенциала, зафиксированный в лексикографии; 2) уровень субъектного потенциала, а именно все знания, хранящиеся в сознании отдельного человека (с одной стороны, эти знания ограничены характеристиками самого субъекта, а с другой стороны, они включают в себя самые актуальные представления и ассоциации, не зафиксированные в лексикографии); 3) уровень текстовых реализаций. Третий уровень представляет среду естественного существования концепта, но в то же время в тексте актуализируется лишь незначительная часть концепта в соответствии с определенной коммуникативной потребностью.

В.И. Карасик рассматривает понятийный, образный и ценностный компоненты концепта. Понятийная составляющая ученым определяется как «совокупность существенных признаков объекта или ситуаций и итог их познания» [Карасик, 2002, с. 39]. Образная составляющая в трактовке автора, это «след чувственного представления в памяти в единстве с метафорическими переносами» [Карасик, 2005а, с. 27] или «перцептивно-образный компонент». Остановимся подробнее на характеристике ценностного компонента, так как ценность концепта является, по мнению В.И. Карасика и Г.Г. Слышкина, его центром, «поскольку концепт служит исследованию культуры, а в основе культуры лежит именно ценностный принцип» [Карасик, 2005, с. 27].

Ценностный компонент, как утверждают ученые, разлагается на два аспекта: актуальность и оценочность. Оценочность выражается свойственными языковой единице, номинирующей концепт, оценочными коннотациями, сочетаемостью этой единицы с оценочными эпитетами. Актуальность выражается численностью вербальных экспликаторов,

метафорической диффузностью концепта. Актуальность можно проверить методом количественного подсчета.

В.И. Карасик обратил внимание на то, что ценностный компонент соотносится с аффективной стороной концепта, образная составляющая коррелирует с перцептивной и когнитивной сторонами концепта, а понятийная составляющая соотносит концепт с языковыми средствами его выражения [Карасик, 2002, с. 148].

Одним из важнейших свойств лингвокультурного концепта является также его этноспецифичность, т. е. концептом можно назвать «любой вербализованный культурный смысл, в какой-то мере отмеченный этнической спецификой вне зависимости от её значимости» [Воркачев, 2007, с. 16]. При этом следует заметить, что объектом изучения лингвокультурологии являются «культурно обусловленные способы апелляции к универсальным концептам» [Слышкин, 2004, с. 44]. В.А. Маслова говорит о многомерности концепта, так как «в нем можно выделить как рациональное, так и эмоциональное, как абстрактное, так и конкретное, как универсальное, так и этническое, как общенациональное, так и индивидуально-личностное» [Маслова, 2005, с. 36].

В данном исследовании термин *концепт* употребляется в значении, которое утвердилось в работах Волгоградской школы лингвокультурологического направления: концепт – это многомерное смысловое образование, вбирающее в себя ценностную, образную и понятийную стороны [Карасик, 2002, с. 137] и представленное целым рядом языковых реализаций. Концепт может обладать этноспецифичностью или включать в себя культурно обусловленные способы вербализации. В.И. Карасик, трактуя понятие концепт, отметил, что «культурные концепты соответствуют тем базовым оппозициям, которые определяют картину мира» [Карасик, 2002, с. 148]. Одной из таких бинарных оппозиций является концептуальная диада *свой / чужой*, лежащая в основе композитивного ментального образования СВОЙ МИР.

1.5. История изучения оппозиции *свой / чужой* в лингвистических исследованиях

Базовая концептуальная оппозиция *свой – чужой*, являясь древним архаичным противопоставлением, позволившим человеку вычленив себя сначала из мира природы, а потом из общности людей, не утратила своей актуальности и в современной системе культурных координат остается важной ценностной доминантой народного сознания. Следовательно, данная дихотомия может рассматриваться как принцип мыслительного освоения действительности (категория), как результат этого процесса (концепт), а также как базовая семиотическая оппозиция, восходящая к мифологическому сознанию.

В работах А.К. Байбурина, В.В. Иванова, В.Н. Топорова, Т.В. Цивьян, изучающих мифологическое сознание и мифологическую модель мира, оппозиция *свой – чужой* рассматривается как базовое бинарное противопоставление, помогающее древним людям классифицировать и упорядочить свое видение мира.

В этой своей роли дихотомия *свой – чужой* напрямую соотносится с различием «положительного и отрицательного по отношению к коллективу и человеку и реализуется в серии более частных противопоставлений» [Иванов, Топоров, 1965, с. 63], таких как:

1) социальная интерпретация, при которой *свой* и *чужой* принадлежат к разным, но соотносимым социальным группам. На этом фоне проявляются такие оппозиции, как *мужской – женский, старший – младший, посвященный – непосвященный, сакральный – мирской, главный – неглавный, свободный – несвободный*;

2) этническая интерпретация, при которой противопоставлялись *своим* актуальные в то время *враги*, это противопоставление позднее переросло в противопоставление *христианин – нехрист*;

3) метафизическая интерпретация, когда человеку противопоставлено нечеловеческое, звериное, колдовское. При этой интерпретации *чужие* – это человекоподобные гибриды, разного рода нечисть [Иванов, Топоров, 1965, с. 63].

В словаре «Славянские древности» утверждается, что дихотомия *свой* – *чужой* соотносится с такими противопоставлениями, как *хороший* – *плохой*, *праведный* – *греховный*, *чистый* – *нечистый*, *живой* – *мертвый*, *человеческий* – *нечеловеческий*, *внутренний* – *внешний* [Славянские древности, Т. 4, с. 581].

Описывая мифологическую модель славянского мира, В.А. Маслова отмечает, что в сознании древних славян *свое* всегда принадлежит человеку, освоено им, тогда как *чужое* – нечеловеческое, звериное, принадлежащее области смерти [Маслова, 2001, с. 184]. *Свой* – это объект культа, это центр мироздания, богоизбранный. В фольклоре, отмечает исследователь, «свое все светлое и радостное в противоположность чужому, мрачному и темному» [Маслова, 2001, с. 184]. Во внешности чужого, по словам А.К. Байбурина, всегда есть какие-то дефекты, отклоняющие его от нормы. Весь чужой мир – это отклонение от нормы, при этом «норма определяется субъективно, в соответствии с эталонами *своего* мира» [Маслова, 2001, с. 11]. Чужими являются незнакомцы, животные, существа из потустороннего мира. Члены своего коллектива тоже могли приобрести признаки «чуждости», например, мельник, знахарь, кузнец, священник, роженицы, молодожены, рекруты и т. д. [Славянские древности, Т. 4, С. 581-582].

Человек противопоставляет *свой*, хороший, правильный, положительно оценивающийся мир *чужому*, плохому, неправильному, подвергающемуся негативной оценке. «Любой феномен картины мира относится носителем языка к *своему* или *чужому* и подлежит обязательной классификации» [Балясникова, 2003, с. 11].

Эти миры асимметричны. *Свой* мир уникален, неповторим, дискретен, он наполнен множеством объектов, тогда как *чужой* мир нечленимый, однородный, его объекты не обладают уникальностью и многочисленностью.

Одним из образов чужого мира в мифологии славян является мир мертвых, он ассоциируется в основном с понятиями *мрак, холод, темнота*. Основным признаком местонахождения *чужого* мира являлась удаленность, но «при этом человек постоянно ощущал его *физическую близость*» [Байбурин, 1993, с. 185]. Проникновение в чужой мир, его детализация влекли за собой расширение своего пространства [Байбурин, 1993, с. 185]. В то же время представители чужого мира проникают в мир людей, и следствием этого проникновения являются болезни, смерть человека, падеж скота [Байбурин, 1993, с. 190]. А.К. Байбурин описывает свадебный обряд, когда приезд жениха в дом невесты напоминает захват, нападение, взлом, а появление невесты в доме жениха считается опасным для его обитателей. «Другими словами, жених и невеста взаимно опасны», – заключает ученый [Байбурин, 1993, с. 191]. Тем не менее появление чужого могло быть ожидаемым событием, например появление ребенка. Таким образом, если появление чужого было неожиданным, то воспринималось негативно, но заранее подготовленный приход имел позитивный смысл [Байбурин, 1993, с. 191].

Т.В. Цивьян отмечает, что в мифологическом сознании постоянно подтверждается граница между своим и чужим мирами, а также возможность ее перехода [Цивьян, 2006, с. 11]. Равновесие между этими мирами поддерживается постоянным обменом различными ценностями (жертвоприношение – хороший урожай). Нарушение равновесия разрешается с помощью установления прямого контакта между *своим* и *чужим* в ходе ритуала. С точки зрения мифа *чужое* существовало до появления *своего*, что давало основание человеку видеть в *чужом* не только деструктивную силу, но и силу, снабжающую людей ресурсами, способствовавшую появлению *своего* мира. Отношения между сторонами напоминали договор, при котором обе стороны выполняли принятые на себя обязательства, тогда как при религиозной модели одна сторона безоговорочно вручает себя во власть другой, и эти стороны не являются чужими друг для друга.

Ю.С. Степанов называет противопоставление *свои – чужие* «одним из главных концептов всякого коллективного, массового, народного, национального мироощущения» и относит это противопоставление к базовым константам культуры [Степанов, 2004, с. 126].

Обратившись к этимологическим истокам имени концепта, ученый выделил четыре основных «способа синонимизации с другими концептами, четыре различные внутренние формы» изучаемой константы, и все эти формы соотносятся с понятием «свободный человек». Ю.С. Степанов подчеркивает, что эти наименования «отделяют членов узких групп от иностранцев, рабов, и тех, кто был *неблагорожден*» [Степанов, 2004, с. 137]. Ученый подчеркивает, что русское название *свой* оказалось «волею судьбы» наиболее адекватным выражением рассматриваемого концепта.

В книге «Мир человека в слове Древней Руси» В.В. Колесов через историю древнерусских слов излагает представления восточных славян об окружающем их мире. В разделе «Свои и чужие» автор дает цепочку понятий, включенных в концепт СВОИ / ЧУЖИЕ: *племя – род и семья – семья и свои – близкие и ближние – друг и брат – чужой и гость – враг и ворог*. Объясняя этимологию и семантику соотносимых понятий, автор раскрывает взгляды восточных славян на *своих* и *чужих*, формирующие систему славянских ценностей и способы категоризации действительности [Колесов, 1986, с. 63].

Комплексный анализ славянских народных верований о «чужих» представлен в книге О.В. Беловой «Этнокультурные стереотипы в славянской народной традиции». Автором подробно рассматривается, как формировался образ *чужого* в сознании славян в результате узнавания *чужих* ритуалов, традиций, обрядов, языка и верований этнических соседей. Исследователь отмечает, что трактовка образа *чужого* развивается между отторжением и толерантностью, но именно в этих полярных представлениях о чужих отражается как культурное влияние, так и общественное противостояние [Белова, 2005, с. 7].

С.Е. Никитина исследует семантику и функционирование оппозиции *свой – чужой* в языке и культуре старообрядцев, духоборцев и молокан. Ученый показывает, что в языке фольклора оппозиция *свой – чужой* подчинена доминантной оппозиции *норма – ненорма*. В духовных текстах основным является противопоставление *добро – зло*, а лексема *свой* актуализирует сему '*особенный*' [Никитина, 2020]. К. Мичева-Пейчева изучает семантику оппозиции *свой – чужой* в классических древнеболгарских духовных произведениях [Мичева-Пейчева, 2013]. М. Китанова – в болгарской терминологии родства [Китанова, 2013]. Е. Стоянова пишет о восприятии языковой личностью мира в терминах дихотомии *свой – чужой* на материале русской и болгарской фразеологии [Стоянова, 2013]. Е.В. Ненькина рассматривает оппозицию «Свой – Чужой» как один из этноспецифичных способов вербализации пространственных отношений в донских говорах [Ненькина, 2012].

М.Л. Лаптева, рассмотрев разные аспекты реализации оппозиции *свой / чужой*, провела исследование семантики *своего* и *чужого* в когнитивно-дискурсивном пространстве русской фраземики. В своей работе ученый поднимает вопрос о содержании терминов, называющих данную оппозицию: *концепт – концептуальная диада – концептосфера*. Ученый прослеживает корреляцию концептуальной оппозиции СВОЙ – ЧУЖОЙ с концептосферами ЧЕЛОВЕК и ПРОСТРАНСТВО. Это соотношение является основанием культурного содержания изучаемой оппозиции. [Лаптева, 2013, С. 159-160]. Концептуальное противопоставление СВОЙ – ЧУЖОЙ входит как в структуру концептосферы ЧЕЛОВЕК, так и в структуру концептосферы ПРОСТРАНСТВО. При этом «в силу своей содержательной многоплановости» данная концептуальная диада также может считаться концептосферой, имеющей большое культурное значение [Лаптева, 2013, с. 160].

В ходе рассуждений лингвист приходит к заключению, что оппозиция СВОЙ – ЧУЖОЙ является именно концептосферой, а не отдельным, пусть

даже бинарным, концептом, поскольку данное противопоставление не имеет специфичных когнитивных признаков, характерных лишь для названного концепта [Лаптева, 2013, с. 160].

Ученый указывает на то, что выделенные концептуальные признаки дихотомии СВОЙ – ЧУЖОЙ выявляются и в других базовых лингвокультурных концептах, вследствие этого описание содержания концептосферы СВОЙ – ЧУЖОЙ весьма затруднительно в силу широкой, можно сказать, неохватной интерпретационной зоны.

Л.В. Балашова в монографиях «Русская метафора: прошлое, настоящее, будущее» и «Русская метафорическая система в развитии», рассматривая общие принципы метафоризации русской лексики, особое внимание уделяет концептуальной оппозиции СВОЙ / ЧУЖОЙ и отмечает, что в XI – XV вв. основой данной оппозиции было противопоставление «членов единого по какому-либо социальному признаку коллектива всем остальным людям», вследствие чего лексемы *свой* и *чужой* «регулярно характеризуют близость или антагонизм людей в религиозно-идеологической, духовной сфере» [Балашова, 2014, с. 195]. Исследователь проследила изменения в метафорических определениях *своих* и *чужих* с древних времен до наших дней и рассмотрела метафору как способ реализации концептов СВОЙ / ЧУЖОЙ в оппозиционных массмедиа [Балашова, 2014а].

В аспекте *своего – чужого* в книге В.В. Красных «“Свой” среди “чужих”»: миф или реальность» основное внимание уделяется национально-культурной особенности коммуникации, национально-культурной составляющей дискурса, специфике русского культурного пространства [Красных, 2003].

И.С. Выходцева сопоставляет репрезентацию концепта СВОЙ - ЧУЖОЙ в советской словесной культуре и в фольклоре [Выходцева, 2006].

Т.В. Алиева проанализировала языковые средства реализации концептуальной оппозиции *свой – чужой* в Британском политическом дискурсе [Алиева, 2013].

В своей статье «О семантической категории чуждости» А.Б. Пеньковский рассмотрел специальные средства языкового выражения «отчуждения» и сопряжения этой семантической категории с категорией отрицательной оценки в мифологическом сознании. Автор обращает внимание на формы множественного числа, употребляемые при номинировании чужого (*чужие края, дальние земли* и т. д.) и объясняет это тем, что говорящий человек таким образом исключает объект из своего мира, определяя его как элемент чужой и враждебной культуры. Так, «генерализующее обобщение становится основой для пейоративного отчуждения» [Пеньковский, 2004, с. 8].

Объяснение этому языковому выражению отчуждения исследователь видит в противопоставлении двух миров: *своего* и *чужого*. *Свой* мир расчленен на уникальные конкретные объекты. В этом мире функционируют имена собственные и формы единственного числа. Чужой мир неструктурированный и нерасчлененный. Чужой мир – «это мир форм множественного числа со значением однородного множества и мир нарицательных имен, в котором и собственные имена функционируют как нарицательные» [Пеньковский, 2004, с. 12].

Еще одним маркером *чужого* Пеньковский считает «местоименные слова со значением “обезразличивающего обобщения” и “обезразличивающей неопределенности” признака», например, *всякий* и *какой-то*, которые также выполняют генерализирующую функцию пейоративного отчуждения, а также особым специализированным знаком отчуждения ученый называет частицу *там* [Пеньковский, 2004, с. 25].

Л.С. Сахно уделяла внимание выражению *своей* и *чужой* речи. Говоря о концептуальном устройстве языка, она считает знаками отчуждения в речи лексические единицы: *так называемый, какой-нибудь*, а также «аномальное использование» слова *довольно* в контексте отрицания [Сахно, 1991, С. 95-101].

А.Ю. Скрыльникова рассматривает оппозицию *свой – чужой* как средство репрезентации семантической категории *чуждости*, которая эксплицируется в языке с помощью концептов ДОМ и ДРУГ в качестве представителей *своего*, и концептов ТОСКА, РАЗЛУКА как репрезентантов *чужого* мира [Скрыльникова, 2008, с. 25]. В.В. Богомазова рассмотрела коммуникативную категорию *чуждость* в судебном дискурсе [Богомазов, 2015].

Р.Н. Порядина изучила семантическую категорию *свойственности* и способы ее выражения в языке. Она выявила семантическую область категории *свойственности*, которая делится на три зоны «близкий к Я», «необходимый для существования Я», «требующий участия Я» [Порядина, 2002, с. 78].

Культурную коннотацию диалектных языковых единиц, содержащих семантику *свойственности – чуждости*, на материале Среднеобских говоров рассмотрела А.Н. Серебренникова. Автор выделяет внутрисловные и контекстуальные способы реализации семы *свой – чужой* [Серебренникова, 2004]. М.Н. Петроченко рассматривает языковую реализацию семантической категории *свой – чужой* на материале фольклорных и бытовых диалектных текстов русских говоров Среднего Приобья [Петроченко, 2005]. Исследователь приходит к выводу, что наиболее ярко данная оппозиция проявляется в текстах лирических песен и частушек, тогда как в жанре пословицы ярко выражена ее «миромоделирующая функция». В сказке оппозиция проявляется в аспекте пространственного членения мира, что обуславливает поведение персонажа, его поступки, эмоциональное состояние [Петроченко, 2005, с. 122]. Исследователь считает, что в диалекте актуализируется на эмоциональном уровне мифологический взгляд на мир и при этом реализуются фольклорные значения, соотносимые с категорией *свойственности – чуждости*. Лингвист выделяет ряд объектов, которые содержат в себе семантику *свойственности – чуждости*: это термины родства, а также объекты, воспринимаемые в рамках противопоставлений

опасный – безопасный, знакомый – незнакомый, понятный – непонятный [Петроченко, 2005, с. 203].

О.В. Балясникова изучает оппозицию *свой – чужой* в языковом сознании русской и английской культур (2003). Хуан Тяньде – в языковом сознании русских и китайцев (2017).

О.В. Балясникова отмечает, что отношения *своего* и *чужого* являются основополагающими в жизни любой общности, поэтому существует невероятно широкий набор реализаций данной оппозиции в культуре. Она может проявляться в прямой конкретизации (*мы – они, человек – не человек*), в оценочных оппозициях (*хороший – плохой, правильно – неправильно, норма – отклонение*), в пространственных отношениях (*близкий – далекий, личный – общий*), качественных (*живой – мертвый, белый – красный, христианин – нехрист, подлинный – поддельный*), темпоральных (*постоянный – временный, единичный – частотный*), аффективно-социальных и социальных (*друг – враг, родной – посторонний*), может быть связана с личным или социальным пространством (*домашний – привозной/заводской/фабричный*) и т.д. Данная оппозиция существует, по мнению автора, на трех уровнях: 1) уровень объективной реальности предполагает существование данной оппозиции в любой культуре; 2) уровень сознания, отражающий эту реальность, и 3) уровень языкового выражения (означивания).

О.В. Балясникова замечает, что именно *свой* образ мира предстает как истинный: человек убежден, что воспринимает действительность такой, какая она есть, но на самом деле человек смотрит на мир через схемы, заданные его культурной традицией [Балясникова, 2002, с. 70]. Вследствие этого *свой* воспринимается как норма, а *чужой* как отступление от нее. Диалог культур каждый носитель определенной культуры рассматривает через стереотипы своей традиции. Таким образом, исследователь отмечает, что невозможно полностью постичь чужую культуру, а когнитивная модель СВОЙ – ЧУЖОЙ является фрагментом образа мира конкретного этноса. Впрочем, оппозиция

включает и универсальную константу, ядро категоризации, состоящее из соответствующих каждой культуре признаков *своего* и *чужого*.

Проанализировав различные подходы к изучению оппозиции *свой / чужой*, мы приходим к выводу, что на основе этого древнего противопоставления оценочного по своей сути, поскольку *своё* воспринимается как положительное, как норма, а *чужое* – как отрицательное, нарушение нормы, в сознании человека и в языке с помощью процессов концептуализации и категоризации формируется ментальное образование СВОЙ МИР, противостоящее пространству *чужому*. Далее рассмотрим понятийные основы компонентов, составляющих номинацию концепта СВОЙ МИР.

1.6. Обоснование номинации композитивного концепта СВОЙ МИР

Анализируя традиционную культуру кубанских казаков, Н.И. Бондарь отмечал, что «уклад кубанского казачества в XIX – первой четверти XX века состоял из взаимосвязанных, во многом перекрывающих друг друга, но, вместе с тем, достаточно самостоятельных *миров*: военного и гражданского» [Бондарь, 2002]. Основой жизни казаков была сфера их военной службы, к которой они готовились с детства и не теряли связи с ней до глубокой старости. В первые годы освоения Кубани военная служба четких возрастных ограничений не имела, в начале XX века кубанские казаки служили до 40 лет. Как свидетельствует Н.И. Бондарь, «военный / войсковой *мир* был в известных пределах самодостаточным и полным по своей культурно-компонентной структуре» [Бондарь, 2002], он обладал иерархичностью и наличием официальных и неофициальных структур и рангов. Его составляло взрослое, наиболее активное мужское население, в пределах этого мира формировалась уникальная мужская военная субкультура. Историк также отметил, что

престиж и высокий статус членов этого мира обеспечивался также и благодаря выходу этой системы непосредственно на вершину государственной власти.

Характерной особенностью военной субкультуры стали песни разных жанров, которые имели для казаков первостепенное значение, а многие из них и создавались в мужской среде. Роль кубанского казачества как защитника государства Российского отражена в песенном фольклоре.

Гражданский мир, по мнению, историков, был более разнообразен в гендерном, возрастном, профессиональном и сословном аспектах. Его характеризовал «иной состав одежды, пищи, занятий, фольклора» [Бондарь, 2002]. При этом войсковой мир зависел от гражданского, поскольку государство превратило «казачество в замкнутое квазисословие и предопределило зависимость его существования от налаживания семейной жизни, гражданского быта и рождаемости» [Бондарь, 2002].

Таким образом, можно засвидетельствовать, что устройство жизни казаков имело свою специфику и представляло собой два, с одной стороны, противостоящих друг другу, но, с другой стороны, дополняющих друг друга мира.

По мнению В.И. Карасика, «концептуализация действительности осуществляется как обозначение, выражение и описание», поскольку обозначаются лишь актуальные для данной лингвокультуры фрагменты реальности [Карасик, 2002, с. 138]. Семантика компонентов словосочетания *свой мир* носит взаимодополнительный характер, это позволяет данной синтагме быть номинацией лингвоментального образования.

Лексема *мир* является древнейшим общеславянским словом. Корень в этом слове тот же, что и в слове *милый*, и обозначает 'доброжелательство', в древнерусском языке *мир* – это прежде всего то, что *мило*. В.В. Колесов обращает внимание на то, что слово *мир* в древнерусском языке встречается только в синтагмах, имеющих мелиоративную коннотацию: *миръ и тишина*, *миръ и любовь*, *миръ паче рати*. Противопоставляя синтагмы *целый свет* и *весь мир*, В.В. Колесов отмечает, что обозначая совокупность людей, эти

понятия имеют важные различия: «Свет – движение, мир – покой. Свет – это пугающее *чужое*... Мир же всегда предстает в полутонах, он понятен и близок, это *свое*» [Колесов, 1986, с. 227]. Воплощение с помощью лексем *мир* и *свет* сем *свое / чужое* можно увидеть в поговорках: *На миру и смерть красна, но На весь свет ославить*. Семантика слова *мир* развивалась в двух направлениях: мир как *спокойствие* и мир как *пространственное размещение всех живущих на нем людей*: «сначала в подобный мир входили только члены рода, затем – деревни, потом еще шире – весь мир вообще» [Колесов, 1986, с. 227]. В книжной традиции формировалось представление о мире как о вселенной, в народном сознании мир – это семья и покой.

Таким образом, в семантике слова *мир* изначально на этимологическом уровне была заложена сема *комфортного пространства и наполняющих его близких людей*.

Рассмотрим семантическую структуру слова, обратившись к Словарю русского языка под редакцией А.П. Евгеньевой (МАС). В данном словаре представлены два омонима с набором своих значений. Анализ дефиниций первого омонима показал, что *мир* видится как пространство и наполняющие его сущности: 1) *Совокупность всех форм материи в земном и космическом пространстве*; 2) *Отдельная часть вселенной, планета*, 3) *Земной шар, Земля со всем существующим на ней*; 4) *Человеческое общество, объединенное определенным общественным строем*; 5) *Какая-либо сфера жизни или область явлений в природе*, 6) *Какая-либо область или сфера деятельности людей*; 7) *Сельская община, а также члены этой общины*; 8) *Земная жизнь в противоположность неземной, потусторонней* [МАС, Т. 2, с. 275].

Во втором представлении мир – это отсутствие негативных, разрушительных действий, состояние гармонии: 1) *Согласие, отсутствие разногласий, вражды, ссоры*; 2) *Отсутствие войны, вооруженных действий между государствами*; 3) *Соглашение между воюющими сторонами*; 4) *В значении наречия миром, т.е. мирно, любовно*; 5) *Покой, спокойствие* [МАС, Т. 2, с. 275].

Таким образом, лексема *мир* может эксплицировать следующие семы: *обжитое пространство, сфера деятельности, общность людей, земная жизнь*, а также *гармоничное существование, согласие, отсутствие негативных действий*. В.В. Колесов отмечает, что «мир – это естественное состояние человека, его положение среди своих» [Колесов, 1986, с. 227].

Вслед за ученым в настоящем исследовании мы рассматриваем понятие *свой мир* в аспекте *своего* пространства и людей его наполняющих, противопоставленного *чужому*, *свой мир* – это *все свои*. Такой угол зрения на данное понятие позволяет считать слово *свой* в синтагме *свой мир* ключевым.

По данным этимологических словарей, лексема *свой* восходит к индоевропейскому корню *swo / swe* со значением *сам, себя, свой, собственный* [Фасмер, Т. 3, с. 583]. Цитируя Э. Бенвениста и соглашаясь с ним, Ю.С. Степанов, подчёркивает, что «понятие *свой* первоначально является осознанием кровного родства некоторой группы людей, в пределах которой человек осознаёт себя свободным по рождению и противопоставляет себя *другим – чужим, врагам, рабам*» [Степанов, 2004, с. 136].

В.В. Колесов рассмотрел группу слов-наименований родственных связей, которые содержат в значении корня представление о свойстве: *сестра, свекровь, свесть (невестка), сватия, сваты, свояк, свояченица* и общее толкование соплеменников – *свобода'*, то есть все свои. Учёный показал, как «из системы родственных отношений постепенно выросли социальные ступени иерархии», которые возникли из «простых отношений между людьми в их общем отношении к миру» [Колесов, 1986, с. 39]. Таким образом, генетический, социальный компонент значения слова «свой» был основным, так как в древности человек ещё не выделял себя из семьи, социума, коллектива.

В словаре В.И. Даля приводится одно непроизводное значение с объёмным иллюстративным материалом, в котором выражены и посессивные, и определительные отношения слова *свой*: *местоим. притяжат. Взамену или*

для усиления местоимения «мой», «твой», «его», «наш» и пр.; одинаково относится ко всем лицам и числам; *собственный* [Даль, Т. 4, с. 138].

Рассмотрим дефиниции, представленные в современном толковом словаре (МАС): 1) *Принадлежащий себе, свойственный самому себе, собственный*; 2) *Являющийся личным имуществом, личной собственностью или находящийся в распоряжении данного лица*; 3) *Свойственный только данному лицу или предмету, составляющий его особые черты, своеобразный*; 4) *Предназначенный для кого-, чего-либо, соответствующий, надлежащий*; 5) *Родной или связанный близкими отношениями, совместной работой, общими убеждениями* [МАС, Т. 4, С. 55-56].

В представленных ЛСВ доминируют посессивные и релятивные признаки лексемы *свой*. Слово указывает на наличие связи с объектом, эксплицируя притяжательные, родственные и другие отношения. В этнографическом словаре «Славянские древности» отмечается, что «оппозиция *свой / чужой* осмысливается через разноуровневые связи» [Славянские древности, Т. 4, с. 581]. О.В. Кондрашова и И.В. Шельдешова подчеркивают, что *разноуровневые* связи 1) род, семья; 2) народ, нация; 3) язык, диалект; 4) вера; 5) сообщество, эксплицируемые лексемой *свой*, свидетельствуют о наличии в семантике лексемы представления о пространстве, что местоимение *свой* «в языковом сознании народа является тем ограничивающим словом, которое очерчивает ближайшее к субъекту и примыкающее к нему лично-телесное, родственно-общинное, территориально-природное, вещественно-предметное и идеальное пространство, ощущаемое как освоенное и комфортное» [Кондрашова, Шельдешова, 2018, с. 54]. Другую важную особенность лексемы *свой* выделяет О.В. Балясникова, указывая на ее оценочность, поскольку в дефинициях лексемы «присутствует субстанция *я*» [Балясникова, 2002, с. 77]. Ученый подчеркивает, что «выделение объекта как *своего* или *чужого* всегда в той или иной степени оценочно, и эта оценка осуществляется по признаку принадлежности объекта к категории *своих*» [Балясникова, 2002, с. 78].

Наличие пространственных сем и позитивной коннотации значений позволяют лексемам *мир* и *свой*, сочетаясь, именовать понятие *свой мир*, в которое входят смыслы ‘относящиеся к субъекту обжитое комфортное пространство’, ‘относящиеся к субъекту родные и близкие люди’, ‘сфера деятельности субъекта’, ‘относящиеся к субъекту люди, занимающиеся одной с ним деятельностью’, ‘духовные сущности, с которыми связан субъект верой’.

В данном исследовании субъектом, по отношению к которому формируется *свой мир*, является сам казак. Лексемой *свой* маркируется социальное пространство, в котором «Я социального субъекта представлено как приоритетный центр ближайшего ... людского окружения, включающего семейный и родственник круг...» [Кондрашова, Шельдешова, 2018, с. 51]. А. Вежбицкая, разрабатывая теорию семантических универсалий и утверждая, что концепт *родные* представляет собой «важную русскую категорию мысли», пишет: «Родные человека – это люди, связанные с ним узами, которые нельзя разорвать, и ценимые, и нежно любимые им как неотъемлемая часть его жизни и его идентичности, люди, к которым он в некотором смысле «прикреплён» как экзистенциально, так и эмоционально» [Вежбицкая, 2001, с. 142].

По мнению М.Л. Лаптевой, в противопоставлении *своего* и *чужого* концепт ЧЕЛОВЕК в качестве *своего* противопоставлен концепту ПРОСТРАНСТВО как репрезентации *чужого*, «поскольку ментальная граница, которую проводили архаичные люди, мыслилась изначально как граница между пространством, населённым людьми, и пространством, населённым нелюдью» [Лаптева, 2013, С. 156-157].

Исследователь также говорит о возможности рассматривать концептуальную диаду *свое* / *чужое* как концептосферу: «если в качестве отправной точки анализа берётся оппозиция «Своё / Чужое», то в силу своей содержательной многоплановости, она сама определяется как концептосфера, относящаяся к культурно значимому фрагменту картины мира, отражённому сознанием» [Лаптева, 2013, с. 159]. Анализируя системную организацию

корпуса концептов, А.Н. Приходько утверждает, что не может в одной лингвокультуре существовать несколько концептосфер. По мнению ученого, концептосфера может быть только одна, но она делится на концептосистемы, которые состоят из концептополей. Единицей концептополя является концепт. Таким образом формируется концептосфера, состоящая из подсистем, имеющих между собой иерархические связи и отношения [Приходько, 2013, с. 172].

Рассматривая концепты разных типов, О.Л. Рублева заметила, что некоторые одиночные простые концепты в исследованиях рассматриваются вместе, что приближает их к сложным ментальным образованиям [Рублева, 2013, с. 5]. Обращая внимание на существование тесно связанных концептов, сферы понятий которых тесно пересекаются, Кострубина Е.А. выделила гиперконцепт ДОМ-СЕМЬЯ [Кострубина, 2010, с. 51].

Сложные, многоуровневые по своей структуре ментальные образования, представляющие собой «интегральную совокупность ряда более конкретных концептов» были названы некоторыми исследователями композитивными концептами [Огдонова, 2011, с. 44]. Композитивным концептом является, по мнению Ц.Ц. Огдоновой, концепт *гроза*, репрезентируемый метеоконцептами *молния, гром, осадки, ветер* и *состояние атмосферы*. Ш. Рамазанова рассмотрела композитивный концепт *Крымская война*, в который вошли разноуровневые понятия *вера, воин, враг, дорога, Крым, Россия, Севастополь* и др. [Рамазанова, 2012] А.С. Трущинская впервые выделила композитивный концепт и проанализировала в качестве композитивного ментального образования концепт СЕМЬЯ, представляющий «совокупность ряда более конкретных концептов»: ОТЕЦ, МАТЬ, ЖЕНА, МУЖ, ДЕТИ и т.д. [Трущинская, 2009, с. 6]. Исследователь обратила внимание на то, что компонент-концепты в концепте СЕМЬЯ образуют вариативный и открытый концептуальный ряд и сделала заключение о том, что концепт СЕМЬЯ является открытым композитивным концептом «в отличие от закрытых композитивных концептов, образуемых постоянными компонент-

концептами». Лингвист также утверждает, что в разных лингвокультурах вариативный ряд компонент-концептов может быть различным [Трущинская, 2009, с. 6].

На основании выводов названных исследователей можно заключить, что ментальное образование СВОЙ МИР также является сложным многоуровневым ментальным образованием, включающим в себя совокупность более простых и тесно пересекающихся концептов, репрезентирующих представления о *своем*. Концепт СВОЙ МИР шире концепта СЕМЬЯ, в него входят представления не только о кровно связанных родных и близких людях, но и о тех, с кем человек связан в своей сфере деятельности, о том, что окружает человека в его повседневной жизни, в концепт СВОЙ МИР входят также представления об определенном времени и ближайшем пространстве. Казак проводил много времени на службе, там создавался особый мир братско-отцовских отношений, напоминающих семейные.

В данном лингвокультурологическом исследовании концепт СВОЙ МИР определяется как композитивный концепт, состоящий из ряда тесно связанных между собой конкретных компонент-концептов, включающих в себя представления о всем своем.

1.7. Методика описания композитивного концепта СВОЙ МИР, принятая в данном исследовании

Разнообразные способы вербализации концептов предполагают наличие различных методов их исследования. Это могут быть лексикографические описания, компонентный, словообразовательный, синтагматический, паремиологический или контекстуальный анализ, а также изучение внутренней формы вербальных экспликаторов концепта, экспериментальные методы. В большой мере методы исследования зависят от его цели. Цель данной работы – выявить способы лексической репрезентации понятийной,

образной и ценностной составляющей концептов, выступающих доминантами своего мира в представлениях кубанских казаков. Специфика данной работы заключается в том, что в ней не моделируется (реконструируется) определенный концепт, а анализируется лексическая экспликация нескольких компонент-концептов в аспекте их отношения к своему миру. Поэтому все лексемно-номинанты исследуемых компонент-концептов имеют в структуре лексического значения сему 'свой', исключая лексему *казак*. Именно этот смысловой компонент объединяет все выбранные для исследования объекты. В работе рассматривается ядерная часть совокупного концепта СВОЙ МИР, отраженная локальной фразеологической системой и фольклорными текстами.

В.И. Карасик обратил внимание на то, что лингвокультурологическое исследование может быть двух типов и представлять собой «1) контрастивный анализ языковых единиц, выражающих национально-специфическое видение мира в сравниваемых лингвокультурах и 2) типологический анализ таких единиц, предполагающий построение на дедуктивной основе модели культурно-значимых отношений» [Карасик, 2002, с. 115]. Данная работа ориентирована на рассмотрение посредством анализа языковых единиц *модели культурно-значимых отношений* и опирается на фактографию одного языка.

Как отмечает О.Г. Борисова, несмотря на позднее образование и неоднородность кубанских говоров, они имеют «общекубанский лексико-фразеологический пласт, что составляет их релевантную типологическую особенность» [Борисова, 2018, с. 94]. В то же время специфика кубанского диалекта, являющегося «локальным идиомом смешанного типа с русско-украинской языковой основой» [Борисова, 2018, с. 97], позволяет сопоставлять некоторые фрагменты языковой картины мира линейных и черноморских казаков.

Опираясь на методы, разработанные Волгоградской школой лингвоконцептологии, выделим основные этапы данного исследования.

Первый этап – определение имени концепта. Именование изучаемого концепта представляет собой синтагму, совокупная семантика компонентов которой носит обобщенный характер, что позволяет данному стилистически нейтральному словосочетанию номинировать ментальное образование, включающее в себя представления о всем своем. При этом имя концепта не является частотной языковой единицей со множеством реализаций, но обладает «смысловой и коммуникативной значимостью» [Тимощенко, 2007, с. 41]. На этом этапе проводится анализ значений слов, входящих в состав словосочетания, именующего концепт, по толковым и этимологическим словарям и выявляется круг их денотатов, устанавливаются основания выделения определенных компонент-концептов.

Второй этап – выделение концептов, представляющих «свой мир». Ментальное образование СВОЙ МИР считаем композитивным концептом, состоящим из компонент-концептов. На втором этапе выявляются концепты, являющиеся доминантами своего мира. Основанием для выделения таких доминант становится частотность вербальных экспликаторов данных концептов во фразеологии и песенном фольклоре, а также наличие в семантике ключевой лексемы-номинанта концепта семы 'свой'. В таблице 1 представлены наиболее частотные вербализаторы концептов во фразеологическом региональном фонде и в песенном фольклоре.

Таблица 1. «Частотность вербальных экспликаторов компонент-концептов, входящих в ментальное образование СВОЙ МИР»

Концепты	Кол-во вербализаторов во фразеологии	Концепты	Кол-во вербализаторов в песенных контекстах
казак	100 ФЕ	казак	719 с/у
мать	34 ФЕ	мать	389 с/у
отец	29 ФЕ	отец	80 с/у
муж	35 ФЕ	муж	43 с/у
жена	59 ФЕ	жена	148 с/у
дети	20 ФЕ	дети	73 с/у
кум / кума	18 ФЕ	кум / кума	40 с/у
брат	5 ФЕ	брат	12 с/у
сестра	3 ФЕ	сестра	10 с/у
свекровь / невестка	8 / 5 ФЕ	свекровь / невестка	5 / 4 с/у

теща / зять	6 ФЕ	теща / зять	4 / 6 с/у
сват / сваха	8 ФЕ	сват / сваха	2 с/у
дед / бабушка	3 / 1 ФЕ	деды	5 с/у

На основании представленных данных было выделено 6 наиболее актуальных компонент-концептов: КАЗАК, МАТЬ, ОТЕЦ, ДЕТИ, МУЖ, ЖЕНА. В этот ряд входит также концепт КОНЬ, который отличается высокой актуальностью, отраженной как во фразеологии (только компонент *конь* употребляется около 62 раз), так и в песенном фольклоре (конь является субъектом более 100 песен). О значимости концепта КОНЬ в ЯКМ кубанских казаков ведутся специальные исследования [см., например: Епатко, 2020], однако в данной работе не рассматриваются анималистичные концепты, поскольку основное внимание уделяется социальным отношениям казака в домашнем быту и на службе.

Третий этап – лексикографический анализ номинаций компонент-концептов. На этом этапе осуществляется семное описание значений языковых единиц, выявляются основные понятийные и коннотативные признаки, отраженные в толковых словарях. Составляется обобщающая таблица, дающая основание для сопоставительного описания семантики включенных в нее лексем, и определяются словарные значения.

Четвертый этап – анализ лексических репрезентаций компонент-концептов в региональном фразеологическом фонде, «интерпретационный семантический анализ контекстов, в которых употребляются слова и словосочетания, обозначающие и выражающие концепты» [Карасик, 2005а, с. 33]. В данном исследовании фразеология рассматривается в самом широком понимании этого термина с включением в нее не только устойчивых сочетаний, но и пословиц, поговорок. В.П. Чалов, говоря о фразеологии Кубани, отмечал, что «смещение различных языковых структур в результате украинско-русской языковой интерференции, взаимодействия народных говоров с русским литературным языком и языками горских народов Кавказа определили неповторимый облик фразеологии Кубанских казаков,

своеобразии всей ее системы [Чалов, 1981, с. 21]. Анализ этих прецедентных текстов является важным этапом, поскольку в них отражаются основные стереотипы и культурно-нравственные аксиомы мировидения кубанского субэтноса.

Пятый этап – анализ текстовых репрезентаций компонент-концептов в необрядовых лирических, исторических и военно-бытовых песнях кубанских казаков. Фольклор является важной частью этнической культуры. Фольклорные произведения, с одной стороны, не имеют автора, но, с другой стороны, принадлежат всем, кто их слушает и исполняет. Коллективное авторство народных текстов С.Е. Никитина считает существенным признаком, позволяющим фольклору отражать ценностную картину мира любого этноса, поскольку коллектив творит «свое мироздание, свою эстетику, свою аксиологию, свой поэтический язык и свои коллективные культурные тексты» [Никитина, 1993, с. 12]. Таким образом, фольклор выполняет важную этноинтегрирующую функцию. Как утверждает О.И. Алексеева, народная песня формирует мировоззрение человека, «его этническую, нравственную, духовную и художественную сферы» [Алексеева, 2012, с. 20]. Исследователи отмечают, что народные песни обладают стройностью, целостностью, этнокультурной окрашенностью, и выражают парадигму нравственно-ценностных категорий. В данной работе рассматриваются только необрядовые песни, поскольку обрядовый фольклор акционален, привязан к ритуалу, в силу этого обслуживает традицию, а не отражает реальную бытовую жизнь. Лирические песни черноморских и линейных казаков рассматриваются как единый мегатекст с единым универсальным сюжетом и субъектами. Исторические и военно-бытовые песни черноморских и линейных казаков рассматриваются отдельно, так как в них концепт КАЗАК репрезентируется по-разному.

Характеризуя кубанские народные песни, В.П. Захарченко свидетельствует о том, что песни казаков «глубоко раскрывают характер и психологию казачества, его нравственные идеалы» [Захарченко, 1987, с. 6].

Таким образом, анализ тестовых репрезентаций доминантных концептов своего мира дает возможность выявить значимость этих компонент-концептов в структуре композитивного концепта и в языковой картине мира кубанских казаков в целом.

Заключительный этап – обобщение данных о структурных признаках концептов. На этом этапе следует восстановить понятийный, образный и ценностный уровни концептов, выявить наиболее значимые компоненты структуры концептов в языковой картине мира кубанских казаков.

Как отмечает С.Е. Никитина, любая традиционная народная словесная культура является преимущественно устной. Вследствие этого основными особенностями фольклора становятся его необратимость и многоканальность. В восприятии народной песни участвует прежде всего слуховой канал, вбирающий ее мелодику и вербальное наполнение, а также визуальный, посредством которого воспринимаются жесты и мимика. Такое комплексное воздействие, по мнению С.Е. Никитиной, делает устное слово «мощным средством эмоционального воздействия» [Никитина, 1993, с. 12].

Исследователь-лингвист имеет дело только с текстовыми реализациями определенных концептов, соответственно часть ассоциаций и эмоциональных реакций не может быть описана в лингвистическом исследовании. Более того, любое концептуалогическое исследование отображает лишь часть концепта, поскольку исчерпывающе выразить ментальную единицу языковыми средствами не представляется возможным, следовательно модель концепта, представленная исследователем, – это исследовательская версия, фрагментарно описывающая изучаемое ментальное образование.

Выводы

1. Картина мира – это модель мира, представленная в человеческом сознании, которая является результатом всей духовной деятельности личности. Картина мира – это постоянно и непрерывно конструируемая

система информации о мире, которой обладает каждый отдельный человек и социум в целом. Именно язык является тем инструментом, который обобщает личностные картины мира и перерабатывает индивидуальные представления в единое целостное изображение, так как целостный образ мира может создать только коллективный субъект. ЯКМ выражает основные элементы ККМ средствами языка. В языке складывается некая коллективная философия, которая с течением времени становится обязательной для всех носителей данного языка.

2. Общие закономерности языка, в том числе и семантическая его составляющая, по-особому преломляются в диалектных системах. Частью общенациональной ЯКМ является региональная ЯКМ, которая основывается не только на литературном языке, но и на диалектной, жаргонной, просторечной разновидностях национального языка. РЯКМ – это отражение в языке жителей определенного региона всей совокупности представлений о мире.

3. Фразеология играет важную роль в формировании и репрезентации ЯКМ, поскольку структурирование информации об окружающем мире невозможно без моделирования, стереотипизации результатов познания. Фразеология интенсивно участвует в создании национально-специфического колорита ЯКМ. Наиболее актуальные представления о мире реализуются, в первую очередь, на лексико-фразеологическом уровне диалекта. Нами рассматривается региональная фразеология в качестве фрагмента РЯКМ, фиксирующего и отражающего как универсальные, общенациональные, так и этноспецифичные черты национального менталитета. Фразеология рассматривается в широком понимании данного термина и включает в себя все устойчивые сочетания слов, пословицы и поговорки. Отдельные контексты определяются как фразеологические единицы (ФЕ).

4. Фольклорный текст, накапливая смыслы и проходя своеобразную цензуру коллектива, содержит в себе основные для народного мировоззрения

концептуализации действительности. В фольклорном тексте отражаются мифологический, исторический и бытовой уровни мировидения. Язык фольклора не только репрезентирует общенациональную языковую картину мира, но и является отражением региональной языковой картины определенного этноса или субэтноса.

5. Основной единицей ЯКМ является концепт. Этот термин принадлежит когнитивной лингвистике и лингвокультурологии. В рамках когнитивной лингвистики концепт рассматривается как единица мышления, а значение как единица семантического пространства языка. Концепт включает в себя как лексикографическое значение словарной единицы, так и значение, связанное со словом в сознании носителей языка. Наличие или отсутствие вербализации концепта не влияет на реальность его существования как единицы мышления. *Концепт* в лингвокультурологических текстах – это выраженный в языке культурно значимый смысл. Концепт является единицей культуры, а не индивидуального сознания. Концепт – это многомерное смысловое образование, вбирающее в себя понятийный, образный и ценностный компоненты. Одним из важнейших свойств лингвокультурного концепта является его этноспецифичность.

6. Дихотомия *свой / чужой* может рассматриваться как принцип мыслительного освоения действительности (категория), как результат этого процесса (концепт), а также как базовая семиотическая оппозиция, восходящая к мифологическому сознанию. Как семиотическая оппозиция дихотомия *свой – чужой* напрямую соотносится с различием положительного и отрицательного по отношению к коллективу и человеку. *Чужое* – это отклонение от нормы, *свое* – нормативно. *Свой* мир уникален, неповторим, дискретен, он наполнен множеством объектов, тогда как *чужой* мир нечленимый, однородный. Концепт *свой / чужой* включает в себя следующие когнитивные признаки: отношения принадлежности, родства, происхождения, отношение к определенному этносу, языку, религии, социальные отношения. Возможно изучение оппозиции *свой / чужой* как

концептосферы, относящейся к культурно значимому фрагменту картины мира. На основе противопоставления *свой / чужой* с помощью процессов концептуализации и категоризации формируется композитивное ментальное образование СВОЙ МИР, с представлением о близких и родных людях, противостоящее представлению о *чужом* недискретном и неструктурированном пространстве.

7. Семантика лексем *свой* и *мир* пересекается, так как включает смысл личного и социального пространства, что позволяет синтагме *свой мир* быть именованном понятием, вбирающего в себя все представления о *своем*: ‘относящееся к субъекту обжитое комфортное пространство’, ‘относящиеся к субъекту родные и близкие люди’, ‘сфера деятельности субъекта’, ‘относящиеся к субъекту люди, занимающиеся одной с ним деятельностью’, ‘духовные сущности, с которыми связан субъект верой’. Устройство жизни казаков имело свою специфику и представляло собой два мира: мир службы (военный мир) и мир семьи (гражданский мир).

Сложное многоуровневое ментальное образование СВОЙ МИР в данном исследовании считается композитивным концептом, в который входит ряд компонент-концептов.

8. Концепты КАЗАК, ЖЕНА, МУЖ, МАТЬ, ОТЕЦ, ДЕТИ обладают большой номинативной плотностью и частотностью своих вербализаторов как во фразеологических контекстах, так и в текстах песенного необрядового фольклора, что позволило их выделить в качестве доминант СВОЕГО МИРА. Данная работа опирается на фактографию одного языка и рассматривает модели культурно-значимых отношений. Специфика данной работы заключается в том, что в ней не моделируется (реконструируется) определенный концепт, а анализируется лексико-семантическая экспликация нескольких компонент-концептов в аспекте их отношения к своему миру.

ГЛАВА 2. ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ЭКСПЛИКАЦИЯ КОМПОЗИТИВНОГО КОНЦЕПТА *СВОЙ МИР* ВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОМ ФОНДЕ КУБАНСКИХ КАЗАКОВ

В данном исследовании методом сплошной выборки были отобраны контексты для анализа из следующих источников: «Фразеологического словаря говоров Кубани» В. И. Андриющенко, Р. Я. Ивановой, Т. Г. Ивановой, В. М. Пелих [Фраз. сл. говоров Куб., 2006], «Опыта словаря кубанских говоров» О. Г. Борисовой [Борисова, 2018а], словаря «Русский говор Кубани» под ред. Е. П. Шейниной и Е. Ф. Тарасенковой [Русский говор Кубани, 1992], диссертации В. П. Чалова «Историко-лингвистический анализ фразеологии кубанского казачества, отражающей его историю, военный быт и духовную культуру» [Чалов, 1981], «Словаря говора казачьего населения станицы Отрадной Краснодарского края» С. Д. Мастепанова [Сл. говора казачьего населения станицы Отрадной Краснодарского края, 2013], сборника Л. Б. Мартыненко и И. В. Уваровой «Пословицы, поговорки и загадки Кубани» [Мартыненко, 2000], сборника П. И. Ткаченко «Кубанские пословицы и поговорки» [Ткаченко, 2008] и книги А. Е. Пивня «Торба смеха и мешок хохота» [Пивень, 1995]. Материал данных сборников рассматривается как единый фразеологический мегатекст без указания источника цитирования.

2.1. Лексико-семантическая экспликация концепта КАЗАК

Центральным персонажем своего мира, классифицирующим окружающую действительность на *свое* и *чужое*, на *своих* и *чужих*, является *казак*. Лексема *казак*, как наиболее употребительная, считается именем концепта. В данном исследовании рассмотрено 102 ФЕ, репрезентирующих данный концепт. 70 ФЕ содержат компонент *казак*, 11 ФЕ включают

однокоренные образования (*казачий, казачить*), 8 ФЕ содержат компонент *атаман*, а 4 ФЕ имеют компонент *булава*, 4 ФЕ имплицитно содержат компоненты, номинирующие воинские чины, армейские подразделения. Также две ФЕ включают компонент *батько*, в 2 ФЕ имеется компонент *кубанский*, в 3 ФЕ концепт КАЗАК репрезентирован имплицитно.

Лексема *казак* заимствована из тюркских языков и первоначально имела значение «свободный, независимый человек, искатель приключений, бродяга» [Фасмер, Т. 2, с. 158].

Словарь В.И. Даля представляет два значения этого слова: (вероятно от среднеазиатского *казмак* т.е. *скитаться, бродить*, как *бродяга* от *бродить* и пр.): *Войсковой обыватель, поселенный воин, принадлежащий к особому сословию казаков, легкого конного войска, обязанного служить по вызову на своих конях, в своей одежде и вооружении. Есть и пешие казаки, в числе которых более известны черноморские пластуны. Малороссийские казаки те же крестьяне и ставят рекрут на своих правах* [Даль, Т. 2, С. 72-73].

В четырёхтомном академическом словаре русского языка под редакцией А.П. Евгеньевой (МАС) дано три ЛСВ этой лексемы: 1. *В Русском государстве 15-17 вв.: вольный человек, из бежавших на окраины государства (Дон, Яик, Запорожье) крепостных крестьян, холопов и городской бедноты.* 2. *Представитель военного сословия в дореволюционной России, которое с 18 в. было обязано нести службу за льготное пользование землёй; житель войсковых областей (Кубанской, Оренбургской, войска Донского и др.).* 3. *Уроженец некоторых областей СССР (бывших войсковых областей)* [МАС, Т 2, с. 13].

Словарь С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой (ТСОШ) предлагает два ЛСВ: 1. *В старину на Украине и в России член военно-земледельческой общины вольных поселенцев на окраинах государства.* 2. *На Дону, На Кубани, Тереке, Амуре и в других войсковых областях: крестьянин, потомок таких поселенцев, а также боец кавалерийской воинской части, состоящей из этих крестьян; сейчас – потомок таких крестьян, бойцов* [Ожегов, Шведова, 1994, с. 259].

О.Г. Борисова отмечает, что в говорах Кубани функционируют ещё два переносных значения лексемы *казак*: 1. *Одинокий, свободный человек* (см. также глагол *казаковать*: *быть холостым, вести свободный от обязательств образ жизни*). 2. *О смелом, храбром, удалом человеке* [Борисова, 2018а, с. 520].

Таким образом, на понятийном уровне закрепились основные характеристики казака: 1) представитель военного сословия (воин, обязанный служить государству); 2) крестьянин, обязанный самостоятельно обеспечивать себя обмундированием и оружием; 3) вольный поселенец окраины; 4) преимущественно боец кавалерийских частей, но есть и пешие казаки; 5) потомки прежних воинов. Эмотивные характеристики казака, ставшие основанием метафорического переноса: 6) одинокий, свободный, 7) смелый, удалой.

В кубанском фразеологическом фонде лексема *казак* реализует первое, второе и третье выделенные выше значения, а также воплощает представления о казаке, как о смелом, удалом, свободном и одиноком человеке.

Исследователь кубанской фразеологии В.П. Чалов выделил две ФЕ, противопоставленные друг другу на основе бинарной оппозиции *свой – чужой*: *верные казаки и неверные казаки*. В этих фразеосочетаниях отразилась история черноморского казачества. Деление на *своих верных* и *отчужденных неверных* произошло после распада Запорожской Сечи. *Верные* казаки образовали основу Черноморского казачьего войска. *Неверные* ушли в Турцию и присягнули на верность турецкому султану. Черноморское казачье войско стало частью Кубанского казачьего войска и появились новые устойчивые сочетания: *кубанский казак, кавказский казак, линейный / линейский казак*. Ученый отмечает, что кубанские казаки называли себя *русскими*, сознательно отделяясь от украинского этноса [Чалов, 1981, с. 521].

Мир военной службы и домашний бытовой мир казаков очень ярко воплощаются в региональном фразеологическом фонде. 76 ФЕ из 100 посвящены военной службе, поскольку военная приграничная служба стала предназначением для вольных степных воинов. О.В. Матвеев сравнивает

казаков со средневековыми рыцарями. Казаки, по мнению историка, считали, что Бог дал каждому сословию свое дело. Крестьяне должны работать на земле, купцы – торговать, священники – служить Богу, а казаки должны защищать веру и народ от врагов [Матвеев, 2007, с. 80]: *Не наше діло у рясі стрибати: наше діло казацькее конем з меренцем по степу гуляти*. В данной пословице сопоставляется духовное служение и казацкая служба. Негативное отношение к служению в церкви как к чужому, несвойственному казакам занятию актуализируется в сочетании глагола *стрибати* (прыгать) и существительного *ряса*. Приниженный образ прыгающего в рясе священника противопоставлен образу гарцующего на коне по степи казака. В данном контексте реализуется семантический компонент ‘*сословное призвание*’. Свое сословие определяется как правильное, лучшее, все остальные – чужие, а следовательно, не такие хорошие, как свои. Ряд фразеологических единиц репрезентируют дополнительный понятийный признак ‘*казак – представитель кастового военного сословия*’. К таким ФЕ относится поговорка *Казацкому роду нэма пэрэводу*, а также фразеологизмы *природный казак, потомный казак; в(у) корень казак* (крепкий казак), с помощью которых характеризуются казаки по их *правильному* происхождению.

В другой группе ФЕ актуализируется дополнительный признак ‘*казак избран на служение Богу и царю*’: *Душа – Богу, жизнь – царю, слава – казаку. На тэ казак народывся, шоб Богу и царю сгодывся. Як казак народывся, сатана зажурывся*. Казаки служат Богу, защищая веру православную, и царю – охраняя границы России. Они позиционируют себя противниками сатаны и осознают свою избранность. *Колы казаки спивають, ворогы плачуть*. В данном контексте антонимичной парой компоненту *казаки* становится компонент *ворогы*, поверженность врагов актуализируется глаголом *плачуть* в противовес мелиоративно окрашенному глаголу *спивають*. Само контекстуальное противопоставление реализует смысл ‘*предназначение казаков – защищать страну от врагов*’.

Мир военной службы разворачивается во фразеологических контекстах о казачьей доле. Доля казака – быть вольным, свободным. Символизирует вольную жизнь свободолюбивого воина компонент *степь*. *Стэп та воля – козацька доля*. Вместе с тем жизнь казака полна трудностей и лишений: *Казак с бидою, як рыба с водою; Кто казачит, тот и батрачит; Звание казачье, а життя – собачье; Слава казача, а жысть собача; Хлеб, сіль та вода – то козацька йида! Дожилы казаки: ни хлеба, ни табаки; Козаку в походи и голка важка; Як куц розивьетця, той й козак розжыветця*. Почетное казачье звание и добытая в боях казачья слава противопоставлены трудностям военной жизни. В данных контекстах казаки сопоставляются с батраками и собаками, основанием сравнения является непосильный труд и неустроенная жизнь. Перечисление самых важных для жизни продуктов, символизирующих бедность как основных, дополняют представления о нелегкой военной службе воинов.

Настоящий казак умеет терпеть лишения: *Тэрпы, козак, горе – будэши пыть мэд; Тэрпы, казак, атаманом будэши; Терпи, казак, атаманом будешь, а умрешь – с коня в рай попадешь; Казак и в беде не плаче*.

Казаки непритязательны в походных условиях и могут обходиться малым: *Козак не гордуге, що попав, тэ й мордуге; Козакови нэ багато треба: соли дрибок, хлеба шматок, та горилки чарка; Козацька душа найисться и з ковша; Козаки, як мали диты: хочь багато – пойдить, хочь трохы – найидятця; Козак, як голуб: куда нэ прылэтыть, там и прыстанэ*. В этих ФЕ отмечаются бытовые трудности походной жизни – недостаток еды, отсутствие жилища и привычных предметов. Сравнения с маленькими детьми и голубем придают заголовочной лексеме концепта КАЗАК коннотацию сочувствия.

Истинный казак бесстрашен: *Казак не боитьця ни тучи, ни грому*. Казак – одинокий человек: *Умер козак та й лэжить, та й никому затужыть*. Он осторожен: *Лучше живой урядник, чем мёртвый подпоручик; Лучше живой хорунжий, ніж мертвий сотник*. В данных контекстах противопоставляются воинские звания через бинарную оппозицию *живой – мертвый*. В народном

сознании фиксируется представление о том, что жизнь дороже высокого звания, что нельзя рисковать жизнью ради карьеры. Казак верит в свою удачу и в помощь Бога: *Козак нэ бэз доли, рыба нэ бэз лускы, Бог нэ бэз мылування, а царь нэ бэз жалування; Бог нэ биз мылости, казак нэ биз щастя.*

Служба казака – это сугубо мужской мир, закрытый для женщин: *Баба в стане – казакам несчастье.* Время активных боевых действий – ночь: *Кінь та ніч – козакови товарищи; Мисяц – козацьке сонце.* Место действий – там, где можно укрыться, спрятаться от врага: *Де байрак, там и казак; У нас де крак, там и казак, а де байрак, та І сто козаків; Плох тот казак, что не умеет маскироваться.*

Таким образом, концепт КАЗАК включает в себя такие контекстуальные значения, как ‘сторонящийся женщин’, ‘действующий ночью’, ‘скрывающийся’, ‘маскирующийся’, что говорит о казаках как об умелых и осторожных воинах, свободно ориентирующихся на местности и способных обмануть врага.

С умением прятаться, маскироваться связано ещё одно качество настоящего казака – это сообразительность, хитрость, умение находить выход из самых сложных ситуаций: *Не той козак, що поборов, а той, що вывернувся.* Одобряя умение ловчить и хитрить, казачья мудрость, отраженная в устойчивых речениях, тем не менее иронически осуждает воровство: *Не за тэ козака бьють, що крадэ, а за тэ, щоб умив кинци ховать; По-козацкому, хоч украв, так кажси, що добув.* Так с помощью глаголов *вывернутися, ховать, добывать, красть* актуализируется сема ‘казак – хитрый человек’.

Особой ценностью в казачьей мужской субкультуре считается опытность. Об этом свидетельствует поговорка *Не в усах казачья слава.* В данном контексте проявляется редкий во фразеологии перцептивный визуальный признак, входящий в концепт КАЗАК, его усы. Усы, показатель мужской красоты, противопоставлены абстрактному понятию *слава*, включающему в себя представления о героизме и опытности: не красивое лицо делает человека героем. Поговорка *Стара собачка, да ни батьком звать*

означает, что в казачьей среде «статус «батьки» определяет не возраст, а опыт» [Бурдун, 2020, с. 16]. Фразеологизм *репаний казак* означает «матерый, истинный казак». О.Г. Борисова, объясняя значение данной ФЕ, указывает на то, что «прилагательное *репаний* выражает целую палитру смыслов: ‘израненный в боях, покрытый шрамами’, ‘опытный, бывалый воин’, ‘много переживший и повидавший на своём веку’» [Борисова, 2018, с. 522]. ФЕ *Пластун идёт на войну в длинном кожухе, а возвращается в коротком* говорит об опыте, который пехотинец-казак получил в боевых действиях, так как «в исторической памяти кубанского казачества пластуны предстают прежде всего создателями и хранителями уникальной системы выживания в экстремальных условиях» [Матвеев, 2005, с. 99]. В этом контексте, возможно, эксплицируется ещё один смысл – ‘*отрыв от гражданского, женского мира*’. По словам Н. И. Бондаря, «молодые казаки на службу являлись в длинных из домашнего сукна свитках (зипунах). Старые казаки, принимавшие пополнение, тут же топором подрубали свитки до длины казакинов» [Бондарь, 2002]. Историк отмечает, что в этом «следует видеть важный, с точки зрения казака-воина, символический акт окончательного отделения (отрубания) молодых казаков от гражданского (в том числе женского) мира» [Бондарь, 2002]. Таким образом, испытав много опасностей на войне, пластун приходит домой настоящим, опытным казаком, полноправным членом мужского воинского сообщества. По-другому народные речения говорят об опыте конного казака: *Побывавший на коне и под конём*. Это значит, казак не только участвовал в сражениях, но и знает, что такое ранение и смерть.

Н. И. Бондарь в своей статье «Воины и хлебоборобы» пишет о том, что «важной составной частью мужской казачьей субкультуры, войскового мира» была «система управления» [Бондарь, 2002]. Это отразилось и в региональной фразеологии, где компоненты *атаман*, *батько* также являются экспликаторами концепта КАЗАК. Основной признак, по которому оценивается атаман, – это его ум: *До атаманской булавы надо ще голову; Була б голова, будэ и булава; При войсковой булаве, да при своей голове; Не атаман*

при булаве, а булава при атамане. Булава – это символ власти, вручаемый избранному атаману, и он должен правильно распоряжаться своей властью: тот атаман хорош, у которого умная голова. Таким образом, регулярное контекстуальное сближение компонентов *булава* и *атаман* позволяет считать первую еще одним вербализатором концепта КАЗАК. Честность и талант в управлении казачьими частями тоже ценились: *Не тот атаман, кто гроши мает, а тот атаман, что Бога знает; Доброго казака вэбэрають, а нэ купують; Кому дан талан, той будэ атаман.* Хороший атаман вызывает уважение: *Добра та бэсэда, дэ атаман е,* ему подчиняются, его называют «*батькой*»: *Знае об тім Головатий Антін: він нам голова, він наш І батько, він нам поголив голови гладко.* В данных контекстах лексема *атаман* приобретает мелиоративную окрашенность, так как *главенство батьки* актуально для казаков не только в семейных отношениях, но и в иерархии казачьей службы. «*Батько – это, во-первых, 'главный', 'опытный'* и, во-вторых, всегда представитель 'своего'» [Бурдун, 2020, с. 18]. Так, в реализуемом устойчивыми речениями концепте КАЗАК появляется приращённый смысл '*атаман – справедливый, умный и честный казак*'. Атаманом быть почётно и престижно, об этом должен мечтать каждый хороший казак: *Той І не козак, хто не думае быть отаманом.* При этом лексема *атаман* как воплощение представлений о хорошем противопоставляется лексеме *яман*: *Ноня атаман, а в завтра яман.* В. П. Чалов объясняет происхождение данной поговорки заимствованием от одного из тюркоязычных народов Кавказа, так как слово *яман* в тюркских языках означает '*плохо*', '*нехорошо*'. Каждый казак, получивший власть, ставший атаманом, должен помнить о том, что в любой момент он может потерять эту власть. Посыл поговорки таков: не стоит гордиться своим властным положением, при этом следует жить так, чтобы тебя уважали не за титул и положение, а за твои дела и образ жизни.

В других фразеологических контекстах проявляются ироническое отношение казаков к власти, независимость, нежелание подчиняться: *Дэ два казака, там тры атамана; Сам себе атаман.* Есть и такие фразеологические

единицы, где высмеивается подобострастие, проявление излишнего внимания к атаману: *Добрый казак баче, де отаман скаче*. Таким образом, можно резюмировать, что лексема *атаман* в кубанской фразеологии эксплицирует сему 'ответственная власть' и имеет в целом положительную эмоциональную окрашенность, а сам атаман считается важным представителем *своей* военной субкультуры.

Еще одним центром мужского казачьего мира в контексте кубанской фразеологии является боевой конь. Исследователями было обнаружено, что «в подавляющем большинстве кубанских ФЕ с лексемой *конь* (42 ФЕ из 44) эксплицитно или имплицитно реализуется значение 'боевой конь'» [Епатко, 2020, с. 20]. Конь для казака дороже отца и матери, дороже себя самого: *Без отца да без матери казак ещё не сирота, а как без коня – круглый; Без коня казак кругом сирота*. Именно конь делает казака казаком: *Без коня – не казак. Казак без седла, что черкес без кинжала; Казак без коня, що солдат без ружья*. Конь является для казака абсолютной ценностью: *Конь – это душа казака; Нет ничего дороже казаку, чем конь; Конь для казака дороже всего; Казаку конь себя дороже; Казака хлебом не корми, только дай ему коня с седлом; Булы б кони, казаки найдуться*. Ради коня казак готов жертвовать собой, голодать, не отдыхать: *Казак голоден, а конь его сыт; Казак сам голодный, а лошадь его сыта; Не тот казак, что на коне, а тот, что под конём; Не тот хозяин, кто в стремя ноги вложил, а тот, кто сыто лошадь накормил*. Казак, имевший коня, отличался более высоким статусом по сравнению с пехотинцем: *Пеший конному не товарищ*. Конь для казака был верным другом: *Нет у казака лучшего друга, как его боевой конь; Конь на службе казаку верный товарищ*. Таким образом, следует отметить, что компонент *конь* является ещё одним вербальным воплощением концепта КАЗАК и символизирует принадлежность к мужской субкультуре.

Нами были рассмотрены 35 ФЕ, где в одном контексте с лексемой *казак* употреблялись одушевлённые существительные. Положительную

эмоциональную окраску приобретали такие лексемы, как *конь* (18 ФЕ), *Бог* (3 ФЕ), *атаман* (3 ФЕ), *царь* (2 ФЕ).

Следовательно, надо отметить, что в устойчивых народных речениях Кубани ни к кому не выказывается столько трепетной любви со стороны казака, как к коню: *Конёк мой верный – кубанская кровь*. В данном фразеологическом контексте уменьшительно-ласкательный суффикс, притяжательное местоимение ‘мой’, эпитет ‘верный’, сочетание слов ‘кубанская кровь’ эксплицируют сему ‘любовь’ и указывают на то, что конь для казака является центральной фигурой своего мира в системе координат ‘свой – чужой’.

Таким образом, в контексте кубанской фразеологии, описывающей военный мир, концепт КАЗАК вбирает в себя следующие смыслы: ‘представитель военного сословия’, ‘тот, кто избран на служение Богу и царю’, ‘представитель ответственной власти’, ‘человек трудной доли’, ‘защитник веры и отечества’. Данные семантические комплексы получают следующие приращённые контекстные смыслы: ‘терпеливый’, ‘непритязательный’, ‘опытный’, ‘осторожный’, ‘бесстрашный’, ‘маскирующийся’, ‘хитрый’, ‘любящий своего коня’, ‘свободолюбивый’, при этом ‘одинокий’.

Группа ФЕ, посвящённая жизни казака не на войне, а в ‘гражданском мире’, немногочисленна, возможно, оттого что дома казаки проводили не так много времени, как на войне: *Дома жить – чина не нажить*. Зачастую в этих контекстах лексема *казак* приобретает пейоративную окрашенность. Образ удалого, смелого, опытного рыцаря сменяется ленивым, своевольным, любящим выпить персонажем. Эти ФЕ полны самоиронии и юмора. *Казак як нэ пье, та воши бье, а всэ ж нэ гуляе* (семы ‘безделье’ и ‘пьянство’). *Козак – душа правдивая, сорочки нэ мае: колы нэ пье, так нужу бье, а всэ нэ гуля* (семы ‘безделье’ и ‘пьянство’); *Чому козак гладок? Пойив та на бок* (сема ‘безделье’); *Курица невелика птица, да пьёт, а казаку и Бог велел* (сема ‘пьянство’); *Дэржы казак в руках жынку, а нэ рюмку* (сема ‘пьянство’); *Нэ на*

тэ козак пье, що е, а на тэ, що будэ (сема 'пьянство' и 'беспечность'); *Забажалось козаку зэлэного часныку* (сема 'своеволие'); *Казак жинку бье нэ туди, колы вона вынувата, а колы у його на це врэмя е* (сема 'своеволие').

Семантический компонент *свой / чужой* интересно раскрывается в устойчивом речении *Галмесы у(в) церковь идуць, а наши казачки у духан пруть*, где 'чужие' *галмесы* поступают правильно, а 'свой' нарушают нормы поведения. Отношения с женой тоже не всегда идеальны: *Казака нэ лай, жона, колы изба нэ мэтэна*. Тем не менее, когда казак на войне, жена переживает за него и ждёт его: *Казак воюе, а жинка горюе*.

Обладая юмором и самоиронией, казаки подмечали свои недостатки и не стеснялись смеяться над собой: *И ты – козак, и я – козак, та обыдва й козакы; и ты – дурак, и я – дурак, да обый два дуракы!* Вместе с тем они осознавали свою исключительность и тщательно оберегали своё сообщество от 'чужаков'. Так, в пословицах и поговорках отразились их представления о тех, кто не вписывался в мир 'своих':

- о людях другой веры: *Не нашего Бога;*
- о тех, кто не мог носить казачью одежду: *Не для жида сшита;*
- о неподлинных казаках: *Куди кинь, то казак; Зовсим козак, та чуб нэ так; В(у) козака гузно в попели;*
- о детях и внуках, теряющих казачьи традиции: *Дид був козак, диты – сыны козачьи, а внуки – хвосты собачьи;*
- обо всех 'чужаках', кто не имел казачьего опыта: *Не пыв воды Кубанської, не йив каши казацькою.*

Так в языковой картине мира отражается стремление казаков защитить своё сообщество от людей другой веры, от людей другого социального статуса, от тех, кто не может хранить казачьи традиции и передавать их из поколения в поколение.

Таким образом, можно сделать следующий вывод: значимость концепта КАЗАК во фразеологическом фонде Кубани в аспекте бинарной оппозиции

‘свой / чужой’ меняется в зависимости от того, какой мир (военный или гражданский) отражается во фразеологических контекстах.

Дополнительные смысловые приращения, входящие в понятийный, образный и ценностный уровни концепта КАЗАК и отраженные в контексте региональной фразеологии, представлены в таблице 2.

Таблица 2. «Основные концептуальные признаки, составляющие понятийный, образный и ценностный уровни концепта КАЗАК»

Понятийный уровень концепта	Признаки, закрепленные в словаре и зафиксированные в контекстах: ‘представитель военного сословия’, ‘воин, обязанный служить государству’, ‘крестьянин, обязанный самостоятельно обеспечивать себя обмундированием и оружием’.	
	Дополнительные признаки, зафиксированные в контекстах: ‘представитель кастового военного сословия’, ‘избранный на служение Богу и царю’, ‘защитник родины’, ‘представитель ответственной власти’, ‘уповающий на Бога’, ‘православный человек’, ‘человек несчастной доли’, ‘сторонящийся женщин’, ‘действующий ночью’, ‘скрывающийся’, ‘маскирующийся’, ‘свободный’, ‘бедный’, ‘одинокий’, ‘любящий хозяин коня’.	
Образный уровень концепта	Перцептивные признаки: у казака усы, длинный и короткий кожух. Казаки <i>спивают</i> , казак <i>в сидли</i> , казак на коне гарцует по степи.	
	Метафорические признаки: ‘казаки – голуби’, ‘казаки – малые дети’ (неприхотливые), ‘казак – собака’ (плохая жизнь), ‘казак – батрак’ ‘атаман – батько’ (главный).	
Ценностный уровень концепта	Казак на службе: ‘терпеливый’, ‘непритязательный в военном быту’, ‘опытный в бою’, ‘осторожный’, ‘бесстрашный’, ‘хитрый’, ‘честный начальник’, ‘смелый’, ‘везучий’, ‘умный’,	Казак в домашнем быту: ‘бездельник’, ‘любитель выпить’, ‘гуляка’, ‘беспечный и своевольный человек’.

	‘атаман – справедливый, честный, умный казак’.	
--	--	--

В мире военном, оторванном от женщин и домашнего уклада, концепт КАЗАК включает в себя такие смысловые компоненты, как *‘представитель военного сословия’*, *‘избранный на служение Богу и царю’*, *‘представитель ответственной власти’*, *‘человек трудной доли’*. Практически во всех ФЕ имена концепта имеют мелиоративную окрашенность, что говорит о самоуважении казаков, о том, что они осознавали свою избранность и предназначенье. Для самого казака центральным образом *своего мира* являлся конь, также для казака важен атаман, покровителем же *своего мира*, дающим надежду и милость, казаки считали Бога.

В мире гражданском, отражённом во фразеологии, концепт КАЗАК вбирает в основном пейоративные коннотации и такие семантические компоненты, как *‘бездельник’*, *‘любитель выпить’*, *‘гуляка’*, *‘беспечный и своевольный человек’*, что свидетельствует об ироничном отношении к себе, об умении видеть свои недостатки и смеяться над ними.

2.2. Лексико-семантическая экспликация концепта МАТЬ

Центральными персонажами своего мира в региональных фразеологических контекстах выступают отец и мать – люди, давшие жизнь детям, воспитавшие их, те, на ком лежит ответственность за новое поколение. Родителей в кубанских станицах нередко называли составной номинацией «батько-матерь», проявляющей «сопоставление ряда однородных представлений – простейший вид сопричастия» и указывающей на единство родителей и их неразрывную связь [Венедиктов, 1974, с. 229]. Не случайно в семантической структуре лексем, номинирующих концепты ОТЕЦ и МАТЬ, содержится сема *‘свой’*. Это безусловно доминантные концепты в картине мира любого человека, поскольку мать и отец обеспечивают любому из нас

устойчивую связь с миром, именно они формируют в сознании ребенка позитивный образ достойного человека.

В кубанской фразеологии представлен идеальный, чистый, возвышенный образ матери. Мать оберегает домашний мир, беззаветно любит своих детей, дарит им тепло и заботу, при этом она обладает влиянием и властью в семье. Именно мать встречает нового человека в момент его рождения и духовно сопровождает его на протяжении всей своей жизни.

В сборниках кубанской фразеологии было отобрано 34 ФЕ, содержащих в себе номинации концепта МАТЬ. Компонент *мать* насчитывает 13 употреблений, *маты* – 9, *матка* – 5, *матерь* – 1, *матушка* – 2, также данный концепт вербализуется относительным прилагательным *материнский* (*материнская любовь, материнская забота, материнская тоска*) – 4 употребления.

Слово *мать* по происхождению общеславянское, как отмечается в словаре Макса Фасмера, скорее всего образовано от первых звуков детской речи 'ma' [Фасмер, Т. 2, с. 565].

В словаре В.И. Даля представлено три значения этой лексемы: *родительница, настоятельница и почетные старицы монастыря, дружеское обращение ко всякой женщине в летах* [Даль, Т. 2, с. 319].

В МАСе лексема *мать* имеет четыре значения: 1. *Женщина по отношению к рождённым ею детям.* 2. *Самка по отношению к своим детёнышам.* 3. *Обращение к лицу женского пола.* 4. *Название монахини, а также жены духовного лица* [МАС, Т. 2, с. 238].

В словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой дано пять ЛСВ лексемы *мать*: 1. *Женщина по отношению к своим детям.* 2. *перен. Источник, начало чего-нибудь, а также о том, что дорого, близко каждому.* 3. *Самка по отношению к своим детёнышам.* 4. *Обращение к пожилой женщине или к жене как матери своих детей.* 5. *Название монахини, а также обращение к ней* [Ожегов, Шведова, 1994, с. 346].

Проведенный анализ лексикографических данных показал, что на понятийном уровне закреплены такие представления о матери, как 1) о женщине, родившей детей, 2) о животном существе, родившем детенышей, 3) о пожилой женщине (сопоставимой по возрасту с матерью обращающегося к ней человека), 4) о монахине (являющейся духовной матерью мирянам, за которых она молится). Главный семантический компонент – наличие детей (в прямом и переносном смысле) / детенышей.

В контексте кубанской фразеологии лексемы, номинирующие мать, используются в своем первом словарном значении, при этом фразеологические контексты эксплицируют ряд дополнительных признаков, обогащая понятийный, образный и ценностный компоненты концепта.

Паремии подчеркивают более важную роль матери в жизни детей по сравнению с ролью отца: *Кто отца оскорбит – осудит народ, кто мать оскорбит – нищим умрёт; Без отца полсирота, а без матери и вся сирота.* Полное сиротство ребенка при отсутствии матери закреплено в определении *безматерный*, если ребенок не имеет отца, то его характеризуют определением *безбатьковщина*. Так, во фразеологических контекстах выявляется дополнительный признак *‘мать – самый значимый человек’*: *Родную мать никем не заменишь.* Поэтому она уважаема и почитаема: *Матерь почитайте, як на цэркви главу.* В данном контексте вербализован признак, включенный в ценностный компонент концепта *‘мать – та, кого следует уважать’*.

Некоторые ФЕ сопоставляют образ матери с такими значимыми явлениями, как свет для человека или весна для птицы: *Нимае у тэбэ маты, нима тоби свиту; Птица рада весне, а дитя матери.* В данных контекстах мать символизирует саму жизнь. Важность, ценность матери эксплицируется в зооморфном метафорическом сравнении с пчелиной маткой, без которой погибает весь рой. *Пчёлки без матки – пропавшие детки; Без матки рой не держится.*

На понятийном уровне концепт вбирает в себя дополнительные признаки *‘мать – добрый человек’, ‘мать – та, кто жалеет’*: *Спасибо, матка, за пэрэхватку, а обидать – дали; Пры солнышки тупло, а пры матури дабро; Родная мать высоко замахивается, да не больно бьёт; Мату однуо рукою бье, а другою гладе.* Перцептивный компонент концепта МАТЬ имплицитно выражает признаки, выраженные глаголами физического воздействия *бить* и *гладить*. Мать может наказывать, но даже наказывая, она любит своего ребенка, жалеет его. Подобные фразеологические контексты определяют признак *‘жалеющая’* как основной, поскольку «предикаты с противоположной аксиологической маркировкой могут быть в равной степени истинны относительно своего субъекта, но не равноценны с точки зрения того количества "аксиологических очков", которое ими сопоставляется» [Арутюнова, 1999, с. 197].

Относительное прилагательное *материнский* сочетается с существительными, обозначающими позитивные эмоциональные, чувственные проявления человека: *материнская любовь, материнское тепло, материнская забота, материнская ласка, материнское сердце: Материнская ласка конца не знает; Материнская забота в огне не горит и в воде не тонет.* В таких контекстах актуализируется смысловой компонент *‘мать всегда любит своего ребенка’*: *Всякой матери своё дитя мило.* Внутренняя форма ФЕ как за *родной матерью*, означающей комфортное проживание с кем-либо, реализует признак *‘мать создает комфортные условия проживания’*.

Мать также выполняет функции защитницы своих детей *Мать своим детям – покрывка: всё покроет, де так, де не так; Була сыла, як мату на руках носыла; Пока мату е, то и правда е.* Ее образ во ФЕ сопрягается с понятиями *сила* и *правда*. Образный компонент концепта содержит представление *‘мать – добрая наседка’*, основанием для которого стало умение матери накормить и защитить своих детей: *Добрая наседка одним глазом зерно видит, а другим – коршуна.* Образный компонент концепта вбирает в себя и метафорические смыслы *‘мать – свинья’, ‘мать – сука’* в

паремиях: *Знае свэня свае парося; Дождалась сучка помощи – сама лэжить, а цуценята гавкають*. Несмотря на негативную коннотацию данных паремий, в них актуализируется смысловой компонент ‘*близость матери к своим детям*’, а концепт ДЕТИ включает в себя смысловой компонент ‘*защитники матери, помощники*’.

Еще одним признаком, выявленным во фразеологии, стала способность матери верить в своих детей, возлагать на них, пусть даже потом неоправданные надежды: *Ражала мать – радалась: кармилиц будить*. Однако неоправданные надежды становятся причиной слез и переживаний. Так, с помощью лексем, обозначающих эмоциональное состояние (*льёт слезы, плачет, тужит, тоска*), проявляется дополнительный понятийный признак ‘*мать переживает за своих детей*’: *Дивчата шьют и спивают, а маты поре и плаче; Маты плаче, а дочка скаче; Нэ тужи, маты, по чужому дитяти; Материнская тоска конца не знает*.

Ценностный компонент концепта МАТЬ включает в себя негативные реакции по отношению к чужой матери. Так, Р.Н. Порядина, выявляя «лики» чужих для носителей диалектной картины мира, в первую очередь выделила такие понятия, как *чужой ребенок, чужие родители, чужая семья* [Порядина, 2006, с. 45]. С одной стороны, это важные и значимые элементы своего мира и, с другой стороны, это чуждые элементы, если не имеют к субъекту никакого отношения. Другими словами, высокая значимость своей матери не сопоставима для одного и того же субъекта со значимостью матери чужой, имя которой может входить в состав ФЕ, используемых как ругательства: *послать по матушке, матери твоей арбуз печёный, матери твоей чёрт, матэри вашей дудка*. При этом оскорбление в адрес матери воспринимается противником более болезненно, нежели оскорбление в свой адрес.

По поведению детей судят о матери, в таких контекстах выражается взаимозависимость детей и матери: *Яка мамка, така и лялька*. И даже в этих негативно окрашенных паремиях реализуются приращённые смыслы ‘*понимание*’ своих детей и ‘*близость к детям*’.

Дополнительные смысловые приращения, входящие в понятийный, образный, ценностный уровни концепта МАТЬ и отраженные в контексте региональной фразеологии, представлены в таблице 3.

Таблица 3. «Основные концептуальные признаки, составляющие понятийный, образный и ценностный уровни концепта МАТЬ»

Понятийный уровень концепта	Признак, закрепленный в словаре и зафиксированный в контекстах: ‘женщина, родившая детей’
	Дополнительные признаки, зафиксированные в контекстах: ‘та, кто защищает детей’, ‘та, кто переживает за детей’, ‘та, кто жалеет детей’, ‘та, кто связан с детьми’, ‘та, кто всегда любит детей’, ‘та, кто дает силу детям’, ‘та, кто верит в своего ребенка’
Образный уровень концепта	Перцептивный признак: ‘мать бьет’ ‘мать гладит’
	Метафорические признаки: ‘мать – купол на церкви’, ‘мать – весна’, ‘мать – солнце’, ‘мать – пчелиная матка’, ‘мать – наседка’ ‘мать – сука’ ‘мать – свинья’
Ценностный уровень концепта	‘самый значимый человек’, ‘необходимый человек’, ‘добрая’, ‘жалеющая’ ‘Сечь – мать’, ‘Родина – мать’, ‘Кубань – мать’, ‘родная земля – матушка’, ‘родимая сторонущка – матушка’, ‘своя хата – мать’, ‘рожь – матушка’, ‘картошка – матушка’.

Таким образом, в рассмотренных фразеологических контекстах концепт МАТЬ вбирает в себя признак, зафиксированный в толковых словарях ‘женщина по отношению к своим детям’, а также понятийные дополнительные признаки, выявленные в текстовых реализациях: ‘та, кто защищает детей’, ‘та, кто переживает за детей’, ‘та, кто жалеет детей’,

‘та, кто связан с детьми’, ‘та, кто всегда любит детей’, ‘та, кто дает силу детям’, ‘та, кто верит в своего ребенка’.

Образный компонент концепта имплицитно включает такие признаки, как *‘мать – купол на церкви’, ‘мать – весна’, ‘мать – солнце’, ‘мать – пчелиная матка’, ‘мать – наседка’, а также ‘мать – сука’, ‘мать – свинья’.*

Как отмечает С.Е. Никитина, лексемы, называющие родителей, часто используются в народной культуре для номинации основных реалий своего мира, и выбор слов-символов «зависит только от грамматического рода существительного, которое они характеризуют. Для характеристики существительного женского рода употребляется слово *мать*, для существительных среднего и мужского рода – *отец*» [Никитина, 1998, с. 146]. О ценности матери свидетельствует номинирование лексемами *мать, маты, матушка* самого дорогого: *Родина – наша мать, умей за неё постоять; Береги землю родимую, как мать любимую; Родимая сторонушка – матушка, а чужая мачеха; Кубань – ридна наша маты; Своя хатка – родная матка; Сич – мати, а Луг – батько; Матушка-рожь кормит всех сплошь, а пшеница – по выбору; Хлеб – батюшка, картошка – матушка.* Ценностный уровень концепта содержит представление о матери как о самом значимом и ценном человеке в жизни ребенка. Мать наделена лучшими человеческими качествами: добротой, заботливостью, умением любить, жалеть и создавать комфортную жизнь для близких.

2.3. Лексико-семантическая экспликация концепта ОТЕЦ

Номинации отца содержатся в 31 ФЕ (в двух паремиях концепт выражен имплицитно: *Умел дитя родить, умей и научить; Учи казачьего сына на коня садиться да с татарами биться*), при этом компонент *отец* вербализует одноименный концепт всего в трех пословицах, в них образ отца сопоставлен с образом матери: *Кто отца оскорбит – осудит народ, кто мать оскорбит – нищим умрёт; Без отца полсирота, а без матери и вся сирота; Не те мать,*

отец, кто родил, а те, кто вскормил, вспоил да добру научил. Необходимо также отметить, что данные ФЕ не считаются собственно кубанскими. На Кубани основным именем концепта является компонент *батько* (24 употр.).

Слово *отец* образовано от праславянского *отьсь* из *отькъ*, производного от *отъ* с тем же значением. Основой является праиндоевропейское *at-ta* (отец или мать) из детской речи [Фасмер, Т. 3, с. 170].

В словаре В.И. Даля представлено 8 значений этой лексемы: *Мужчина, у кого есть дети; родитель. Бог, Создатель, Творец. Почет, придаваемый всему духовенству, от Иеродиакона до архимандрита, и от диакона до протоиерея. Родоначальник, предок, прародитель. Благодетель, кормилец, покровитель, заступник. Старший, первый или главный. Изобретатель важной части науки, художества, ремесла, или весьма прославившийся чем-л. Корень, основанье, начало, источник.*

Лексема *отец* в МАСе имеет шесть лексико-семантических вариантов: 1. *Мужчина по отношению к своим детям. // Устар. О том, кто заботится о ком-л. (находящемся в зависимости, подчинении), покровительствует кому-л.* 2. *Предшествующее поколение, предки.* 3. *мн. ч. Наиболее почётные и уважаемые лица, стоящие во главе чего-либо.* 4. *перен. Родоначальник, основоположник чего-либо.* 5. *прост. Обращение к пожилому мужчине.* 6. *Употребляется при названии лиц духовного звания, а также при обращении к ним* [МАС, Т. 2, с. 677].

В словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой дано пять ЛСВ лексемы *отец*: 1. *Мужчина по отношению к своим детям.* 2. *Самец по отношению к своим детенышам.* 3. *Люди предшествующих поколений.* 4. *Люди, облеченные властью.* 5. *перен. Тот, кто является родоначальником, основоположником чего-н.* 6. *перен., кому и кого Человек по-отечески заботящийся о подчиненных, младших.* 7. *Обращение к пожилому мужчине или к отцу своих детей.* 8. *Служитель церкви или монах и обращение к нему* [Ожегов, Шведова, 1994, с. 470].

На лексикографическом уровне лексема *отец* имеет сложную понятийную структуру и обозначает 1) мужчину, имеющего детей; 2) животное существо, имеющее детенышей; 3) предков или прародителей; 4) верховное всемогущее существо; 5) пожилого человека (сопоставимого по возрасту с отцом обращающегося); 6) главного человека; 7) родоначальника; 8) покровителя; 9) духовное лицо мужского пола.

Компонент *отец* употребляется во фразеологических контекстах только в первом своём словарном значении, тогда как слово *батько* может представлять 1) *мужчину по отношению к своим детям*, 2) *лицо духовного звания*, 3) *статус казака*. При этом значение *статус казака* является переносным и свидетельствует об актуальности концепта ОТЕЦ.

Историки отмечают, что казаки часто подолгу отсутствовали дома, так как военная служба занимала большую часть их времени. Отец не вмешивался в воспитание детей, особенно маленьких, и не помогал по уходу за ними [Воронин]. Тем не менее отца ждали, готовились к встрече с ним. Такое терпеливое ожидание отразилось в поговорке *Зима-лито, зима-лито и батько дома*, в которой актуализируется семантика быстрого течения времени, приближающего возвращение долгожданного отца в лоно семьи. В данном контексте реализуется дополнительный признак *‘отца долго ждут’*. Другой дополнительный понятийный признак, репрезентированный фразеологическими контекстами, – *‘отец – глава семьи’*. Отцу нельзя возражать, только он имеет право принимать решения: *Як батько сказал – так и будэ*. Отец является наставником, учителем для детей, особенно для сына: *Як батько робыв, так и тэбэ учив; Умел дитя родить, умей и научить; Учи казачьего сына на коня садиться да с татарами битися*. Он не может подавать плохой пример, отец должен быть образцом для подражания. В таких контекстах реализуются признаки: *‘отец – наставник, учитель’* и *‘отец – пример для подражания’*. В пословицах зафиксированы народные представления о внешнем и внутреннем сходстве детей и родителей: *Якэ дэрэво, такый и тын, якый батько, такый и сын; Як сам сукын сын, таки и*

його диты; об ответственности, которую несут родители за воспитание детей: *Не те мать, отец, кто родил, а те, кто вскормил, вспоил да добру научил*. В данной ФЕ контекстуальными оппозициями являются глагол *родил* и глаголы *вскормил, вспоил, научил*, которые в своей совокупности означают процесс воспитания. Процесс воспитания важнее кровного родства.

Иногда компонент *батько* реализует обобщенный смысл '*батько – это семья*', в котором отражается при упоминании об отце представление обо всем роде: *Коляд, коляд, колядын, я у батька одын; Мэнэ нэ пытайте, ковбасы давайте; Спасиба тваиму батьки* (ироничная благодарность родителям); *Я ж нэ такый, як у мого батька дитэ* (об особенных качествах человека); *Батька в наймах нэ нажалиеш* (о сложности заботиться о родителях, живя где-то далеко). При неправильном воспитании родитель может стать объектом агрессии: *Диты подросли, батька розтряслы*.

Инвективная ФЕ *Иродового батьки син* указывает на связь отца и сына и их взаимную ответственность друг перед другом. В.П. Чалов замечает, что номинациями *Ирод, Хам* на Кубани называли людей, «приступивших нормы морали и совершивших поступки, достойные порицания окружающих» [Чалов, 1981, с. 68]. В другом устойчивом выражении *Сто чертей твоему батьку* наносится оскорбление противнику через пожелание беды его отцу. Таким образом эксплицируется не только негативное отношение к другому человеку, но и понимание того, насколько тесно связаны родители и дети.

Зачастую компонент *батько* встречается в выражениях, образно эксплицирующих эмоциональное отношение к чему-либо. Так, желание продемонстрировать категоричность отказа актуализируется во ФЕ *нэ ридному батькови, нэ за готови гроши*, который употреблялся в значении «никому и ни за что». Отец – важная и значимая фигура для любого человека, отказ отцу свидетельствует о бесповоротности данного решения, о крайней степени его категоричности.

В некоторых фразеологических контекстах, эксплицирующих насмешливое, ироничное отношение к действительности, встречается

устойчивое сочетание *батько вмэр*: *Як батько вмэр, так люды поназносылы* (так говорят о постоянно приbedняющихся людях); *Ха-ха-ха. Батько вмэр, а кысет остався* (так говорят, когда причина проблемы исчезла, а последствия остались).

Обобщенное выражение досады передается в речении *Не купиь батько шапки, чорт його дери, нехай уши мерзнуть*, которое отразило конкретный случай невнимательности родителя к своему ребенку. Примечательно, что мать невозможно представить в данной роли. Образ матери в кубанских пословицах и поговорках всегда идеален и аксиологически возвышен.

В служебном мире казаков лексема *батько* номинирует статус старшего, главного. В Запорожской Сечи присутствовало «своеобразное *искусственное* отцовство. Тот, кто вступал раньше в Сечь, имел преимущество перед вступившими позже, поэтому последний называл первого *батьком*, первый последнего *сынком*, даже если *батьку* было 27 лет, а *сынку*, например, 40» [Воронин, 2021]. Подобное значение лексемы *батько* реализовалось в историческом фразеологизме *Знае об тім Головатий Антін: він нам голова, він наш І батько, вин нам поголив голови гладко*, представленном в научном труде В.П. Чалова. Исследователь предположил, что «данная фразеологическая единица иронически характеризовала распространённую в Черноморском войске архаическую систему общественных отношений, главной чертой которых являлось *батьковское* господство старшин» [Чалов, 1981, с. 58]. Сбривание запорожской чуприны при зачислении в Войско верных казаков свидетельствовало о согласии казаков забыть свое бывшее своеволие, о согласии подчиниться начальствующему батьке. Таким образом подчёркивается значимость статуса *батьки*, его главенство. В другой широко известной паремии, возможно, лексема *‘батько’* также употребляется в значении *‘высокий статус казака’*, *‘опытный воин’*: *Нэ лизь попэрэд батька в пэкло, нэхай вин попэрэд попробуе*. Общий смысл устойчивого выражения таков: *батько* должен первым познать опасность, это ответственность главного перед менее опытными.

Еще одна пословица (*Стара собачка, да ни батьком звать*) говорит о том, что не возраст помогает заслужить почёт и уважение, поскольку в Сечи батькой мог стать младший по возрасту казак. Статус *батьки* определяется опытом.

Кубанское речение *вора не было, а батька вкрали* употребляется в ситуации, когда надо сказать о пропаже чего-то очень важного. Несмотря на ироничные коннотации, здесь подчеркивается значимость и важность статуса *батьки*. *Батько* – всегда представитель *своего* и *значимого*.

Наш батько никому ничего нэ должень: у одного взяв – другому отдав. В данном примере выражается неодобрение по поводу своеволия облечённого властью человека. В то же время ирония относится к *своему* человеку, взаимодействие с которым происходит в *своем* мире, что подчёркивается притяжательным местоимением *наш*.

ФЕ *Гуртом и батька лэшиэ быть* эксплицирует агрессивное отношение к тому, кто обладает статусом *батьки*, при этом *батько* – это объект, с которым можно справиться только вместе.

Устойчивое речение *Кричишь как на батька* (то есть очень громко) также выражает значимость *батьки*, поскольку выразить своё негодование и возмущение *батьке* возможно только при помощи силы голоса и силы духа.

В паремии *Шо ни поп, то и батька* лексема *батька*, эксплицирующая свой мир, противопоставлена негативно окрашенной лексеме *поп*. При этом иносказательно передаётся смысл «мне всё равно».

Образы попа и батюшки соотнесены ещё в одном контексте: *У попа-то рукава батюшки, ширина-то, длина матушки*. Данная прибаутка является цитатой из песни и шутливо характеризует одежду священнослужителя, сочетающую детали мужской одежды – *батюшки* и женской – *матушки*. Здесь лексема *батюшка* выражает смысл *мужское* в противовес *женскому*.

Таким образом, концепт ОТЕЦ, вербализованный в пространстве кубанской фразеологии компонентами *отец, батюшка, батько, батька*, включает в себя на понятийном уровне следующие смыслы: ‘*глава семьи*’,

‘статус казака’, ‘лицо духовной иерархии’. Центральный семантический компонент концепта «глава семьи» получает следующие приращённые контекстные смыслы: ‘главный’, ‘учитель’, ‘воспитатель’, ‘ответственный за других’, ‘долго не бывающий дома’, ‘объект заботы’, ‘объект иронии’. Семантический компонент «высокий статус» развивает дополнительные смыслы ‘главный’, ‘представитель своего мира’, ‘опытный’, ‘знающий’, ‘объект иронии’, ‘объект агрессии’. В значении «лицо духовной иерархии» концепт включает приращённые смыслы ‘уважаемый’, ‘представитель своего мира’, ‘лицо мужского пола’ (хотя одежда похожа на женскую).

Дополнительные смысловые приращения, входящие в понятийный, образный, ценностный уровни концепта ОТЕЦ и отраженные в контексте региональной фразеологии, представлены в таблице 4.

Таблица 4. «Основные концептуальные признаки, составляющие понятийный, образный и ценностный уровни концепта ОТЕЦ»

Понятийный уровень концепта	Признаки, закрепленные в словаре и зафиксированные в контекстах: ‘мужчина, имеющий детей’, ‘статус казака’, ‘духовное лицо мужского пола’,
	Дополнительные признаки, зафиксированные в контекстах: ‘глава семьи’, ‘ответственный за семью’, ‘учитель’, ‘воспитатель’, ‘долго отсутствующий’, ‘объект заботы и ответственности в старости’, ‘представитель своего мира’
Образный уровень концепта	Символ: ‘батько – это семья’.
Ценностный уровень концепта	‘батько – объект иронии’ ‘батько – объект агрессии’ чувство досады по отношению к батьке ‘хлеб – папа’ ‘луг – батько’ ‘атаман – батько’ ‘представитель своего мира – батько’ ‘опытный человек – батько’, ‘главный – батько’

Обобщая вышесказанное, следует отметить, что концепт ОТЕЦ имеет более сложную семантическую структуру, нежели концепт МАТЬ, поскольку в текстах фразеологического фонда отразилось сразу несколько зафиксированных в лексикографии понятийных признаков, каждый из которых получил приращенные контекстные смыслы, эксплицирующие не только доброжелательное позитивное отношение к субъекту, имеющему статус «отец / батько», но и негативные, ироничные и даже агрессивные реакции по отношению к нему. При этом *батько (а)* является представителем мира своих не только в семейных отношениях, но и в других сферах взаимодействия казаков. Возможно, этим обусловлено небольшое количество контекстов, где лексема *батько* сопрягается со словами, обозначающими *мать*.

Лексемой *батько* в кубанской фразеологии представлены два *своих* мира: мир семьи и мир службы. В гражданском мире *батько* – наставник и учитель сына, глава семьи, приказы которого беспрекословно выполняются. В мире военной службы *батько* – начальник, глава, который несет ответственность за подчиненных, оберегая их от опасности.

2.4. Лексико-семантическая экспликация концепта ДЕТИ

Концепт ДЕТИ репрезентирован 20 ФЕ. Основным вербальным экспликатором концепта выступает компонент *дети*, насчитывающий 8 употреблений. При этом стоит отметить, что концепт обладает широким набором номинаций, что свидетельствует о высокой актуальности данного концепта в мировидении казаков. Так, ФЕ содержат такие компоненты, как *диты* – 3 употр., *дитя* – 4 употр., *дитятя* – 1 употр., *дэтына* – 1 употр., *дитятко* – 1 употр., *детки* – 1 употр., *ребёнок* – 1 употр.

Слово *дети* восходит к древнему праславянскому корню *dhē(i)* – *кормить грудью, сосать*, что и русские слова *доить, дева*. [Фасмер, Т 1, с. 516].

В словаре В.И. Даля лексема включает следующие значения: *дитяtko, младенец, ребенок, малолетний, -няя; дитятей назыв. до 14 и ли 16 лет, когда детство переходит в отрочество. Дети мн. сыновья и дочери; в отношении к родителям, и взрослые. Малые ребята или девочки вообще. В виде ласки, привета младшему, подчиненному, а от духовного лица всем мирянам.*

В МАСе лексема *дети* имеет три лексико-семантических варианта: 1. *Малолетние.* 2. *Сыновья или дочери (независимо от возраста).* 3. *кого чего Люди, кровно связанные с кем-, чем-л, усвоившие характерные черты породившей их среды, обстановки* [МАС, Т. 1, с. 238].

В словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой дано два ЛСВ лексемы *дети*: 1. *Мальчики и (или) девочки в раннем возрасте, до отрочества.* 2. *Сыновья, дочери* [Ожегов, Шведова, 1994, с. 163].

Таким образом, концепт ДЕТИ включает в себя понятийные признаки: 1) *малолетние*, 2) *сыновья и дочери*, 3) *духовно связанные с чем-л. или кем-л.*, 4) *подчиненные, миряне.* В региональных фразеологических контекстах в основном эксплицируется значение '*сыновья и дочери*'.

Дети – не только те, кого кормят, но и те, кому родители отдают свою любовь. Семантика «свойственности» детей по отношению к родителям ярко проявляется в пословице *Якый палець нэ пориж, вин болыть*, в которой метафорический образ руки и пальцев как единства семьи актуализирует смысл *равноценной любви родителей ко всем своим детям.*

Особенно значимы дети для женщины, их матери: *Баба без детей, що сети без рыбы.* Мать связана с детьми до последнего момента своей жизни: *Человик нэ на вик, а диты до гроба.* В вышеприведенной паремии выражена большая значимость детей для женщины, нежели значимость мужа. Дети выступают источником веселья и радости в семье: *Изба детьми весела.* Они становятся объектом любви: *У милого дитяти много имён.*

В ценностный компонент концепта входят также представления о хорошем ребенке: он должен быть ласковым и послушным: *Ласковый тилёнок двух матак сасёт.* Ценность детей актуализируется и в негативно окрашенном

речении, являющемся недобрым пожеланием: *не бачить тоби свого дэтыны*, поскольку потеря своего ребенка или разрыв связи с ним может стать личной трагедией для каждого родителя.

В паремии *Что бы дитя ни делало, лишь бы не плакало* эксплицируется готовность родителей сделать все для своих детей. Тем не менее «плач» ребёнка помогает родителям понять его проблемы, обратить на него внимание: *Дитя не плачет, мать не понимает*. В этом контексте воплощается перцептивный образ плачущего ребенка, а способность плакать представлена как средство его коммуникации.

Родители относятся к детям и как к объекту научения, при этом подчеркивается, что в раннем возрасте дети более восприимчивы: *Гни дерево, пока гнётся, учи дитятка, пока слушается; Чему дитя приучишь, то от него и получишь; Учи ребёнка тогда, когда он поперёк лавочки ложится*.

Одной из самых устойчивых ассоциаций, связанных с детьми и выраженных во фразеологии, становится представление о том, что дети приносят беды родителям: *Малые детки – малые бедки; Малы диткы, малэ и горэ, дитки побильцають – горэ поширшають; Малы диты спать нэ дають, а вырастуть – сам нэ заснэшь; Малые дети – руки болят, большие – сердце*. При этом в процессе взросления детей огорчения родителей возрастают. Взрослые дети способны унижать родителей, обижать их: *Диты подросли, батька розтряслы*, поэтому с детьми связано и представление о большой ответственности родителей за воспитание своих детей и предупреждается, осуждается невнимательность и беспечность родителей по отношению к детям: *У семи нянек дитя калека. Калека не родится, а роблется*. В устойчивом сочетании *глядеть детей*, реализующем сему 'постоянный досмотр и забота', с помощью глагола несовершенного вида выражен смысл 'постоянная ответственность'.

Примечательно эксплицируется различная оценочность идиом *выйти на детей* и *влезть в чужие дети*. О женщине, вышедшей замуж за человека, имеющего детей, говорят «вышла на детей». В данной ФЕ отмечается

первостепенность детей в таком браке, ответственность, которую женщина берет на себя за них. Такая ситуация не осуждается в народном сознании, но отражается в речи как не совсем типичная. Устойчивое речение *влезть в чужие дети* относится к мужчине, который женился на женщине с детьми. В данной идиоме с помощью выражающего пренебрежение глагола *влезть* и пейоративно окрашенного определения *чужие* актуализируется негативная коннотация и осуждение такого поступка. Сопоставление противоположной оценочности двух выражений позволяет заключить, что в народном сознании для женщины не только родные дети могут быть «своими», чего нельзя сказать о мужчинах.

Отношение к своим детям тоже выражается разное: дочь могли называть *товар недомашний*, а к сыну мать могла ласково обращаться *мий каптлык* (лоскут, моя часть). В таких контекстах актуализируется большая ценность сына для семьи.

Дети, появившиеся незаконно, с рождения были *чужими* для общества и всю жизнь носили позорные прозвища. Существуют пейоративно окрашенные номинации по отношению к внебрачным детям: *выродки, байстрюки, краженые дети. У нас дитэй, яки родюця на сторони, называют «байстрюкамы», йих ныхто ны любыв, дажэ прызиралы* [Борисова, 2018а, с. 24]. Эти эвфемизмы постоянно напоминали ребёнку о постыдном поведении его родителей и отчуждали его от мира *своих*.

Непослушные, озорные дети тоже имели ироничные номинации с семантическим компонентом *чужой*: *дикая дивизия, бисова душа, катова душа, хамова душа, собачья душа*.

Таким образом, дети были объектом любви, радости, заботы, ответственности, научения, воспитания и понимания, при этом они могли приносить и проблемы, боль, горе, беды. В то же время дети могли быть отчуждёнными элементами общества, быть в роли изгоев, могли нести ответственность за поступки родителей.

Дополнительные смысловые приращения, входящие в понятийный, образный и ценностный компоненты концепта ДЕТИ, представлены в таблице 5.

Таблица 5. «Основные концептуальные признаки, составляющие понятийный, образный и ценностный уровни концепта ДЕТИ»

Понятийный уровень концепта	Признаки, закрепленные в словаре и зафиксированные в контекстах: сыновья и дочери
	Дополнительные признаки, зафиксированные в контекстах: 'объект понимания', 'объект научения', 'объект воспитания', 'объект любви', 'дети – это ответственность родителей',
Образный уровень концепта	Перцептивный признак:
	Метафорические признаки: 'дети – пальцы руки', 'непослушные дети – дикая дивизия', 'непослушный ребенок – хамова / собачья душа' 'незаконнорожденный ребенок – краденный ребенок' 'дочь – товар недомашний' 'сын – мий клаптык (лоскут)'
Ценностный уровень концепта	'дети значимы и ценны для матери', 'дети имеют постоянную связь с матерью', 'хорошие дети – ласковые и послушные', 'взрослые дети приносят горе и боль', 'чужие дети – это плохо', 'незаконнорожденные дети – позор'.

Концепт ДЕТИ, как и концепт МАТЬ, имеет большое количество вербальных экспликаторов (*дети, диты, дитятя, дэтына, дитя, дитятко, ребёнок, детки*), что говорит о значимости данного понятия для жителей Кубани. В то же время между полюсами *своего* и *чужого* данный концепт находится ближе к периферии *своего*. Между детьми (особенно взрослыми) и родителями возможны ситуации отчуждения и разобщения. *Папаша, мамаша, та дела ни ваша*. По мере взросления дети всё больше и больше отдаляются от родителей, готовясь к отделению и созданию своего собственного семейного уклада.

2.5. Лексико-семантическая экспликация концептов

МУЖ и ЖЕНА

Как известно, семейный уклад изначально не был присущ казачьему сословию, и запорожское казачество, с которым исторически связано кубанское, первоначально существовало в сечевой форме. Лишь после переселения на Кубань «черноморское казачество окончательно закрепляет черты такого общества, социальной основой которого является семья» [Цибульникова, 2004, с. 96]. Кроме того, семейный уклад в среде кубанских казаков, по мнению историков, заметно отличался от уклада других казачьих объединений, в частности от семей донских казаков, поскольку здесь «вплоть до начала XX века семьи были мононуклеарными» [Цибульникова, 2004, с. 20]. Это значит, что отношения в семье были более свободными, менее патриархальными, женщины обладали большей независимостью и принимали участие в общественной жизни. Процессы замужества и женитьбы отражены в языковой картине мира кубанских казаков как негативное событие в жизни человека, о чем свидетельствуют зафиксированные в сборниках региональной фразеологии единицы: 6 ФЕ о замужестве и 7 ФЕ о женитьбе.

Для женщин это событие особенно драматично, поскольку они уходят в другую семью, вследствие чего замужество нередко ассоциируется со смертью, горем, опасностью. *Замуж выйти – расстаться с белым светом* (сема 'смерть'). *Замуж выйти – в могилу сойти* ('смерть'). *Бабы каются, а девки замуж собираются* ('опасность'). *Выйти замиши – ни напасть как бы замижем не пропасть* ('опасность'). *В девках сижено – горя мыкала, замуж выдано – вдвое прибыло* ('горе'). Время замужества хотелось сократить, оттянув момент ухода в чужую семью. *В девушках дольше – замижем короче*. Так фразеологические контексты формируют в языковом сознании носителей кубанского диалекта общую сему 'страх замужества'.

Фразеологические контексты, посвящённые женитьбе, также реализуют значения 'опасность', 'горе', 'трудности': *Жиница – ни напасть, как бы*

женившись ни прапасть; Поки не жэнывся – горя нэ знав, а як жэнывся – соби нэ узнав; Ось тот с горя и спывся, кто до срока жэнывся; Жениться – не воды напиться. Женитьба требует определённого материального достатка: *Бидному жэныться – дэнь малый.* Отметим, что данный фразеологический контекст употребляется и в расширенном переносном значении, когда говорится о невезении и о трудностях при выполнении какого-то дела. В паремии *бис мне мне жинили* образно эксплицируется значение ‘неучастие человека в принятии важных для него решений’, когда окружающие не ставят кого-либо в известность о том, что ему предстоит, или не учитывают его мнение о происходящем. Во фразеологизме *жэнить молоко* изменена лексическая сочетаемость глагола: объектом действия становится не человек (ср.: *жэнить сына*), а предмет, вещество. В этом переносном значении компонент «жэнить» тоже приобретает пейоративную оценочность и означает ‘разбавить молоко’, ‘обмануть покупателя’. Таким образом, собранный материал показывает, что все выявленные устойчивые речения о женитьбе и замужестве так или иначе выражают семантику чуждости.

Основной материал исследования составляют 69 фразеологических единиц, включающих лексические репрезентанты концептов МУЖ и ЖЕНА. В 25 фразеологических контекстах эти концепты представлены совместно. Способы выражения концепта ЖЕНА абсолютно преобладают. Было выявлено 59 контекстов, репрезентирующих концепт ЖЕНА в следующих семи компонентах: *жэна* – 24 употр., *жэнка* – 28 употр., *казачка* – 2 употр., *моя мила* – 1 употр., *жэница* – 1 употр., *хозяйка* – 1 употр., *свинка* – 2 употр. Тогда как концепт МУЖ, представленный в 35 контекстах, воплощается лишь в четырех компонентах: *муж* встречается 17 раз, *чоловик* – 11, *казак* – 6, *мужик* – 1.

Слово *жэна* древнерусское, родственное с общеславянским *gena* (*жэница*), а также с древнеиндийским *gnā* (*богиня*) [Фасмер, Т. 2, с.46].

В словаре В.И. Даля лексема *жэна* имеет следующие ЛСВ: *вообще жэница, замужня жэница; супруга, баба* [Даль, Т 1 с. 548-549].

В МАСе лексема представлена двумя ЛСВ: 1. *Замужняя женщина*. 2. *То же, что женщина* [МАС, Т 1, с. 477].

В словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой дано два ЛСВ лексемы: 1. *Женщина по отношению к своему мужу*. 2. *То же, что женщина* [Ожегов и Шведова, 1994, с 192].

Таким образом, на понятийном уровне в концепт входят признаки: *супруга, женщина, баба*.

Этимология лексемы *муж* восходит к древнеиндийскому слову *tánuṣ* (*tánu-*, *tánuṣ-*), что означает 'человек, муж' [Фасмер, Т. 2, с. 670].

В словаре В.И. Даля представлены следующие значения этого слова: *человек рода он, в полных годах, возмужалый; возрастной человек мужского пола, противополож. жена, женщина. Относительно к женщине, жене: супруг, хозяин, образующий с женою чету*. [Даль, Т. 2, с. 363-364].

В МАСе дано два ЛСВ: 1. *Женатый мужчина (по отношению к своей жене)*. 2. *Мужчина в зрелом возрасте || Деятель на каком-л. поприще* [МАС, Т. 2, с. 308].

В словаре В.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой представлено два ЛСВ: 1. *Мужчина по отношению к своей жене*. 2. *Мужчина в зрелом возрасте, деятель на каком-либо поприще* [Ожегов, Шведова, 1994, с. 369].

Таким образом, концепт МУЖ включает в себя следующие представления: 1) *человек вообще*, 2) *супруг*, 3) *мужчина в зрелом возрасте*, 4) *деятель*.

Большинство из названных репрезентантов концептов МУЖ и ЖЕНА реализуют в изученных фразеологических контекстах значения 'супруг' и 'супруга'. Преобладание в диалекте устойчивых речений, эксплицирующих концепт ЖЕНА, возможно, объясняется тем, что казаки-мужчины, часто по делам службы удаленные от дома, больше думали и говорили о своих жёнах.

О том, что для казаков было значимо все, что их связывало с семьей и домом, косвенным образом свидетельствует и тот факт, что в нашем материале содержится 11 ФЕ, выражающих значение 'выбор невесты'. Чаще всего эти

единицы содержат наставления молодежи, которые опираются на жизненный опыт старшего поколения. *Добрую жену взять – ни скуки, ни горя не знать.* Понятие ‘добрая жена’ трактуется широко и включает в себя многие качества, желательные для супруги, например, ловкость: *Господи, убий того чоловіка, у кого жинка ловка.* В этом контексте ловкая жена является объектом зависти. Жена также должна любить детей и хорошо заботиться о них: *Хорошего коня в работе побачишь, а хорошую жену у люльки.* Жена должна быть здоровой: *Чёловику жинка нужна здорова, а брату сестра богата.* В то же время молодость и красота – это скорее недостаток, чем достоинство: *З красоты воды нэ пыть, а с жынкю вик жыть; Бида, у кого жинка молода.* Характер девушки, её воспитание – вот на что надо обращать внимание, кроме того, у будущей жены должна быть хорошая репутация: *Жинку вэбэрають нэ глазаы, а ушаы; Жинку находять собою, а нэ Хоюю; По слухам жениться, значит, жениться, полагаясь на рекомендации тех, кто знает невесту.* Жена должна вести домашнее хозяйство: *Женщине дорога от печи и до порога; Хозяйка в дому, что пчёлка в саду.* Бытовало мнение, что женщины из семей донских казаков – самые хорошие жёны, так как они отличались смирением и умением вести большое хозяйство: *Бери жену с Дону – проживёшь без урону.* Жена должна любить своего мужа: *Богом ны быцця, як жинка ны любэ.*

Злая жена считалась страшным несчастьем в жизни казака, о чем говорят устойчивые речения: *Лучше хлеб с водою, чем жить со злою женою; Злая жена страшнее дурного сна; Съесть способна человека лютая жена; Злая жена сведёт мужа с ума; Казака нэ лай, жона, колы изба нэ мэтэна; Жинка с жыру бисэця; Пока жинка борщ зварэ, сим раз одурэ.*

О глупости жены в сборниках кубанской фразеологии говорит только одна пословица, но в ней актуализируется не столько отсутствие ума, сколько неспособность самостоятельно принимать решения: *Вумна жена, як е бочка пиона, а як пионо у в узли, то и ум у гузни.*

В шутливо-ироничных контекстах трех поговорок эксплицируется сема 'влиятельная, сильная жена': *Худэ дело, коли жинка не велела; Чого жинка нэ любэ, того и мужу нэ йиматэ; Прости мене, моя мила, шо ты мене била.*

Чтобы ситуации, подобные описанным, не стали частотными в семье казака, устойчивые речения-наставления рекомендуют мужу проявлять к жене строгость, контролировать её, не давать ей своевольничать: *Дэржы, казак, в руках жынку, а не рюмку; Любы жинку, як душу, а трясы як грушу; Воля и хорошу жинку портэ.* Иногда это желание главенствовать выражается во фразеологизмах-похвальбах: *Казак жинку бье нэ туди, колы вона вынувата, а колы у його на цэ врэмя е.* Так своеобразно проявляется семантика свойственности. Казак относится к жене как к своей собственности: что захочет, то с ней и сделает. В подобных высказываниях выражается более низкий статус женщины в семье. В шутливых речениях-приказах жена выступает в роли прислуги: *Пора жинка спать лягать, бо гостям до дому трэба иты; Росчини, жинка, шыршэ двэри – я по-паньски плюну.* Здесь имплицитно присутствует сема 'главенство мужа', то есть муж выступает как хозяин жены. Более низкий статус жены по сравнению с мужем проявляется и в ряде фразеологизмов, включающих сравнения женщины с животными или даже с предметами. Так, например, встречаются устойчивые речения, соотносящие жену с конём: *Хорошего коня в работе побачишь, а хорошую жену у люльки.* Поговорка *были б кони, а казаки найдутся* имеет перефразированный вариант: *были б казачки, а казаки найдутся.* Второе речение, возможно, отражает тот период в истории кубанского казачества, когда «в первое время после переселения у казаков (особенно черноморских) было мало брачноспособных женщин. Это повышало уровень их значимости в глазах мужчин» [Цибулькинова, 2004, с. 20].

Не следует, однако, думать, что сравнение жены с конем абсолютно уничижительно для женщины. Известно, что конь для казака был не просто домашним животным. Исследователи считают, что компонент *конь* во фразеологических контекстах нередко «олицетворяется в сравнениях и

приобретает значение “друг”» [Епатко, 2020, с. 20]. Думается, что в кубанской фразеологии концепт ЖЕНА обретает в этом сопоставлении скорее мелиоративную оценочность и дополнительные оттенки семантики, присущие концепту КОНЫ, а именно ‘верный, надежный’ [Епатко, 2020, с. 20]. А вот во фразеологических сопоставлениях со свинкой концепт ЖЕНА обретает противоположную пейоративную оценочность с коннотацией пренебрежения: *За умным чоловіком и свинка – господынка; Бери, сынку, хоть свинку, абы по хати хрюкотила.*

В пословице *Жена – не сапог, с ноги не скинешь* супруга соотносится с вещью, а признаком сравнения выступает возможность / невозможность избавления от нее. Тем самым устойчивое речение предупреждает, что от жены просто так не избавишься, значит к ее выбору нужно подходить серьезно. Так в отрицательном сравнении проявляется сема ‘значимость жены’. В речении *Чтить жинку, як хороший сосуд на столе* жена соотносится с дорогой вещью и эксплицируется значение ‘уважительное отношение к жене’.

Это же значение актуализируется в паремии *Жена мужу подруга, а не прислуга*. Известно, что в любом противопоставлении присутствует сопоставление, а признаком сопоставления *жены* и *прислуги* в этом выражении являются отношения между женой и мужем, основанные не на подчинении, а на дружбе.

Семантический компонент ‘значимость жены’ выражается и в другом устойчивом речении, содержащем развернутое сравнение с организмом человека: *Муж – голова, жена – шея: куда шея повернёт, туда и голова за ней*. В этом шутовском образе угадывается важный дидактический посыл: ‘семья – это единый организм, все части которого взаимозависимы’.

Дополнительные смысловые приращения, входящие в понятийный, образный и ценностный уровни концепта ЖЕНА и отраженные в региональной фразеологии, представлены в таблице 6.

Таблица 6. «Основные концептуальные признаки, составляющие понятийный, образный и ценностный уровни концепта ЖЕНА»

Понятийный уровень концепта	Признаки, закрепленные в словаре и зафиксированные в контекстах: 'супруга'
	Дополнительные признаки, зафиксированные в контекстах: 'та, кто любит детей и мужа', 'та, кто занимается домашним хозяйством', 'та, кто зависит от мужа'
Образный уровень концепта	Перцептивный признак: (возраст) 'молодая'
	Метафорические признаки: 'жена – груша' 'жена – сосуд на столе', 'жена – свинка', 'жена – шея', 'жена – не сапог', 'жена – не прислуга'
Ценностный уровень концепта	Хорошая жена: 'ловкая', 'здоровая', 'смиренная', 'надежная', 'верная', 'с Дону', 'некрасивая', 'немолодая'. Плохая жена: 'злая', 'молодая', 'сильная и влиятельная', 'своевольная'.

Женский взгляд на хорошего мужа не так детально отражён в народном сознании, как мужской на жену. Муж для женщины представляет ценность, которую необходимо отстаивать: *Всем поделюсь, а за мужа подерусь; Як шо нэма чоловіка, так купыла бы, а е, так задавила бы*. В последнем контексте вторая часть фразеологической единицы нивелирует значение первой, имплицитно выражая сему 'трудная женская доля': и без мужа плохо и с мужем плохо. Родители дочери боятся, что она останется одна: *Виходь хучь за старова, абы в дивках не остаться*. Муж – необходимость, поскольку в народном представлении незамужняя женщина по статусу ниже вышедших замуж и вдов: *Жена без мужа вдвое хуже; Жинка без чоловіка вдовицы хуже; Ни замужня, ни вдова; Осталась як лавка с товаром*. В этих устойчивых речениях актуализируются сема 'ценность и необходимость мужа'.

Другая группа ФЕ говорит о том, что характеристика самой жены зависит от того, какой у неё муж: *Была б жинка хороша, та мужик скотина; У плохого чоловіка жинка усигда дура; С хорошим мужем и жена хорошая; За умным чоловіком и свинка – господинка*. Так имплицитно реализуется ассоциативная сема ‘муж – хозяин жены’.

Встречаются народные фразеологизмы, где лексемы, репрезентирующие концепт МУЖ, имеют яркую негативную коннотацию, в них говорится о злобности мужа, его глупости или никчемности: *Муж – не уж, а кровь сосёт; Муж – объелся груш; Бачу и сама, шо чоловік биз ума, куды його динэш*. В третьем речении эксплицируется не только сема ‘глупость мужа’, но и семы ‘смирение и верность жены’.

Дополнительные смысловые приращения, входящие в понятийный, образный и ценностный уровни концепта МУЖ, представлены в таблице 7.

Таблица 7. «Основные концептуальные признаки, составляющие понятийный, образный и ценностный уровни концепта МУЖ»

Понятийный уровень концепта	Признаки, закрепленные в словаре и зафиксированные в контекстах: ‘супруг’
	Дополнительные признаки, зафиксированные в контекстах: ‘главный в семье’, ‘хозяин жены’ ‘тот, от кого зависит жена’
Образный уровень концепта	Перцептивный признак: старый
	Метафорические признаки: муж – голова, муж – скотина
Ценностный уровень концепта	‘абсолютная ценность и необходимость мужа для жены’ Хороший муж: ‘молодой’, ‘строгий’. Плохой муж: ‘глупый’ ‘неверный’

Достаточно большая группа ФЕ (11) реализует сему ‘единство мужа и жены’, эти контексты могут быть окрашены как пейоративно: *Муж та жена – одна сатана*, так и мелиоративно: *Чоловик та жинка – одна душа; Муж*

крепок по жене, а жена крепка по мужу. В таких пословицах статусы жены и мужа уравниваются. *Милые бранятся – только тешатся; Муж с женой ругается, а третий не мешается; Муж с женой днём ругаются, а ночью целуются.* Народная мудрость говорит о том, что между супругами образуются сакральные отношения, в которые нельзя вмешиваться, даже если супруги ссорятся (бранятся).

Единство мужа и жены проявляется и в том, что они действуют одновременно, выполняя каждый свою функцию: *Казак воюе, а жинка горюе; Муж пье, а жинка горшкы бье; Муж возами, а жена подолами.* Эти действия не всегда однонаправленны, не всегда носят характер кооперативного общения, но всегда взаимосвязаны.

Иногда жена следует за мужем и в плохих привычках. Так, в народном сознании сохраняется установка, что пьянство для мужчины – беда, а для женщины – катастрофа: *Муж запьет – половина двора прахом пойдёт, а жена запьет – весь двор прахом пойдёт; Муж за рюмку, а жена за стаканчик.*

Фразеологические контексты, реализующие семы 'любовь' и 'измена' немногочисленны: *Лучше спать на камыше, но шоб была по душе; С милым рай и в шалаше.* Так и в женском, и в мужском представлении любовь важнее материального достатка.

Наставления о пагубности измены и о трудностях развода обращены в основном к мужьям: *Чужую жену полюбишь – свою погубишь; Жена – не сапог, с ноги не скинешь,* – в них реализуется семантика пагубности отчуждения супругов. Наставление, обращённое к женщине, предупреждает о её бесправии перед мужчиной: *На казаку ныма знаку, на казачке уси значкы,* т.е., что позволено мужчине, не позволено женщине. Неодобрение распутного поведения может выражаться имплицитно, через иронию: *Знай сметку: люби жинку и соседку (не будет скандала).*

Таким образом, можно сделать вывод, что большая часть представленных ФЕ эксплицирует семы 'ценность и необходимость мужа для жены' и 'значимость жены для мужа'. Супруги являются *своими* друг для

друга. Муж – глава, от него зависит поведение жены, её благополучие, её статус в обществе. Жена подчиняется мужу, тогда как в статусе матери женщина «является центральной фигурой в мире своих, её ценность и необходимость выше отцовской» [Бурдун, 2020, с. 17]. Муж и жена едины, их отношения священны. Народные устойчивые речения отражают качества хорошей, доброй жены: она хозяйственная, ловкая, любящая детей и мужа, здоровая, не обязательно молодая и красивая, но с хорошей репутацией, не злая, кроме того, она должна быть «по душе» мужу. Муж должен быть любимым, строгим, не старым. В пословице *с кем венчаться, с тем и кончаться* говорится не только о единстве супругов, но и о единственности их друг для друга. Так в народном сознании сохраняются и передаются от поколения к поколению эталоны супружеской жизни.

Выводы

1. Казак является центральным субъектом *своего мира*, оценивающим и идентифицирующим вещное, территориальное, социальное и духовное пространство как *свое* или *чужое*, и это его активное начало находит свое выражение на уровне семантики региональной фразеологии.

В мире военной службы на понятийном уровне выявлены следующие признаки концепта КАЗАК: *‘представитель военного сословия’*, *‘избранный на служение Богу и царю’*, *‘защитник родины’* *‘представитель ответственной власти’*, *‘уповающий на Бога’*, *‘православный человек’*, *‘человек несчастной доли’*, а также *‘сторонящийся женщин’*, *‘действующий ночью’*, *‘скрывающийся’*, *‘маскирующийся’*, *‘свободный’*, *‘бедный’*, *‘одинокий’*, *‘любящий своего коня’*. Также выделяется признак *‘человек кастового сословия’*, актуализирующий значение *‘закрытость казачьего сообщества для чужих’*.

Образный компонент концепта включает следующие метафорические признаки: *‘казак живет как собака’*, *‘казак неприхотлив как голубь / ребенок’*, *‘казак знает беду, как рыба воду’*. Эти признаки актуализируют смыслы: *‘у казака трудная жизнь’*, *‘он неприхотлив и терпелив’*. Перцептивный образ казака практически не представлен. Только в одном фразеологическом контексте указывается на визуальный признак – усы казака: *‘Не в усах казачья слава’*.

Ценностный компонент концепта КАЗАК содержит мелиоративные коннотации и следующие признаки: *‘терпеливый’*, *‘непритязательный в военном быту’*, *‘опытный в бою’*, *‘осторожный’*, *‘бесстрашный’*, *‘хитрый’*, *‘честный начальник’*, *‘смелый’*, *‘везучий’*, *‘умный’*.

В мире семьи концепт КАЗАК включает в себя пейоративные коннотации и следующие признаки: *‘бездельник’*, *‘любитель выпить’*,

'гуляка', 'беспечный и своевольный человек'. Таким образом, оценка казака в кругу семьи снижается.

2. Центральным субъектом семейного мира является мать. Концепт МАТЬ включает в себя следующие понятийные признаки: *'женщина по отношению к своим детям', 'та, кто защищает детей', 'та, кто переживает за детей', 'та, кто жалеет детей', 'та, кто связан с детьми', 'та, кто всегда любит детей', 'та, кто дает силу детям', 'та, кто верит в своего ребенка'*

Образный компонент концепта обогащен такими метафорическими признаками как: *'мать – купол на церкви', 'мать – весна', 'мать – солнце', 'мать – пчелиная матка', 'мать – наседка'*. Данные образы актуализируют смыслы *'уважаемая', 'необходимая', 'дающая любовь своим детям'*. Зооморфные сравнения матери со свиньей или сукой эксплицируют смысловой компонент *'понимающая своих детей', 'близкая своим детям'*.

Ценностная составляющая концепта включает следующие оценочные признаки: *'самый значимый человек', 'необходимый человек', 'добрая', 'жалеющая'*. Также номинативная плотность концепта и метафорическая диффузность свидетельствуют о его высокой актуальности. Самые важные для казаков реалии номинируются как мать, а именно: *Сич, Родина, родная земля, родимая сторонушка, своя хата, рожь, картошка*.

Основным репрезентантом концепта ОТЕЦ является лексема *батько*. Концепт ОТЕЦ обладает сложной понятийной основой и вбирает в себя следующие понятийные признаки: *'глава семьи', 'статус казака', 'лицо духовной иерархии'*. Во фразеологических контекстах на понятийном уровне в концепт ОТЕЦ входят такие смыслы, как: *'главный', 'учитель', 'воспитатель', 'ответственный за семью', 'долго отсутствующий', 'представитель своего мира', 'опытный', 'лицо мужского пола', 'объект заботы и ответственности в старости'*.

Образный компонент концепта имплицитно символизирует смысл *'батько – это семья'*.

Ценностная составляющая включает в себя пейоративные коннотации, в частности, ироническое отношение, агрессивные реакции и чувство досады по отношению к *батьке*. Показателем актуальности концепта являются идиомы, в которых лексема *батько* приобретает другое значение, реализуя смыслы *‘главный человек’*, *‘руководитель’*, *‘решительный отказ’*, *‘пропажа’* и т. д.

Мать и отец (*батько-мать, батьки*) неразделимы и воспринимаются как единое целое, они выполняют в семейном окружении разные функции и дополняют друг друга.

Основным понятийным признаком, входящим в концепт ДЕТИ, является словарное значение *‘сыновья или дочери’*. Во фразеологии развиваются дополнительные смыслы, включенные в понятийный уровень концепта: *‘дети – объект понимания’*, *‘объект научения’*, *‘объект воспитания’*, *‘объект любви’*, *‘дети – это ответственность родителей’*, *‘дети часто плачут’*.

Образный компонент концепта вбирает такие метафорические признаки: *‘дети – пальцы руки’*, *‘непослушные дети – дикая дивизия’*, *‘непослушный ребенок – хамова / собачья душа’*, основанием образного воплощения послужили смыслы *‘семья – единый организм’*, *‘все дети одинаково ценны’*, *‘непослушные дети неподконтрольны’*, *‘непослушание ненормативно’*.

В ценностный компонент концепта входят как мелиоративные, так и пейоративные коннотации и следующие признаки: *‘дети значимы и ценны для матери’*, *‘дети имеют постоянную связь с матерью’*, *‘хорошие дети – ласковые и послушные’*, *‘взрослые дети приносят горе и боль’*, *‘чужие дети – это плохо’*, *‘незаконнорожденные дети – позор и презрение до конца жизни’*.

3. Концепт ЖЕНА на понятийном уровне включает в себя следующие признаки: *‘замужняя женщина по отношению к своему мужу’*, *‘та, кто любит детей и мужа’*, *‘занимающаяся домашним хозяйством’*.

Образный компонент концепта включает такие метафорические признаки, как *‘жена – шея’*, *‘жена – не сапог’*, *‘жена – не прислуга’*, *‘жена –*

сосуд на столе, *‘жена – свинка’*. Основанием сравнения стали смыслы *‘жена принимает решения’*, *‘от жены не избавиться’*, *‘жену надо беречь’*, *‘жену надо уважать’*, *‘характеристики жены неважны, они зависят от характеристик мужа’*.

Ценностная составляющая концепта включает положительные и отрицательные оценки жены. Хорошая жена – *‘ловкая’*, *‘здоровая’*, *‘смиренная’*, *‘надежная’*, *‘верная’*, *‘с Дону’*, *‘не обязательно красивая’* и *‘немолодая’*. Плохая жена – *‘злая’*, *‘сильная и влиятельная’*, *‘своевольная’*.

Понятийным основанием концепта МУЖ является признак *‘женатый мужчина по отношению к своей жене’*. Также на понятийном уровне в текстах фразеологии выявлены признаки: *‘главный в семье’*, *‘хозяин жены’*.

Образный компонент концепта включает метафорические признаки *муж – голова*, *муж – скотина*, актуализирующие смыслы *‘муж главный’* и *‘плохой муж’*.

В ценностный компонент входят такие характеристики хорошего мужа как *‘нестарый’*, *‘строгий’*, а также главной составляющей ценностного уровня концепта является признак *‘абсолютная ценность и необходимость мужа для жены’*. Негативными характеристиками являются *‘глупость’* и *‘неверность мужа’*.

Концепты МУЖ и ЖЕНА тесно связаны, а экспликативы этих концептов сопрягаются в одних и тех же контекстах, в которых реализуются такие признаки, как *‘единство мужа и жены’*, *‘их взаимная зависимость друг от друга’*.

ГЛАВА 3. ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ЭКСПЛИКАЦИЯ КОМПОЗИТИВНОГО КОНЦЕПТА *СВОЙ МИР* В ТЕКСТАХ ПЕСЕННОГО ФОЛЬКЛОРА КУБАНСКИХ КАЗАКОВ

3.1. Лексико-семантическая экспликация композитивного концепта *СВОЙ МИР* в текстах лирических необрядовых песен

Языковая картина мира оказывается «феноменом, связанным с мировоззренческими установками этноса и опосредовано, сквозь призму этих установок, – с историческими условиями его бытования. Выстраивается линия: условия жизни народа – этнический менталитет – языковая картина мира» [Артеменко, 2001, с. 11]. В основу ценностного компонента языковой картины мира в фольклоре легла бинарная концептуальная оппозиция *свой / чужой*. Неоднократно исследователи отмечали, что данная оппозиция так или иначе соотносится с другими бинарными оппозициями, является по отношению к ним «гипероппозицией, включающей в себя ряд других противопоставлений» [Тубалова, Эмер, 2005, с. 267], и эксплицирует положительное или отрицательное отношение коллектива к разным явлениям окружающего мира. В.В. Иванов и В.Н. Топоров выделили четыре вида базовых оппозиций: 1) противопоставления, связанные с пространством, 2) противопоставление временных характеристик, 3) противопоставления социального плана, 4) противопоставление абстрактных понятий [Иванов, Топоров, 1965, с. 64]. Как уже подчеркивалось исследователями, «носителем ценностной модели мира (субъектом оценивания) в фольклоре является человек в его коллективном проявлении» [Тубалова, Эмер, 2005, с. 266].

Центром семантического пространства лирической песни является человек, а целью песни становится раскрытие психологического чувства. В лирических необрядовых народных песнях выражено «идейно-эмоциональное отношение к событиям» [Никитина, 1993, с. 39]. Сюжет лирической песни слабо развивается, в ней отсутствуют изображения, требуемые обрядовым

каноном, и, напротив, описываются жизненные ситуации, необходимые для передачи чувств героев и их переживаний. Объектом изображения лирической песни является отношение повествователя к тем или иным драматическим событиям его жизни. Лирика в фольклоре выражает чувства отдельного человека, но эти индивидуальные чувства выступают и как проявление коллективного опыта.

Сборники народных песен Кубани включают более 300 лирических песен черноморских казаков и 130 песен линейных казаков. Тематика песен затрагивает любовные отношения молодых людей и описывает семейно-бытовые взаимодействия героев песен. Рассмотрим, какие смыслы вбирают доминантные концепты своего мира КАЗАК, МАТЬ, ОТЕЦ, ДЕТИ, МУЖ, ЖЕНА в семантическом пространстве лирических песен Кубани.

3.1.1. Лексико-семантическая экспликация концепта КАЗАК

Концепт КАЗАК имеет большое количество вербальных экспликаторов в кубанских песнях, поскольку все представления о казачьем мире входят в этот концепт. Отцы, сыновья, мужья – это казаки. Боевое оружие и обмундирование принадлежит казакам. Жены, дети, матери являются казачками и казаками. Основными номинантами концепта в лирических казачьих песнях являются лексемы *ка(о)зак* (162 с/у), *козаченько* (85 с/у), также казак в песнях – *молодец* (17 с/у), *удалец* (11 с/у), *парень* (7 с/у), *мальчишка* (5 с/у), *мальчик* (4 с/у), *дружок* (12 с/у), *дружочек* (10 с/у), *другазнобушка* (1 с/у), *закубанец* (1 с/у), *чорноморец* (3 с/у). Лексемы-номинации концепта сочетаются с постоянными эпитетами (*молодой, молоденький, добрый, хороший, славный*) и эмотивными эпитетами (*милый, миленький, гарный, гожий, уродливый* (красивый), *жартливый* (игривый), *бравый, удалой, разудалый, сердечный, ненаглядный*), которые эксплицируют мелиоративные коннотации, доброе отношение к казаку, любовь к нему, восхищение им и свидетельствуют о его силе, молодости, красоте.

Практически во всех лирических песнях казак – молодой человек. В песне «Тэче ричка-невэлычка» встречается сочетание *старый казак*: *Козак старый, лита пройшлы, / А ще й нэ женывся* [Бигдай, Т. 1, с. 107]. Однако тема этой шуточной песни – женитьба молодого разборчивого казака, который долго выбирал невесту и в результате остался старым и неженатым. В песне «Ой, темная, та невидная ниченька» старый казак – это старый муж, который стережет молодую жену: *Дурна була та неразумна дивчына, / Полюбыла та козакаченька старого. / Полюбыла та козакаченька старого, / Веде його та за рученьку пьяного* [Концевич, 2001, с. 438]. Эпитет *старый* в подобных контекстах негативно характеризует казака и образует антонимичную пару прилагательному *молодой*, обозначая не только возраст, но и черты характера, манеру поведения. В данном контексте казак выступает в роли мужа. Старый муж в лирических песнях обычно скучный, строгий, нередко пьяный, ревнивый и бьет свою жену.

Визуальный образ молодого казака говорит о его привлекательной внешности. В песнях черноморских казаков выделяются черные усы, красные губы, круглый или кучерявый чубчик, черные брови / ровные бровки, карие или черные очи (*очи якъ терночокъ*), белое румяное лицо. Визуальный образ усиливается оценочными эпитетами *уродливый* (то есть красивый), *жартливый* (игривый). *Гэй, козаче, уродливый, молодэнький та й жартливый, / Усочки чорнэсэнъки, губоньки пэрловыйи, / Чубчик твий круглэсэнъкий, та й жупан гарнэсэнъкий, / Червоная шапочка твоя огулярочка, / Сафьянови чоботци и сабэлька пры боци* [Бигдай, Т. 1, с. 378] (текстовые примеры см. в Приложении 1, табл.1: №№ 3 – 13).

Самым распространенным признаком в описании внешних данных казака являются его черные брови. Прилагательное *чернобровый* реализует не только внешнюю характеристику, но и актуализирует положительную оценку: *чернобровый* – это норма (привычный, *свой* образ), другие варианты являются отклонением от нормы и оцениваются негативно. Черные усы – символ мужественности, поэтому в песенном контексте в одном смысловом ряду при

описании внешности упоминаются сабля и усы, так эксплицируются смысловые компоненты 'бравый', 'смелый', 'красивый'. Еще одним важным элементом внешности молодого воина являются его глаза: карие или черные.

Казак обычно нарядно одет, в песенных контекстах изображаются червонная шапочка, сафьяновые чёботы, на боку сабля, жупан *гарнэсэнський* (красивый, обычно голубой). Казак представлен всегда в форме, поскольку «форма была заметным фактором, выделявшим казаков из среды восточнославянского населения, ... она была признаком их привилегированного сословного статуса» [Васильев]. Частью описания внешности казака является его конь: *Чорноморець йиде, йиде, / Ще й семеро коней веде, / На восьмому вороному / Самъ въ жупани голубому... Казакъ молоденький, / Орихове сиделчко / И кинь вороненький* [Концевич, с. 135]. Постоянные эпитеты *молоденький* и *вороненький* с уменьшительно-ласкательными суффиксами актуализируют положительную оценку и мелиоративные коннотации образа казака на коне.

В песне «Ты, крапива моя» представлен линейный казак. Он также молод и красив, одежда его несколько отличается: черная шапка, черная черкеска, на ногах черные бахилы на босу ногу, на боку вместо сабли крепится шашка. Дополняют образ русые кудри, которые вьются из-под шапки: *Обувае он черны бахилочки та на босу ножку. / Надевае он черную черкесочку, / Полы нараспашку. / Надевае он черную шапочку / Да на русые кудри. / Надевае он острую шашечку / На левый бочок* [Бигдай, Т. 2, с. 176]. Русые кудри казака встречаются и в других песнях линейцев (Приложение 1, табл.1, №№ 16, 17). В песнях черноморцев предпочтение отдается чернявому казаку (Приложение 1, табл.1, №№ 18, 19, 20). Примечательно, что *чорнявый* казак – это норма, которая оценивается положительно, зато *чорнявая дивчина* отличается своим строптивым и смелым характером: *Та нэ люблю я ни Михайла, ни Наума, / Бо я дивка чорнявая свого ума* [Бигдай, Т. 1, с. 275] *Чорнявая дивчинонька / Цилується, обнимається. / А билэнька – то ж моя мылэнька, / Слизонькамы умывається* [Бигдай, Т. 1, с. 158].

Казак в песнях часто характеризуется глаголами движения (около 70 контекстов), что свидетельствует об активном образе жизни молодого человека (Приложение 1, табл. 1, №№ 21 – 26).

Главная тема лирических песен – любовь, а казак в этих песнях – жених, а именно *холостой мужчина, намеревающийся жениться или ищущий невесту* [МАС, Т. 1, с. 477]. Не случайно так высока частотность (более 90 с/у) лексем-дериватов глаголов *жениться, сватать* (Приложение 1, табл.1, №№ 27 – 35). На обилие ритуальной свадебной лексики в лирических необрядовых песнях указывает О.С. Финько, замечая, что «ритуал сватовства репрезентирован в народных песенных текстах практически полноценной системой обрядовых наименований» [Финько, 2008, с. 32]. Данное замечание свидетельствует об основной теме лирических песен – поиск невесты или жениха.

В песне «Спородыла мене маты» актуализируется смысл 'необходимость женитьбы' изображением казака, стирающего свою одежду: *Как по тот-то бок Кубани казак платье моет, / Он и моет, и не моет, сам речи говорит: Не казачье это дело помыть платье было, / Бо казацкое то дело во фронте стояти, ружье заряжати* [Бигдай, Т. 2, с. 182]. В данном контексте противопоставлен семейный быт военной службе с помощью глагольных сочетаний *помыть платье* и *стоять во фронте, ружье заряжати*. Таким образом подчеркивается важность и необходимость семьи для воина, посвятившего жизнь ратному делу (Приложение 1, табл.1, №№ 37 – 40).

Примечательно, что в проанализированных лирических казачьих песнях лексема *дивчина / дивчинонька* насчитывают более 300 словоупотреблений. Практически во всех лирических текстах лексема *казак* сопрягается с лексемами, обозначающими молодую женщину. Глагол *любить* и его дериваты употребляются в песнях более 350 раз (Приложение 1, табл. 1, №№ 41 – 50).

Казак является как субъектом любви, так и объектом. В таких контекстах актуализируется еще одно, зафиксированное в словарях значение слова *жених*: *молодой человек, достигший брачного возраста* [МАС, Т. 1, с. 477]. Примечателен текст песни «Ой, не сам я оженывся», в котором молодой человек жалуется на несчастливую жизнь с нелюбимой женой. Он тоскует по тому времени, когда был холостым: *Лучше було бь житы весь викъ козаком, / В Крым по силъ ходыты, зваться чумакомъ* [Концевич, с. 252]. В данном примере лексема *казак* означает не столько воина, сколько холостого свободного мужчину.

В качестве субъекта любви казак может выполнять разные действия: он ждет дивчину вечером или ночью, тайно встречается с ней; он стоит с ней; спрашивает дивчину о любви; зовет ее под окном; расстается / прощается с ней; печалится о своей доле (о безответной любви или об одиночестве); думает-гадает, любит и страдает от любви; погибает из-за невозможности быть с любимой (Приложение 1, табл. 1, №№ 51 – 57).

В песне «Ой чийи ж то волы» безответно влюбленный казак печалится и унывает, ищет свою долю. В данном контексте хорошая доля – это взаимная любовь: *Ой пиду я в полэ / Шукать соби долю. / Нэ найшов я доли, / Найшов сыне морэ. / По сыньому морю / Рыба-шука грае, А козак молодэнькый / Парочки шукае* [Захарченко, Вып. 2, с. 312].

Еще одна особенность казака – умение говорить с девушками, уговаривать их. В таких контекстах употребляются глаголы речи (*вгворив, умолвил, пидмолвил*), а также дается оценка речевым действиям (*ласковые слова*): (Приложение 1, табл. 1, №№ 75 – 78). В песне черноморских казаков «Ой, у гаю, гаю, та й у гайочку» казак уговаривает девушку уехать с казаками: *Ой, одынь же козакъ не пье, не гуляе, / Не пье, не гуляе, Галю пидмовляе: / Ой, сидай, Галю, та пойидемо зь намы; / Та пойидемъ зь намы, зь намы козакамы* [Концевич, с. 431].

Другой звуковой характеристикой казака является его способность стучать в окно, вызывая девушку: *Пидійду я пидь виконце – стукну, / Пидійду я пид дугеє – грюкну* [Концевич, с. 54] (Приложение 1, табл.1, №№ 81, 82).

Красивый, молодой, удалой казак – мечта каждой девушки. Просьбы девушки к родителям о выданье ее замуж актуализируют смысл ‘казак – предпочтительный жених’, в подобных контекстах казак характеризуется эмотивным эпитетом (разудалый): *Отдай, отдай, маминька, / Куда хочеться. / Отдай ны за старого, / Ны за малого. / Отдай за козаченька / Разудалого* [Захарченко, Вып. 2, с. 199] (Приложение 1, табл.1, № 84). Интересно, что старый и малый в данных песнях являются двумя противоположными крайностями, оценивающимися негативно. Примечательно также, что в поле пашет только женатый мужчина, молодой казак в лирических песнях не пашет. А.Н. Мануйлов считает, что мотив плуга в руках казака является метафорой неволи и недоли [Мануйлов, 1983, с. 302].

В песне «По за гаєм, гаєм» в поле пашет дивчина, а казак ей только помогает: *Там орала дивчинька волыкком чорнэнькым, / Орала, орала, нэ вмила гукаты, / Та наняла козаченька на скрипочку граты* [Бигдай, Т. 1, с. 300]. Данная песня рассказывает о женитьбе казака на богатой девушке, воле в данной песне символизируют достаток.

Сам казак также может быть богатым и небогатым (Приложение 1, табл.1, №№ 85, 86, 89).

Бедный казак часто упрекает свою долю: *Доля моя злая, чом ты нэ такая, / Чом ты нэ такая, як доля чужая? / Другим даєш лишне, мэнэ обижаєш, / И шо мини мыло, то й тэ отнимаєш* [Бигдай, Т. 1, с. 63]. Богатство приносит почет, уважение, внимание девушек (Приложение 1, табл.1, № 88). Таким образом, выявляется еще один смысл ‘богатый казак – хороший жених’. Богатство / бедность – признак, по которому разделяется общество, это противопоставление коррелирует с противопоставлением *свой / чужой*. Социальное разделение важнее эмоциональной, душевной близости:

Ты богатый – я убога. / Як мы будэм кохатыся, / Будуть люды смятыся [Бигдай, Т. 1, с. 182] (Приложение 1, табл.1, №№ 91 – 93).

Служебный мир казака зависит от семейного гражданского мира. Родные, близкие люди снаряжают воина на службу, поэтому материальное состояние семьи – важный фактор при выборе жениха или невесты: *Та нэ вэлыть маты тэбэ, дивчино, браты. Та вэлыть мини маты – дэ чотыри волы браты. / Дэ чотыри волы и два коныка в дышли, / А як же и любыты, колы нэ домысли* [Бигдай, Т. 1, с. 205]. В песне «Мои гусы-лэбэдыта» казак предпочел богатую вдову бедной девушке: *У вдовицы две свитлыци, ще трэтя кимната, / Гэй, тим, козак вдову любыв, що вдова богата* [Бигдай, Т. 1, с. 219]. Однако есть контексты песен, в которых казак готов принять любимую и без богатства: *Нэ трэба мни злота, я сам прэдбаю, / А трэба дивчины, шо я кохаю* [Бигдай, Т. 1, с. 217].

Как объект девичьей любви казак именуется ласковыми словами-вокативами, актуализирующими метафорические смыслы, ‘казак – голубь’, ‘казак – соколик’, ‘казак – орел’, ‘казак – сердце’, ‘казак – душа’ (Приложение 1, табл.1, №№ 62 – 65, 68).

Группа контекстов актуализирует смысл ‘безответная любовь к казаку’. При этом казак нередко бывает неверным, жестким и категоричным при отвержении прежней возлюбленной (Приложение 1, табл.1, №№ 69 – 71). В песне «Ой, у гаю, гаю, та й у гайочку» казак уговорил девушку Галю ехать вместе с ним, а потом жестоко обращался с ней, не женился на ней: *«Ой самъ же я укруюсь та кытайкою, / Тебе вкряю, Галю, та нагайкою!» / Та й называвъ Галю не хозяйкою* [Концевич, с. 431].

Вдали от дома казак может найти новые привязанности и забыть свою избранницу: *Хотел меня милый до веку любить / А теперь милый покинул, позабыл. / На чужой-то на дальней стороне* [Бигдай, Т. 2, с. 343]. В песне «Лытив ворон черэз сад зэлэный», рассказывающей о том, как оставленная девушка отравила казака, актуализируется символическое значение ‘казак – ворон’: *Лытив ворон черэз сад зэлэный / Та й став калыну ламать. / Любыв*

казак молоду дивчину / Та й став ййии спокыдать [Захарченко, Вып. 2, с. 203]. Ворон здесь является и символом смерти неверного казака, поскольку ворон в фольклоре, по словам Н.И. Костомарова, «птица с неизменно мрачным значением» [Костомаров, 1994, с. 323].

Казак-изменник получает номинации с негативными коннотациями *варвар, козаче-дураче, заволока, коварный мучитель*. Молодой казак является в некоторых контекстах объектом любви замужней женщины, а сам становится разлучником. В песне «Ой утица моя луговая» молодушка *ночевала ночку во лесочке, / Под ракитовым кусточком / Под бурочкой, под черкесской / С молоденьким козаченьком* [Бигдай, Т. 2, с. 364]. Все вышеприведенные примеры свидетельствуют о том, что казак – это тот, кто нравится женщинам, кого любят женщины.

Дополнительные смысловые приращения, входящие в понятийный, образный и ценностный компоненты концепта КАЗАК, представлены в таблице 9.

Таблица 9. «Основные концептуальные признаки, составляющие понятийный, образный и ценностный уровни концепта КАЗАК»

Понятийный уровень концепта	Признаки, закрепленные в словаре и зафиксированные в контекстах: 'вольный, свободный человек'
	Дополнительные признаки, зафиксированные в контекстах: 'казак – мужчина, достигший брачного возраста', 'казак – холостой мужчина, намеревающийся жениться или ищущий невесту', 'казак – объект любви женщин', 'казак – субъект любви к женщине'. 'хозяин коня'
Образный уровень концепта	Перцептивные признаки: Возраст: молодой человек. Внешность: черные усы (5 с/у), черные брови (10 с/у), черные глаза (2 с/у), русые (4 с/у) или черные кудри (2 с/у), красные губы (1), белая кожа (2 с/у). Форма и оружие: черные бахилы (1), сафьянови чоботци (1), черная черкесска (4 с/у), черная или красная шапочка (5 с/у), на боку сабля (1 с/у) Звуковые характеристики выражены глаголами речи: вговоряет, клычет, зовет, называет.
	Метафорические признаки: 'казак – соколик', 'казак – голубок', 'казак – орел', 'казак – душа', 'казак – сердце', 'казак – варвар',

	'казак – заволока' 'казак – мучитель', 'казаче-дураче', символический смысл 'казак – ворон'.
Ценностный уровень концепта	'казак – предпочтительный жених', 'бедный казак – плохой жених', 'богатый казак – хороший жених', 'молодой, молоденький', 'добрый', 'хороший, славный', 'милый', 'миленький', 'гарный', 'гожий', 'уродливый' (красивый), 'жартливый' (игривый), 'бравый', 'удалой', 'разудалый', 'сердечный', 'ненаглядный'.

Таким образом, в лирических песнях концепт КАЗАК вбирает в себя дополнительные значения на понятийном уровне *'казак – мужчина, достигший брачного возраста'*, *'казак – холостой мужчина, намеревающийся жениться или ищущий невесту'*, *'казак – объект любви женщин'*, *'казак – субъект любви к женщине'*, *'хозяин коня'*.

Образный компонент концепта имплицитно перцептивные представления о возрасте, внешности, одежде. Перцептивный образ создается и с помощью глаголов движения, а также глаголов речи, свидетельствующих об умении красиво говорить, уговаривать.

Образный компонент концепта образуют метафорические смыслы с положительной оценкой *'казак – соколик'*, *'казак – голубок'*, *'казак – орел'*, *'казак – душа'*, *'казак – сердце'*, смыслы с негативной оценкой *'казак – варвар'*, *'казак – мучитель'*, *'казак – заволока'*, *'казаче-дураче'*, а также символический смысл *'казак – ворон'*.

Ценностный компонент включает в основном мелиоративные характеристики, выраженные постоянными и эмотивными эпитетами, метафорами. В текстах песен актуализируются следующие смыслы: *казак – предпочтительный жених*, при этом *бедный казак – плохой жених*, *богатый казак – хороший жених*. В ценностный компонент также входит и высокая актуальность концепта, характеризуемая частотностью его вербальных

экспликаторов, номинативной плотностью его именований. Можно заключить, что для казака женитьба была важным событием в жизни, а наличие или отсутствие *парочки* коррелирует с его состоянием счастья или несчастья.

3.1.2. Лексико-семантическая экспликация концепта МАТЬ

Основные доминантные образы, воплощающие свой мир, выражены лексемами, называющими близких родственников, поскольку «в казачьих песнях маркерами *родного* пространства чаще всего являются термины родства» [Мазай, 2008, с. 88]. Мать выступает субъектом 92 песен, отец – 36 песен (при этом без матери образ отца воплощен только в 11 текстах песен), жена – в 42, тогда как единицы со значением *муж* встречаются только в 15 песнях. Далее приведем количество песен, в которых употреблялись лексем, называющие других родственников: *дети* – в 29, *сестра* – в 16, *брат* – в 15, *дочь* – в 17, *сын* – в 21, *теща* – в 5, *зять* – в 3, *невестка* – в 2, *дядька и дядына* – в 1.

Из приведенной статистики видно, что мать является одним из центральных персонажей в семантическом пространстве лирических текстов. Об этом свидетельствует высокая частотность словоупотреблений лексем, номинирующих этот доминантный образ своего мира, а также номинативная плотность одноименного концепта как в песнях линейных казаков Кубани: *матушка* (22 с/у), *мать* (20 с/у), *мамаша* (10 с/у), *маманька* (14 с/у), так и в песнях черноморцев: *маты* – (234 с/у), *мать* (7 с/у), *матусенька* (16 с/у), *матуся* (7 с/у), *матинка* (27 с/у), *нэнько* (32 с/у). Также лексем, номинирующие мать, довольно часто сочетаются с притяжательным местоимением *моя* (примерно 40 словоупотреблений), тогда как номинации отца соединяются с данным местоимением только в 8 контекстах, жены – в 14, сына в – 16, дочери – в 12, брата – в 13. Эти данные подтверждают ценность матери для детей.

В текстах казачьих песен лексемы-номинанты матери сочетаются с выразительными эпитетами, эксплицирующими чувства и эмоции, испытываемые к ней детьми, а также отражающими эмоциональное состояние самой матери: *родная, родна, родимая, ридная, ридна* – 48 (с/у), *сердита, сэрдыта* – 3 (с/у), *лыхая* – 2 (с/у), *стара, старэнькая* – 7 (с/у). Примечательно, что эпитеты выражают не только позитивную характеристику, но и негативную, при этом стоит отметить, что в количестве своем превосходят позитивные характеристики матери. Пейоративные коннотации образа можно объяснить тем, что действия матери, направленные на детей, бывают как конструктивными, так и деструктивными и зависят от возраста детей, их гендерной принадлежности, а также от того, в каком социальном статусе дети находятся (женаты / замужем или еще нет).

В контексте лирических песен мать не только та, кто рождает человека, но и та, кто наделяет его внешними данными и долей, эти смыслы эксплицированы глаголами *дала, дарыла, спородыла, родыла* (Приложение 1, табл. 2, №№ 1 – 4, 6, 7). *Мабуть, мэнэ маты в барвинку купала, / Купаючи проклынала – щоб доли нэ мала* [Бигдай, Т. 1, с. 159]. В данном тексте рисуется обряд купания ребенка после рождения. Барвинок – не только целебная трава, но и растение с мрачной символикой, обычно барвинок растет на могилах. По словам А.Н. Мануйлова, данный контекст «указывает на особую магическую роль матери» в жизни ребенка [Мануйлов, 1995, с. 301], поэтому мать получает упреки от детей за то, что не родила их счастливыми: *Було б тоди, моя ридна маты, / Цих брив ны даваты. / Було б тоби ж, моя ридна маты, / Щастя, щастя-доли даты* [Захарченко, Вып. 2, с. 217]. Впрочем, не только мать наделяет долей. Такой функцией обладает в песнях и Бог: *Ой нэ буду жалкувати моя ридна мати, / Яку мини Бог дав долю, – буду горювати* [Бигдай, Т. 1, с. 147]. Как отметил А.Н. Мануйлов, «доля, данная матерью, не является окончательной и может затем “пересматриваться” Богом» [Мануйлов, 1995, с. 273]. *Горе ж мини, горе, несчастная доля! / Десь ти мене, ненько, в церкву не носила? / Бо щось мини ти у Бога счастья не просила? / Я*

тебе носила в свято и в недилю; Як не дав Бог тобі счастья – ничего не вдию [цитируется по Мануйлову, 1995, с. 273].

Все лирические тексты, в которых мать взаимодействует с дочерью, можно разделить на две группы: рассказывающие о вышедшей замуж дочери или о дочери, живущей в доме родителей. В большинстве контекстов мать выступает как хранительница своего мира, защищающая его от чужих. Она локально привязана к дому или двору, а само понятие *родной дом* может сузиться до замечания героини о спящей / не спящей в нем матери, которая слышит, видит или чувствует неправильное поведение дочери (Приложение 1, табл.2, №№ 8 – 10).

Мать запрещает дочери гулять: *Рада б дивка выйты, та матуся нэ пускае* [Захарченко, Вып. 2, с. 205] (Приложение 1, табл.2, №№ 12, 13).

За непослушание она наказывает дочь (ругает или бьет): *Лае маты, та ще й была, / Щоб я тобэ ны любыла* [Захарченко, Вып. 2, с. 241] (Приложение 1, табл.2, №№ 15 – 20).

Символом материнской защиты являются ключи, которыми она запирает дом или даже бьет дочь: *Ой, якъ мени пустыть тебе? Маты ключи мае, / Це й велькымъ замкомъ хату замыкае* [Концевич, с. 268]. *Была мене моя маты ключемъ отъ свитлыци, / Та за тебе, козаченьку, що ты билолыцый* [Концевич, с. 148].

Таким образом родительница защищает честь не только своего ребенка, но и всего рода. Подобное поведение воспринимается коллективным сознанием как нормативное, это подтверждает большое количество контекстов, в которых мать выполняет функцию хранительницы чести дочери (не менее 20). В песне «Пусты мэнэ, мамо» дочь простит у матери разрешения пойти в лис по калину: *Буду ломать, та вязаты, та всэ долэньку шукаты*. Как отмечал Я.А. Автономов, обычно жених ломает калину, и это символизирует в свадебных песнях замужество девушки [Автономов, 1902, с. 51]. В данном тексте символическим фольклорным языком изложена просьба девушки о выходе в *чужое пространство* для поиска возлюбленного,

будущего мужа. Мать не пускает дочь, предостерегая ее: *Ой, нэ пуцу, доньку, шоб нэ заблудылась* [Бигдай, Т. 1, с. 216]. В песне «Ой, посию я рожу» изображена мать, посылающая свою дочь гулять: *Гуляй, гуляй, доню, / Покры молодая / Бо як постариеш, / Гулять пэрэстанэш*. Это легкомыслие матери заканчивается трагично для дочери, которая *Гуляла, гуляла, / Покры нагуляла. / Та й на матир ридну / И плакаты стала* [Бигдай, Т. 1, с. 226]. Так коллективно осуждается мать, не защищающая свое дитя от бесчестия. В песне «Защербэтав соловэйко» предоставление дочери *своей воли* сопоставляется с *загублением* своего ребенка: *Живи ж, доню, в свою волю / Так як полюбыла, / Нэ жалкуй на свою матир, / Що тэбэ згубила* [Бигдай, Т. 1, с. 147]. Мать оценивает жениха дочери и если видит в нем опасность для своей *дытыны*, то отказывает ему: *Брэшыш, брэшыш, вражий сыну, завезэш мою дытыну, / Ты бурлака, волоцюга, разбышака, злый матюга* [Бигдай, Т. 1, с. 327].

Впрочем, мать не только запрещает, бьет или ругает, она может быть утешительницей в трудной ситуации: *Приду домой, скажу матери родной: / «Родимая моя матушка, с чего у меня головушка болит, / С чего, с чего моему сердцу тяжело?»* [Бигдай, Т. 2, с. 226], может быть также мудрой советчицей: *Ох, ты, мати, парадница в хати, / Парадь мене, что людям сказати?* [Бигдай, Т. 2, с. 237]. Причем советчица не только для дочери, но и для сына: *Ой, гаю, мий гаю, зэлэный розмаю. / Порадь, порадь, стара маты, женыться маю* [Бигдай, Т. 2, с. 256]. В песне «Долина, долина, да ты зеленая» мать выполняет роль отца, наставляя уходящего на службу сына: *Служи, мой сыночек, царю ты вернее* [Бигдай, Т. 2, с. 320].

Мать заботится о детях: стирает одежду, следит за их внешним видом. Так, в песне «За горою брала конопэлькы» дочь, вышедшая замуж, тоскует по материнской заботе: *Прыйдэ нэдиля, прыйдэ нэдиля, сорочка нэ била, / Ой, никто нэ спытае, ой матэри нэ мае* [Бигдай, Т. 2, с. 165]. Образ небелой сорочки актуализирует метафорический смысл 'сиротство, одиночество'. В песне «А вчера була суботонька» девушка спрашивает у казака: *Чого ж в*

тэбэ, козаченько, / Сорочка нэ била. Казак ей отвечает: *Маты стара, сэстра мала, / Та й никому праты* [Бигдай, Т. 2, с. 152].

Приготовление *вычери* тоже в лирических песнях означает проявление любви и заботы: *Вары, маты, вэчеряты, / А я ляжу спаты / Кому любя, кому мыла, / Хай прыйдэ до хаты* [Бигдай, Т. 1, с. 172] (Приложение 2, табл.2, №№ 29, 30). *Вычерию* в песнях готовит не только мать, но и возлюбленная для своего милого, а жена для мужа: *Ой здорова була, жиночка моя, Ой чи готова вэчера твоя?* [Захарченко, Вып. 2, с. 365]. Приготовление еды, кормление человека является символом проявления любви к нему: *Пэрвая любыла – Колечко дарыла, / Другая любыла – Билу скатерть слала* [Захарченко, Вып. 2, с. 312]. Когда дочь или сын отказываются от ужина, приготовленного матерью, реализуется смысл ‘*оставленность матери*’.

Взрослые дети противодействуют защитным функциям родителей, пытаются нарушить запреты. В контекстах, изображающих это противодействие, возникают пейоративные образы родителей. Примечательно, что чаще всего это образ именно матери, который противопоставляется доброму отцу: *Батько мылый, батько мылый, / А маты лыхая, / Нэ пускае на улыцю, / Що я молодая* [Бигдай, Т. 1, с. 172]. *Батько свий, батько свий, замятав дочке свит, / А маты лыха, рано замиж отдала* [Захарченко, Вып. 2, с. 220]. В песенных текстах мать принимает решение о женитьбе или замужестве и несет за это решение ответственность. Часто воля родителей противоречит желанию детей: *Кохав мэнэ батько, як билу тополю, / Та виддала мэнэ маты у тяжку нэволю / Маты, маты, що ж ты загадала, Що за нэлюбом свит завязала* [Бигдай, Т. 1, с. 159] (Приложение 1, табл.2, №№ 34, 35).

Самая актуальная просьба, направленная к родителям от детей, – о женитьбе или замужестве по любви: *Отдай, отдай, маминька, / Куда хочется* [Захарченко, Вып. 2, с. 199]. Тем не менее даже в контекстах о несчастном замужестве возникают метафорические сопоставления *маты – заря, батэнько*

– *свит: В мэнэ батэнько свит, завязав мини вик, / В мэнэ маты зоря, мэнэ замиж виддала* [Бигдай, Т. 1, с. 156]

Родители защищают не только честь семьи, но и ее материальное состояние, поэтому при выборе жениха или невесты обращают внимание на его / ее статус и богатство: *Позволь, позволь же мне, родная, / Законный брак с ней совершить. / Мамаша сыну говорила: «На что ты бедную берешь?»* [Бигдай, Т. 2, с. 206] (Приложение 1, табл.2, №№ 37, 38).

Таким образом, системы ценностей детей и родителей не совпадают. Для молодых людей «моральна только любовь», отсутствие любви, измена, запрет родителей «приводят к такому отчаянию, из которого выход – только смерть» [Пропп, 1963, с. 248].

Если до замужества девушка хочет освободиться из-под власти родителей, то после замужества, напротив, пытается сохранить связь с родным домом (таких контекстов не менее 12). Так, в песне «Як зирву я з розы квитку» девушка пустила по воде цветков розы: *Плывы,плывы, ой, з розы квитка, / Аж до мого двору.* Лексема *вода* здесь символизирует границу, разделяющую дочь и семью, а также канал связи с родным домом. Образ цветка ассоциативно сопоставлен с образом дочери, оторванной от родной семьи, родного дома и увядающей в чужом пространстве: *Плыла,плыла з розы квитка / Та стала кружиться. / Вышла маты, ой, воду браты / Та й стала журыться. / Ой чого ж ты, з розы квитка, / Так рано завьяла? / Ой чого ж ты, ой, моя доню, Така грустна стала?* [Захарченко, Вып. 2, с. 340]. Девушка печалится о том, что ее рано отдали замуж. Мать сочувствует своей дочери, сопереживает ей. Мать и дочь связаны в таких песнях, они становятся двумя точками, соединяющими свое и чужое пространство: *Ныхто ж мэнэ нэ жалкуэ, одна ридна нэнька. / А тэпэр мэнэ жалие / Сырая зэмэлька* [Захарченко, Вып. 2, с. 263]. *Прямо в родину родную / Я направлю свой полет. Знаю я про мать родную, / Как она сейчас живет...Померла моя мамаша, / Осталась я сиротой* [Бигдай, Т. 2, с. 241]. В песне «Сыне морэ бушевало» связь матери и дочери актуализирует образ открытого окошка: *Я от маменьки далеко, / Ны выдала года два. /*

Открой, маменька, окошко / Та й послушай на заре. / Не твоя ли дочка плачет / В чужой дальней стороне [Захарченко, Вып. 2, с. 297].

В песне черноморских казаков «Ой, давно, давно матинки нэма» образ заросшей, непроходимой дороги, по которой давно не ходила мать, реализует когнитивный признак *‘недоступность родного пространства’*: *Ой, давно, давно матинки нэма, / Та вже тая дориженька тэрном заросла. Тэрном заросла, пылом прыпала, Червоною калыною позавишана*. Именно мать выходит в сад слушать щебет обратившейся в птицу дочери и приглашает ее *до хаты*. Далекая своя сторона рисуется идеальной: *В свойий сторони витэр нэ шумыть, Ридный батько, ридна маты, хоч бье – нэ болыть* [Бигдай, Т. 1, с. 166]. В песне с похожим сюжетом линейных казаков «Ой давным я давнешенько в батюшки была» для девушки воплощением родного дома является образ батюшки: *Да давны я давнешенько / В батюшки была. / Да все стежки и дорожки Травой заросли. / Да не травой-муравой, Все щетиною*. Чувство любви к родному дому выражается с помощью диминутивов *батюшка, родимая матушка, невестушки-ластушки, пташечка*. Мать ходит по двору и слышит щебетанье птицы-дочери. Связь матери и дочери выражена не так ярко, как в песнях черноморцев. Устойчивый фольклорный образ зеленого сада у батюшки репрезентирует смысловой компонент *‘райский сад’*, а тоска по дому, слезы, вздохи дочери реализуют когнитивный признак *‘потерянный рай’*: *Да и села б я у батюшки / В зеленом саду. / Да своими вздохами / Весь сад заглушу. / А слезами горячими весь сад оболью* [Бигдай, Т. 2, с. 207]. В песнях с подобным сюжетом *распрекрасное* родное пространство противопоставляется *распроклятой чужой стороне*, а мать и отец выступают в качестве центральных элементов *‘своего’* мира.

Впрочем, этот мир, защищая свои границы, не принимает назад отделившийся элемент. В текстах 4 песен мать отторгает вышедшую замуж дочь. Так, в песне «Червоная вышня» на просьбу дочери *звары, мамо, вычерять / Ше й на мою долю* мать оправдывает свой отказ отсутствием столовых приборов: *Зварыла вычерять, / Зварыла я трошкы. / Нэма ж тоби,*

доню, / Нэ мыскы, нэ ложкы [Захарченко, Вып. 2, с. 186], в песне «Чив в тэбэ, нэнько» мать не хочет передать дочери одежду: *Ой луче я, доню, по тыну роскыну, Як мини наряжаты Чужую дытыну* [Захарченко, Вып. 2, с. 188].

Таким образом, мать выполняет свою основную функцию – защита своего мира от проникновения чужих. При этом в песенных контекстах о замужней дочери концепт МАТЬ включает в себя и смысл ‘связь с дочерью’. Мать обычно не теряет связи с детьми, даже если они оказываются в чужой стороне и становятся частью ‘чужого’. В песне «А ще сонэчко нэ заходыдо» *нэнька ридная* пересекает границу своего мира и приходит к своей дочери в гости: *За тры шляха за шырокийи, / За тры лисы за высокыйи* [Бигдай, Т. 1, с. 190]. В другой песне мать *выражает* свое уже взрослое дитя в последний путь: *Ой ты тэца, стара маты, Бросай бильой полоскаты, Иды дочку одыночку На смэрть наряжаты* [Захарченко, Вып. 2, с. 211].

Способность чувствовать состояние своего ребенка на расстоянии проявляется и в отношении сына, находящегося в чужой далекой стороне. В песне «Манэсэнкый соловэйко» мать чувствует смерть сына: *Ныхай зарже кинь вороный, зарже нади мною, / Ой зачуче стара маты, сидячи й у хаты. / «Та вже ж мого сыноченька на свити нэ мае»* [Бигдай, Т. 1, с. 174]. В данном контексте актуализируется метафорический смысл ‘мать – кукушка’, кукушка в фольклорных текстах является добрым символом, поскольку в славянской мифологии в образе кукушки на землю спускалась богиня, жалеющая людей и предсказывающая судьбу, «кукушка – добрый гений человека, всеведущая прорицательница» [Костомаров, 1994, с. 260]. Основанием сопоставления матери и кукушки является способность матери чувствовать на расстоянии состояние детей, а также ее жалобный плач: *В субботу пизднэнько, в нэдилю ранэнько / Кувала зозуля в саду жалибнэнько. / Ой то ж ны зозуля, а то ж ридна маты, / Вона провожае сыночка в солдаты* [Захарченко, Вып. 2, с. 96]. *Колы б была зозуленька, то я б полытыла. / Сила б, пала на могылу, та й сказала «ку-ку», / Подай, подай, мий сыночку, хоча одну руку* [Бигдай, Т. 1, с. 174]. Если сын находится в остроге или на войне, то мать и ее чувства к нему

становятся для него связующей нитью со своим миром, надеждой на спасение: *Не оставь, родная мать, мне в остроге пропадать, / А заставь, родная мать, круту горушку копать* [Бигдай, Т. 2, с. 234]. Лексема *лысточек* также эксплицирует смысл 'канал связи' и метонимически означает письмо, посылаемое матери: *Проходэ годочок, сын пише листочок: / Ой, ридна матуся, почуй голосочек* [Захарченко, Вып. 2, с. 148].

Сын, находящийся в чужом мире, всегда уверен в материнской любви: *Як бы маты знала, якэ мини горэ, / Вона б пэрэплыла всэ сынёе морэ* [Захарченко, Вып. 1, с. 148] (Приложение 1, табл.2, №№ 51, 52). В песне «Отчего же ты да, сокол, высоко летаешь» лирический герой находится в тюрьме, он тоскует по дому и представляет любимых и близких женщин: *Первая ластушка – / Маменька родная, вторая ластушка – / Сестрица родная, а третья ластушка – / Жена молодая* [Бигдай, Т. 2, с. 233]. Маменька и сестра характеризуются как *родные*, а жена не имеет такого определения. Маменька переживает больше всех за своего сына: *Где маменька плакала – речушка бежала, / Где сестрица плакала – креничка стояла, / Где милая плакала – трава повысыхала* [Бигдай, Т. 2, с. 233]. Так, река материнских слез актуализирует метафорический смысл 'сильная любовь к сыну'. В песне «Ой, Морозе, та Морозеньку» образ матери казака-героя стоит в одном ассоциативном ряду с образами Украины и казачьего войска: *Ой, Морозе, та Морозеньку, / Ой, ты славный козаче. / За тобою та Морозеньку уся Украина плаче. / Не такъ тая та Украина, / А якъ тее горде вйско... / Заплакала та Морозыха, / Идучы рано на мисто* [Концевич, с. 132]. Казаки приглашают *Морозыху* с собой *меду-вына* напиться, а она отказывается, называя при этом казаков братьями: *Чогось мени, да мои браття, / Да и медь-выно не пьеться. / Охъ и десь же мій сынъ Морозенько / Да вже зъ Турчыномъ бьеться* [Концевич, с. 132]. В данном песенном тексте актуализируется значимость матери в жизни казака. Они связаны одной фамилией. Называя казаков братьями, мать героя становится частью казачьего войска, частью мужского военного мира.

Концепт МАТЬ вбирает в себя и сему *дорога*, по которой сын покидает родной дом или возвращается в него. Дорога может быть представлена как эксплицитно, так и имплицитно с помощью глаголов с семантикой перемещения, а также глаголов, обозначающих проводы и встречу. Мать провожает сына в путь, первая встречает его (Приложение 1, табл.2, №№ 56 – 61).

Примечательны варианты песен, в которых женщина совмещает статус матери со статусом невестки, жены или свекрови.

Так, в песне «Пишла маты до роду гуляты» невестка ушла к своей родне, оставив ребенка на руках свекра и свекрови: *Пишла маты до роду гуляты. / А свэкирко дытыну колыше. / А свэкруха вэчеряты варэ* [Бигдай, Т. 1, с. 177]. В этом контексте негативная характеристика невестки актуализируется имплицитно с помощью лексемы *маты*, так как настоящая мать не может надолго оставлять ребенка. Примечательно, что во второй части песни события излагаются от первого лица, и невестка приобретает уже статус жены, которая ждет наказания от мужа: *А мий мылый дубыноньку парэ, Сюды-туды лен-лен, дубыноньку парэ. / Ой, дубыну – то ж на мою спыну* [Бигдай, Т. 1, с. 177].

В образе матери выступает женщина, изменяющая своему мужу (4 песни). Так, в песне «Бросай, Пэтрэ, жинку» дети сообщают отцу: *наша маты Катря / Пишла по калыну, / И казала, говорыла, / Шо я вас покыну*. С помощью лексемы *маты* в этом контексте актуализируется значение ‘оставленность детей’: *Наша маты Катя / Пишла по телята. / Нам казала, говорыла, / Шо вы сыротята* [Захарченко, Вып. 2, с. 374]. Таким образом концептуализируется идея о том, что настоящая мать не может оставить (*осиротить*) своих детей.

Мать, являющаяся свекровью, – самый агрессивный и пейоративный образ в этом ряду, она любит сына, но негативно относится к невестке: *Рада я, сыночек, рада я тобою, / Тилькы я нэ рада твоею женою* [Захарченко, Вып. 2, с. 395] (Приложение 1, табл.2, №№ 65 – 67).

Свекровь разными способами старается избавиться от нелюбимой невестки и в результате делает несчастным своего сына: *Маты, моя маты, Шо ты наробыла? Ты мэнэ з симьйою / На вик розлучила* [Захарченко, Вып. 2, с. 397]. Из уст сына мать получает негативные, пейоративно окрашенные характеристики, которые в текстах песен не реализуются из уст вышедшей замуж дочери: *Ох ты, мать, моя мать, / Ты лютая змея* [Бигдай, Т. 1, с. 160]. В песне «Ой у поли, поли бэрэза стояла» свекровь пыталась отравить невестку, но сын и невестка все, что пили, *в кучу зльывалы* и в результате *оба молодые сразу и завьялы* [Захарченко, Вып. 2, с. 395]. В этом тексте актуализируются семантические компоненты ‘*неразделимость супругов*’ и ‘*отчуждение матери от женатого сына*’. Эти же смыслы реализуются в песне «Варыла я водку», которая поется от лица свекрови. Она ждала *свого сыночка* из армии, первая встретила его, устроила праздник и задала ему сокровенный вопрос: *Сыну, ты мий сыну, / Хто тобі ридниций: Чи тьоца, чи жинка, / Чи ридная маты?* На этот вопрос сын не дал определенный ответ, он не стал выбирать, а пригрозил матери выгнать ее: *Маты ж, моя маты, / Будэш враждуваты, / Будэш враждуваты, / Так выгоню з хаты* [Захарченко, Вып. 2, с. 300]. В этой песне визуальный образ отвергаемой матери актуализируется изображением торбы (сумки для сбора подаяния): *Маты ж моя, маты, / Такэ твое щастя, / Поший соби торбу, / Вона тобі сдасться* [Захарченко, Вып. 2, с. 300]. Примечательно, что в песне с подобным сюжетом линейных казаков «Долина, долина, да ты зеленая» сын выбирает мать: *Жена для совета, / Теща для привета / А милее, лучше в свете / Нету матушки родной* [Бигдай, Т. 2, с. 320]. В песне «Ой у лиси, в лиси» мать тоскует и жалуется на то, что не нужна больше сыну: *А як оженився, / Узяв соби жинку, / Та й став забуваты / Про свою матыну*. Дочь остается верной матери и после замужества, мать и дочь объединены единой горькой женской долей: *Приду я до дочки, / Дочка горэ знае, / Накормэ, напоз, / Та ще й розпытае* [Захарченко, Вып. 2, с. 301]. Но дочь не может оказывать действенную помощь, так как находится под властью мужа.

Лирические песни включают в себя сюжеты, в которых концепт МАТЬ имплицитно означает смысл 'оставленная детьми'. Так, в песне «Ой, збэру я своих сынив, та радэтыся буду» мать спрашивает у сыновей: *Сыны мои, орлы мои, а я ваша маты, / А хто мэнэ, старэнькую, будэ хлибом годуваты?* Старшие сыновья отказываются заботиться о матери и предлагают ей просить милостыню, а младший сын их укоряет: *Грих нам, братци, будэ, / А як наша стара нэнька будэ хлиб прохаты* [Захарченко, Вып. 1, с. 118]. Настоящий сын – тот, кто кормит родителей.

В песне «Стоить под горою» рассказывается о старой вдове, которая с трудом вырастила своих детей и встретила несчастную старость: *Сама ны поивше / Диток гудувала. / Ночей ны дославше / Йих сон бэрэгла. / А повыроствалы / Та й порозлиталысь, / Осталась в хатыни / Старэнька одна* [Захарченко, Вып. 2, с. 305]. В этой песне покинутость матери актуализируется образом забытой дороги: *Мали булы диты, / Усэ я йим дбала, / Воны позабувалы / до матэри шлях.*

Дополнительные смысловые приращения, входящие в понятийный, образный и ценностный уровни концепта МАТЬ и отраженные в региональной фразеологии, представлены в таблице 10.

Таблица 10. «Основные концептуальные признаки, составляющие понятийный, образный и ценностный уровни концепта МАТЬ»

Понятийный уровень концепта	Признак, закрепленный в словаре и зафиксированный в контекстах: 'женщина, родившая детей'
	Дополнительные признаки, зафиксированные в контекстах: 'защитница своего пространства и чести семьи', 'та, кто наделяет долей', 'та, кто наделяет детей внешними данными', 'та, кто заботится о детях', 'та, кто всегда любит своих детей', 'та, кто чувствует на расстоянии, что происходит с детьми', 'утешительница', 'советчица', 'та, кто всегда имеет связь со своими детьми', 'та, кто встречает и провожает сына', 'та, кто женит и отдает замуж', 'наставница', 'та, кого могут оставить дети'

Образный уровень концепта	Перцептивные признаки возраст: старая, седая (<i>сыва</i>); глаголы эмоционального состояния: <i>плаче, рыдае</i> ; глаголы речи: <i>лаять, ругать, сказать, проклинать</i> ; глаголы физического воздействия: <i>бить</i> ; глаголы созидания: <i>прать, варить, сять муку</i> ; соматические компоненты: <i>зь полубочка, били руки</i> ; атрибуты: у матери есть ключ, у матери есть торба.
	Метафорические признаки: 'мать – кукушка', 'мать – голубочка' 'мать – квочка курчата' 'мать – заря', 'мать – лютая змия'
Ценностный уровень концепта	'родная / родимая' 'сердитая' 'лихая' 'объект упреков детей', 'объект недовольства детей', 'плохая мать не защищает честь дочери', 'плохая мать надолго оставляет своего ребенка', 'плохая мать изменяет отцу своих детей' (своему мужу), 'плохой матерью является злая свекровь', 'Церковь – мать', 'Родина – мать', 'Россия – матушка', 'Сырая земля – мать'

Итак, концепт МАТЬ в семантическом пространстве казачьих лирических песен на понятийном уровне имплицитно включает следующие дополнительные признаки: 'родной человек', 'та, кто рождает', 'та, кто наделяет долей', 'защитница своего пространства и чести семьи', 'та, кто встречает и провожает сына', 'та, кто женит и отдает замуж детей', 'та, кто заботится о детях и любит своих детей', 'та, кто чувствует на расстоянии, что происходит с детьми', 'утешительница' 'советчица', 'та, кто всегда имеет связь со своими детьми' (даже если дети находятся в чужом пространстве), 'та, кого могут оставить дети', 'наставница'.

Образный компонент концепта образуют перцептивные характеристики, выраженные глаголами бытия, созидания (*спать / не спать, варить, прать, сять*), глаголами физического и речевого воздействия на другое лицо (*бить, лаять, ругать, проклинать*), а также эпитетами, указывающими на возраст

(*стара, старэнька, сыва*). Визуальный образ матери дополняют такие предметы, как ключ и торба. При этом ключ символизирует мать-защитницу своего мира, а торба – отверженную, покинутую, забытую мать. В шуточной песне «Пишла маты на село» представлен образ матери, сеющей муку: *Наша маты голубочка / Сіет муку зь полубочка; / Якъ бы батько бувъ здоровъ, / Вин бы муки намоловъ* [Концевич, с. 100]. Соматический компонент *зь полубочка* актуализирует смысл ‘*мать ловко работает*’. В песне «Загулы орлы въ гору летючы» соматизм в метафоре *били руки ломае* актуализирует смысловой компонент большое горе: *Що коня вѣдут, козака везуть, / Кинь голову клоне; / А за нымъ, за нымъ иде ненька / Та били руки ломае* [Концевич, с. 380]. Визуальный образ матери имплицитно ее способность плакать, рыдать, лить слезы: *Сыдыть маты у край стола / Та й плаче, рыдае. / Свою доню Катэрыну / Слизно проклинае* [Захарченко, Вып. 2, с. 411].

В образный компонент входят и метафорические сравнения, эксплицирующие позитивное и негативное отношение к матери: *мать – кукушка, мать – голубочка, мать – квочка курчата, мать – зоря, мать – лютая змия*.

Ценностную составляющую концепта образуют его актуальность (большое количество экспликаторов, высокая частотность употребления номинаций концепта) и оценочность, включающая как позитивные характеристики, выраженные диминутивами (*родимая моя матушка*), так и негативные, актуализированные эпитетами *сердита, сэрдыта, лыхая*, метафорическим сопоставлением со змеей, а также семантическими компонентами ‘*та, кого упрекают дети*’, ‘*та, кем недовольны дети*’. Плохая мать не защищает честь дочери, разрешает ей гулять, плохая мать надолго оставляет своего ребенка, плохая мать изменяет отцу своих детей (своему мужу), плохой матерью является злая свекровь.

В исторических и военно-бытовых песнях номинации матери становятся образом сравнения, маркерами важнейших элементов своего мира: ‘*церковь –*

мать', 'Родина – мать', 'Россия – матушка', 'сырая земля – мать' (Приложение 1, табл. 8, №№ 86, 87, 88, 107).

3.1.3. Лексико-семантическая экспликация концепта ОТЕЦ

Концепт ОТЕЦ в текстах лирических песен вербализован следующими лексемами: *батько* (53 с/у), *отэць* (15 с/у), *тату* (8 с/у), *отец* (4 с/у). Отец в песнях выполняет те же функции, что и мать, но он менее активен. Контекстуально лексемы, номинирующие отца, чаще всего связаны с именованиями сына. Если мать коммуницирует с дочерью, то сын находится в поле отца. Отец так же, как и мать, наделяет ребенка какими-либо качествами: *Гарный хлопэць, гарный хлопэць у батька удався, / По-над ярмом, по-над ярмом в конопэль сховався* [Бигдай, Т. 1, с. 252]. *В мэнэ батько такый був, / А я в його вдався* [Захарченко, Вып. 2, с. 454]. Обычно такие реализации встречаются в шуточных песнях, в которых иронично высмеиваются недостатки героя.

Отец, как и мать, выполняет функции защитника своего рода от чужих. Как и мать, он дает разрешение сыну или дочери на брак: *Ой рад бы я тэбэ взять. / Так нэ вылыть батько* [Захарченко, Вып. 1, с. 147] (Приложение 1, табл. 3, №№ 3 – 6).

Отец может наказывать: *Бачить же батько Грыцькову прычину, / Черк зараз Грыця за чесну чупрыну* [Бигдай, Т. 1, с. 288]. Стоит отметить, что в сборниках песен была обнаружена только одна шуточная песня, в которой батько схватил сына за чуб. Отец является для сына наставником. Так, в песне «Конь боевой с походным вьюком» вся семья провожает сына на войну, а отец говорит ему напутственное слово: *Служил твой дед, служил и я, / И твой теперь пришел черед* [Захарченко, Вып. 1, с. 322]. Отец становится хранителем воинских традиций, тем, кто передает их сыну.

Концепт ОТЕЦ вбирает в себя и обобщенное представление о родном доме, семье: *Я с тех пор тебя люблю, / Как гуляли во саду, Во саду ли во*

зеленом / У родителя мого [Бигдай, Т. 2, с. 223]. *Жила б я у батька / Ходыла по воли / Дивчиною молодую* [Захарченко, Вып. 2, с. 239]. Лексемы, номинирующие отца, иногда субстантивно связаны с номинациями матери (*отец-мать, отцу-маменьке, отец-мать*): *Ой накажите отцу-маменьке поклон* [Бигдай, Т. 2, с. 228] *Прощайте, отец-мать, родные, / Ще и родная сторона* [Бигдай, Т. 2, с. 230]. *Жили были отец-мать, / Преужасны богачи* [Бигдай, Т. 2, с. 164].

Часто номинации отца и матери сопрягаются в одном контексте и воплощают обобщенный образ родителей, семьи: *Попэрэду батько й маты всэ плаче-рыда, / Всэ плаче рыда* [Бигдай, Т. 1, с. 229]. (Приложение 1, табл.2, №№ 14 – 17). Отсутствие отца или матери ассоциируется с несчастьем, с обездоленностью: *Ой ныма роду, ны отця, / Ой никому пожалитсья* [Захарченко, Вып. 2, с. 267]. Наличие родителей – обязательный элемент счастливой жизни: *Ой дивчина, ты щаслыва, В тэбэ батько, маты е, / Двир широкий, хата била, А що в хати всэ твое* [Захарченко, Вып. 2, с. 309]. Концепт ОТЕЦ включает в себя семы ‘хорошие условия жизни’, ‘богатство’: *Нэ купуй мини, купуй сам соби. / Е у мэнэ батько, маты, то куплят мини* [Бигдай, Т. 1, с. 176]. *У тебя батя богатый – не позволит меня брать* [Бигдай, Т. 2, с. 163].

Отец добрый и сильный только при наличии матери, без матери он не может сберечь мир своей семьи, он становится слабым и безвольным, особенно когда в доме появляется мачеха. Так, в песне «Ой на що це вивчар блукае» в отсутствии отца мачеха вынудила детей уйти из дома. Печальный отец бродит по улицам, ищет своих детей: *Ой, живы, тату, тэпэр сам, / Ох колы мачухи волю дав* [Захарченко, Вып. 2, с. 176]. Без матери мир детей разрушился: *Ой одын кже: я наймусь, / Ох другый кже: я втоплюсь. / Ой трэтий кже: пиду в лис, / Ох ныхай мэнэ звирь изисть* [Захарченко, Вып. 2, с. 274]. *Живи, батько, як Биг дав, / Колы другу жинку взяв, / А я йиду до гаю, / Буду житы як знаю* [Бигдай, Т. 1, с. 389].

Дополнительные смысловые приращения, входящие в понятийный, образный и ценностный компоненты концепта ОТЕЦ, представлены в таблице 11.

Таблица 11. «Основные концептуальные признаки, составляющие понятийный, образный и ценностный уровни концепта ОТЕЦ»

<p>Понятийный уровень концепта</p>	<p>Признаки, закрепленные в словаре и зафиксированные в контекстах: ‘мужчина, имеющий детей’, ‘духовное лицо мужского пола’, ‘статус казака’, ‘предшествующее поколение, предки’</p> <p>Дополнительные признаки, зафиксированные в контекстах: ‘защитник своего пространства’ (как и мать), ‘создающий богатство’, ‘создающий хорошие условия жизни’, ‘наставник сына’, ‘хранитель служивых традиций’, ‘духовное лицо мужского пола’</p>
<p>Образный уровень концепта</p>	<p>Символ: ‘батько – это семья’, Метафора: ‘батько – свит’.</p>
<p>Ценностный уровень концепта</p>	<p>‘добрый’, ‘свой’, ‘милый’, ‘слабый без матери’, ‘царь – отец’, ‘Дон – отец’, ‘командир – отец’, ‘атаман – батько’.</p>

Таким образом, понятийный уровень концепта ОТЕЦ образуют следующие смыслы: *‘родитель’, ‘тот, на кого похож сын’, ‘защитник своего пространства’, ‘наставник сына’, ‘хранитель воинских традиций’, ‘тот, кто не способен сохранить семью без матери’*. Образный уровень включает символические смыслы *‘отец – это семья’, ‘отец – хорошие условия жизни’, ‘отец – богатство’, ‘отец – счастливая жизнь’,* метафорический смысл *‘отец – свет’*.

Показателем актуальности концепта ОТЕЦ является обозначение важных субъектов в мире службы номинациями отца в походных и исторических песнях казаков: *‘царь – отец’, ‘Дон – отец’, ‘командир – отец’, ‘атаман – батько’*. В песенных контекстах добрый отец противопоставлен злой матери, в таких контекстах отец характеризуется определениями *мылый, добрый, свий*.

3.1.4. Лексико-семантическая экспликация концепта ДЕТИ

Концепт ДЕТИ вербализован следующими номинантами: *диты (30 с/у), диткы, диточки (12 с/у), дытыняткы (4 с/у), дытына (10 с/у), дитя / дитя (6 с/у), дитятко, дитяточко, детина, малютка (11 с/у)*. Номинативная плотность концепта является показателем его актуальности в фольклорной картине мира кубанских казаков. В текстах песен с помощью эпитетов *дрибные, мали, малэнькые, манэнькы*, указывающих на возраст и рост, актуализируется семантический компонент *‘беспомощные существа’*: *Воно ж малэ дитяточко / Нычого нэ знае. / Малынькыми рученькамы / Пазуху шукае* [Захарченко, Вып. 2, с. 411]. *Сам пойихав, мэнэ бросыв, ой, / Ще й малютку на руках* [Захарченко, Вып. 2, с. 237]. Внебрачный ребенок – это позор для девушки и семьи. В песне «Кохайтыся, чорни бровы» родители выгнали свою дочь с малым ребенком из дома и запретили называть себя родителями. Существует ряд песен (например, «Гыля, гыля сири гусы додому»), в которых рассказывается о том, как девушка, пытаясь избавиться от позора, утопила своего внебрачного ребенка. Трудно прокормить своих детей и одинокой вдове: *Диты ж мои диты, горэ мэни з вами, / Ой що ж я нэ маю хозяина над вами* [Бигдай, Т. 1, с. 230]. Молодой женщине, только что вышедшей замуж, также трудно воспитывать детей, поскольку ей приходится вдобавок выполнять много работы по дому: *Правой ручкой я дытыну держала, / А левой ручкой та й волив поганяла* [Захарченко, Вып. 2, с. 257] (Приложение 1, табл.4, №№ 5 – 7).

Взрослые дети становятся причиной большего горя: *Мали диты, – та й мале лыхо, / А побильшають, та й погиршають* [Концевич, с. 383].

Тем не менее, дети и жена – это те близкие для казака люди, о ком он думает и по кому он скучает на службе (Приложение 1, табл.5, №№ 6 – 9, 14).

Дополнительные смысловые приращения, входящие в понятийный, образный и ценностный компоненты концепта ДЕТИ, представлены в таблице 12.

Таблица 12. «Основные концептуальные признаки, составляющие понятийный, образный и ценностный уровни концепта ДЕТИ»

Понятийный уровень концепта	Признаки, закрепленные в словаре и зафиксированные в контекстах: сыновья и дочери
	Дополнительные признаки, зафиксированные в контекстах: 'маленькие', 'беспомощные', 'требующие заботы' 'те, по кому тоскует казак на службе', 'настоящий сын кормит родителей в старости' 'настоящая дочь понимает мать'
Образный уровень концепта	Метафорические признаки 'дети – соколята' 'сыны – орлы' Символы: 'замужняя дочь – сорванный цветок розы' 'замужняя дочь – кукушка' 'замужняя дочь – пташка'
Ценностный уровень концепта	'неспокойные', 'приносящие горе, трудности', 'ограничивающие свободу' 'незаконнорожденные дети – позор' 'дочь после замужества – чужая детина' 'сын всегда свой'

Таким образом, концепт ДЕТИ включает в себя дополнительные признаки на понятийном уровне: *'маленькие', 'беспомощные', 'незнающие', 'требующие заботы', 'неспокойные', 'приносящие горе, трудности', 'ограничивающие свободу матери'*. Образный компонент включает метафорическое сопоставление *сыны – орлы*. Дочь символически

сопоставляется с зозулей, пташкой, сорванным цветком. Сын всегда *свой*, дочь же теряет статус *своей* и становится *чужой дытыной*.

3.1.5. Лексико-семантическая экспликация концептов

МУЖ и ЖЕНА

Концепты МУЖ и ЖЕНА в текстах песен эксплицированы парно, они составляют единый семантический комплекс, один из компонентов которого может реализоваться имплицитно. Концепт МУЖ вербализован лексемами *муж* (21 с/у), *чоловик* (13 с/у), *мужик* (1 с/у), синтагмой *мий мылый* (8 с/у), ключевым словом-названием является лексема *муж*. Концепт *жена* представлен вербальными экспликаторами *жинка* (79 с/у), *жена* (15 с/у), *жиночка* (26 с/у), *дружина* (9 с/у), *молодка* (4 с/у), *баба* (2 с/у), синтагмой *сэрдэнько мое* (7 с/у), субстантивной формой *мылая* (6 с/у). Ключевой лексемой, именующей концепт в фольклорной картине мира кубанских казаков, является лексема *жинка*. Лексемы, номинирующие жену, обладают более высоким индексом частотности.

Для казака очень важно было найти себе хорошую, верную, работающую жену, поэтому если дочь умоляет родителей не выдавать ее замуж рано или выдать только за любимого, то сын нередко просит родителей просто оженить его: *Став я пидростаты, став батька просыты, / Щоб взяв мэнэ батько зараз оженыв* [Бигдай, Т. 1, с. 311] (Приложение 1, табл. 5, №№ 1 – 5). Так, в песне «Ой, пора тобі, маты» сын обращается с просьбой о возможности жениться: *Ой, пора тобі, маты, та сына женыты, / Ой, прыйдэ ничка та тэмнэсэнька, ни с кым говорыты* [Бигдай, Т. 1, с. 213], в данном контексте актуализируется семантический компонент ‘*одинокость неженатого сына*’. В песне «Под калиною, под малиною» реализуется сема ‘*беспомощность неженатого сына*’, который хочет жениться: *Есть у меня мамушка, она старешенька. / А сестрица есть / Молодешенька ...* [Бигдай, Т. 2, с. 333]. В ряде контекстов казак унывает от того, что не может найти себе *пару*, а

любимая жена ассоциируется у него со счастливой долей: *По сыньому морю / Рыба-щука грае, / А козак молодэнькый / Парочки шукае* [Захарченко, Вып. 2, с. 312].

Ценность жены, реализованная в сравнении с барыней, проявляется и в песне «Чего садик призывал», в которой казака берут в острог, его жена плачет, а он обращается к ней с просьбой о помощи: *Жена – барыня моя, / выручай меня, милая, / Выручай меня, милая / Из острога поскорей* [Бигдай, Т. 2, с. 178]. Ранее нами приводился пример песни («Ой, и знал бы же я знал»), в которой казак просил в подобной ситуации о помощи свою мать [Бигдай, Т. 2, с. 234]. В нескольких контекстах казак обращается к любимой девушке и просит ее относиться к нему как мать. В песне «Тэче ричка-невэлычка» парень, обращаясь за советом к девушке, сравнивает ее с родной матерью, основанием сравнения является правдивый совет, который может дать только любящая мать: *Порадь мэнэ, дивчинонька, / Як ридная маты. / А чи мини женытыся, А чи тэбэ ждаты* [Бигдай, Т. 1, с. 107]. Проявление заботы во время приготовления ужина также стало основанием для сравнения любимой девушки с матерью: *Ой, дивчино, ты ж моя маты, / Дай мини вечеряты хоть сэрд хаты* [Бигдай, Т. 1, с. 290]. Таким образом, для мужчины примером заботы и любви является мать, и он желает, чтобы возлюбленная / жена относилась к нему так же, а концепт ЖЕНА вбирает в себя когнитивный признак *‘та, кто любит как мать’*.

Образ жены, как правило, присутствует в песнях о проводках казака на войну или в сюжетах, где родные получают весть о гибели воина. *Жинка выйдэ – россидлае, / Матэ выйдэ – роспытае* [Захарченко, Вып. 2, с. 195]. Ценность жены репрезентируется и в военно-походных текстах, в которых отразились мотивы тоски казака по дому и семье: *Всегда по семье я тоскую, / Одна грусть в душе у меня / Что дома жена, малы детки, / У них ни кола, ни двора* [Захарченко, Вып. 1, с. 51]. *Они (казаки) идут, оглянутся / Да слезою зальются. / Остались наши жены, / Ой да, все жены молодые. / Остались наши дети. / Ой да, все, ой да все малые* [Захарченко, Вып. 1, с. 45]

(Приложение 1, табл. 5, №№ 6 – 14). В таких контекстах концепт *жена* имплицитно несет смыслы 'та, кто находится далеко', 'та, по кому скучает и тоскует казак'.

Жена для казака становится важнейшим элементом его жизни, поэтому в текстах с помощью прилагательных в превосходной степени (*мылища*, *риднища*) подчеркивается более высокая ценность жены по сравнению с родителями, поскольку взрослый сын с родителями часто конфликтует, а с женой его отношения гармоничны: *Батько мылый, маты мыла, дружина мылища. / Зийдусь з батьком, зийдусь з нэнькой, гриха набэруся, / А з дружиною зийдуся – та й нэ надывлюся* [Бигдай, Т. 1, с. 172] (Приложение 1, табл. 5, № 16).

В песне «Ой комыщ та бирьоза» *молодая жинка* оценивается выше коня вороного: *Ой коньку вороний / Та я ж тэбэ продам. / Та за мэд, за горылку. / Та й за молодую жинку* [Захарченко, Вып. 2, с. 336]. В песне «Калына-малына, чом ты ны вродыла» казак на чужбине влюбляется в девушку, но даже ее не предпочитает своей жене: *Есть у мэнэ жинка, / Ще й малийи диты. / Рад бы я, ой, сэрцэ мое, / Та до йих полытыти* [Захарченко, Вып. 2, с. 273].

В песне с похожим сюжетом «Як пиду в содочок» казак уговаривает девушку стать его возлюбленной, но не смог удержаться и рассказал о том, что у него есть жена: *Есть у мэнэ жинка / Ще и диточок двое, / Чорняви обое* [Захарченко, Вып. 2, с. 287].

В песне «Ой, орэ Сэмэн, орэ» жена изменяет мужу, убегает из дома и бросает его с детьми. Интересно, что герой песни не разозлился, а сильно опечалился о том, что его бросила любимая женщина: *Ой, ударыв Сэмэнко / Об стил головою. / Жинко моя Катэрыно, / Нэ наживсь с тобою* [Захарченко, Вып. 2, с. 376].

Любящий муж может простить жене и пропитую корову: *Мылый мылу цилуе – коровыцю даруе: «Пый мыла, здорова, будэ друга корова»* [Бигдай, Т. 1, с. 323]. В песне «Росцвилася рожа вкрай викна» муж пытается вернуть домой обиженную жену: *Ой вырныся, жинко, до дому. / Мали диты плачуть,*

воны йисты хочуть, / Ой лыхо жить одному [Захарченко, Вып. 2, с. 433]. В данной песне актуализируется признак *‘беспомощность мужа дома без жены’*. В другой группе контекстов реализуется дополнительное значение *‘муж жалеет жену’* (Приложение 1, табл. 5, №№ 27, 28).

Таким образом, концепт ЖЕНА в семантическом пространстве лирических песен включает в себя значение *‘играющая важную роль в жизни мужа’* (не менее 20 контекстов). Хорошая жена для казака – это его честь и престиж: *Ой, у того ж козака жинка гарна, молода, / З хаты вийшла, коня взяла, честь йому на провид* [Бигдай, Т. 1, с. 58] (Приложение 1, табл. 5, № 22). А плохая жена – испорченная жизнь казака, несчастье, плохая доля: *Ой выдно, выдно, хто й ожинився: Скорчився, зморшився, ще й зажурився* [Захарченко, Вып. 2, с. 501]. *Доленька моя / Разбессчастливая: Прихожу домой – Жена не любит. / Недоростком зовет, Недоросточком* [Бигдай, Т. 2, с. 245].

В текстах песен лексемы, номинирующие жену, сочетаются с оценочными эпитетами *молодая, гарная, хорошая, бедная, богатая, верная, она любка*, а также *ревнивая, чужая*. Номинации мужа характеризуются такими определениями, как *добрый, хороший, ревнивый, законный, старый, постылый, брыдкий* (противный), а также характеризующим существительным *нелюб*.

Фольклорный концепт ЖЕНА включает в себя как позитивные, так и негативные характеристики. В этих контекстах реализуется оппозиция *хорошая жена / плохая жена*, причем хорошая жена зачастую – это *чужая жена*, а плохая – *своя*. Стоит учитывать жанр песен, в которых вербализованы данные когнитивные признаки концепта ЖЕНА. В юмористических и лирических контекстах, как правило, изображается ненормативное поведение. Противопоставление своей и чужой жены актуализируется в двух сюжетных линиях, в первой группе песен муж любит чужую жену, а свою ненавидит: Например, в песне «На горوشке на крутой» мелиоративные характеристики чужой жены противопоставлены пейоративным характеристикам своей жены: *Чужемужняя жена – / Лебедушка белая. / А моя шельма жена – польнь*

горькая трава. / Как чужая жена идет, / Слово павушка плывет / А моя жена идет, / Как лягушка ползет [Бигдай, Т. 2, с. 292]. Зооморфные метафорические образы лебеди и лягушки представляют антагонистичные характеристики красивой, любимой и желанной *чужемужней жены* и уродливой, неприятной, как горькая трава, своей супруги. В данных контекстах бинарная оппозиция *свое / чужое* проявляется не совсем традиционно, поскольку *свое* считается плохим, а *чужое* – хорошим и привлекательным. Впрочем, действия *чужой жены* ассоциируются с поведением нечистой силы, что актуализируется глагольными метафорами *высушила, вызнобила, присушила*, а также глаголом со значением насильственных действий *заставила: меня всего засушила, сердце вызнобила, напустила сухоту, присушила черны кудри, заставила меня ходить по чужой стороне, заставила меня любить чужемужнюю жену*. Примечательно, что данная песня относится к циклу песен линейных казаков, в которых у молодца обычно русые кудри. Здесь же герой обладает черными кудрями, а соблазнительница имеет черную ленту в косе. Черный цвет в данном контексте объединяет молодых людей, преступивших законы своего общественного окружения. В конце песни соблазнительница получает наказание: *Отрезали Гане косу, со черною лентою*. Таким образом, главный герой находится под чарами и не может воспринимать свою жену адекватно. В этом основной смысл песни, она предупреждает о том, что измена разрушает жизнь тех, кто нарушает законы общества. В ряде песен соблазнительница заставляла героя убить свою жену. Так, песня «Горыть, горыть сыри дрова» заканчивается словами, которые произнесла из могилы погибшая от рук мужа женщина: *Ой ны я йих (детей) сыротила, / Сыротылы люды. / Сыротылы ты дивчата, / Шо жонатых люблят* [Захарченко, Вып. 2, с. 212]. В данном контексте убийство жены является метафорическим осмыслением измены как разрушения семьи.

Во второй группе песен жена недостойно себя ведет, и муж укоряет ее, сравнивая с другими женщинами. В этих контекстах также *чужое* является

более привлекательным, нежели *свое* [Бигдай, Т. 1, с. 277]. Так, в песне «У сусида у Ивана» соседка – *жинка гарна*. Как заметила В.И. Еремина, основным принципом народной лирической песни является «максимальная конкретизация оценочного определения» [Еремина, 1974, с. 63].

Понятие *жинка гарна* включает в себя следующие приращенные смыслы: *та, кто рано встает, та, у кого порядок в доме, та, кто чисто, опрятно одета, та, кто вкусно и много готовит, та, кто ласкова к мужу*. Плохая жена – медлительная, ленивая, она много спит, не готовит, ничего не умеет делать, не любит своего мужа, ругает его, опасна для него: *Пишла баба на базарь, хаты нэ топыла / И своему мылэнькому йисты нэ зварыла*. Такие песни часто заканчиваются сентенцией о том, что лучше вообще не жениться: *Нащо мини женытыся, нащо мини жинка, / Е у мого сусидонька хорошая дивка* [Бигдай, Т. 1, с. 324]. Таким образом, в концепт ЖЕНА входит приращенное значение ‘*бесполезность плохой жены*’. Плохая и хорошая жена могут оцениваться на основании бедности и богатства девушки, стремящейся выйти замуж, при этом богатая девушка – плохая жена, а бедная – хорошая: *А богата распроклята / Будэ мужа прокlynать. / А бидная горэ знае, / Будэ мужа шанувать* [Захарченко, Вып. 2, с. 386] (Приложение 1, табл. 5, №№ 37 – 40).

Обобщая, выделим дополнительные понятийные признаки концепта ЖЕНА, отразившиеся в контексте лирических песен: ‘*та, кто относится к мужу как мать*’, ‘*та, кто занимается домашним хозяйством*’, ‘*та, кто находится далеко*’, ‘*та, кто зависит от мужа*’, ‘*честь и престиж мужа*’, ‘*та, по кому тоскует казак на службе*’.

Образный уровень концепта ЖЕНА включает в себя редко проявляющиеся визуальные признаки: чернобровая, белые небольшие ножки в желтых черевичках, босые ножки без черевичек, правая ручка (на которой лежит муж), простоволосая, пьяная, потерявшая шлычку (головной убор): *Ой вы, сусиды, добрыйи люды, / Хто шлычку найдэ, могорыч будэ. / Кварту горилкы, ще й мишок проса / Бо сыдыть жинка простоволоса* [Бигдай, Т. 1,

с. 335]. Потеря головного убора (обычно венка) девушкой в лирических песнях является символом нецеломудрия, а для женщины потеря головного убора символизирует ненормативное, асоциальное поведение.

В песне «По над лугом, лугом» красивый чернобровый муж противопоставлен рыжей некрасивой жене: *Гей, якыйсь тоби дуракъ вынний, / Що ты вдався чорнобрывий; / Гей, а я руда удалася, / Чорнявому досталася* [Концевич, с. 389]. Из примера следует, что рыжий цвет волос воспринимался как нестандартный, а значит, не соотносился с нормой, был признаком чужести.

Нижкы (ножки) – важный элемент описания жены, они могли быть босыми (отсутствие внимания мужа), поджатыми (ленивая и наглая жена) или белыми, маленькими, обутыми в красивые черевички (аккуратная жена, хорошая хозяйка): (Приложение 1, табл. 5, №№ 45 – 47). Ножками жена притоптала могилу старого, нелюбимого мужа: *Засыпала, закопала, ниженькамы прытоптала. / Ниженькамы туп-туп, лэжи, старый, тут-тут* [Бигдай, Т. 1, с. 301]. Строптивая, избалованная жена дрыгает ногой: *Лягла середь долу, дрыгае ногою* [Концевич, с. 310].

Покупка *черэвычек* символизирует любовь мужчины к женщине и мужа к жене: *Я ж просыла у тэбэ: купы черэвычкы, / А ты ж мини отказав: ничкы нэ вэлычкы* [Бигдай, Т. 1, с. 319] (Приложение 1, табл. 5, №№ 47, 50 – 53).

Метафорические признаки дополняют визуальный образ жены: ‘жена – вишенка, черешенка’, ‘жена – голубка’, ‘жена – мед с калачом’, ‘жена – барыня моя’: (Приложение 1, табл. 5, №№ 54 – 56). Иногда образ «сладкой» и красивой жены эксплицирует негативную оценку, так как она неверная. Также в образный компонент входят метафорические смыслы: ‘своя жена – лягушка, ‘своя жена – полынь горькая’, ‘чужая жена – лебедушка белая’, ‘чужая жена – пава’.

Ценностный уровень концепта включает в себя смыслы ‘жена важнее родителей’, ‘жена важнее коня’, а также характеристики хорошей и плохой жены. Хорошая жена: ‘молодая’, ‘гарная’, ‘хорошая’, ‘верная’, ‘любка’,

‘важнее родителей’, ‘важнее коня’, ‘та, кто рано встает’, ‘та, у кого порядок в доме’, ‘та, кто чисто, опрятно одета’, ‘та, кто вкусно и много готовит’, ‘та, кто ласкова к мужу’, ‘чужая жена – хорошая жена’. Плохая жена: ‘ревнивая’, ‘невмываха’, ‘несчастье’, ‘испорченная жизнь’, ‘бесполезна’, ‘та, кто много спит’, ‘та, кто не готовит’, ‘та, кто ничего не умеет делать’, ‘та, кто не любит своего мужа’, ‘та, кто ругает мужа’.

Актуальность концепта ЖЕНА также проявляется в большом количестве вербальных экспликаторов и в том, что номинации жены становятся образом сравнения в метафорах: в военных песнях с женой сопоставляются пуля и винтовка (Приложение 1, табл. 8, №№ 106 – 109).

Дополнительные смысловые приращения, входящие в понятийный, образный и ценностный компоненты концепта ЖЕНА, представлены в таблице 13.

Таблица 13. «Основные концептуальные признаки, составляющие понятийный, образный и ценностный уровни концепта ЖЕНА»

Понятийный компонент концепта	Признаки, закрепленные в словаре и зафиксированные в контекстах: ‘супруга’
	Дополнительные признаки, зафиксированные в контекстах: ‘та, кто относится к мужу как мать’, ‘та, кто занимается домашним хозяйством’ ‘та, кто находится далеко’, ‘та, кто зависит от мужа’ ‘честь и престиж мужа’, ‘та, по кому тоскует казак на службе’
Образный компонент концепта	Перцептивные признаки Соматические компоненты: волосы (2 с/у): <i>простоволоса, рудая</i> (рыжая), брови (3 с/у): <i>чорнобрыва</i> ноги (5 с/у): <i>нижкы пидибравиши, нижкы били нэвэлычкы</i> возраст (4 с/у): <i>старая бабушка, малая</i> ; атрибут: обувь (4 с/у): <i>черевички, чоботы</i>
	Метафорические признаки: ‘своя жена – лягушка, ‘своя жена – полынь горькая’, ‘чужая жена – лебедушка белая’, ‘чужая жена – пава’ ‘жена – голубка’ ‘жена – барыня моя’ ‘жена – мед с калачом’ ‘жена – любка’

	‘жена – вишенка, черешенка’
Ценностный компонент концепта	<p>Хорошая жена: ‘молодая’, ‘гарная’, ‘хорошая’, ‘верная’, ‘любка’, ‘работуха’, ‘говоруха’, ‘важнее родителей’, ‘важнее коня’, ‘та, кто рано встает’, ‘та, у кого порядок в доме’, ‘та, кто чисто, опрятно одета’, ‘та, кто вкусно и много готовит’, ‘та, кто ласкова к мужу’, ‘чужая жена – хорошая жена’, ‘бедная девушка – хорошая жена’.</p> <p>Плохая жена: ‘ревнивая’, ‘невмываха’, ‘несчастье’, ‘испорченная жизнь’, ‘бесполезна’, ‘та, кто много спит’, ‘та, кто не готовит’, ‘та, кто ничего не умеет делать’, ‘та, кто не любит своего мужа’, ‘та, кто ругает мужа’, ‘своя жена – плохая жена’, ‘богатая девушка – плохая жена’, ‘пуля свинцовая – жена’, ‘винтовочка – жена’</p>

Хороший муж для жены является ценностью. Так, в шуточной песне «Ой там на товчку на базари» жена решила продать своего мужа, но, когда налетели покупатели, она передумала: *А мий мылый чорнобрывий / До роботы ны лынывий. / Ой вин мини пригодиться, / Ой вин мини знадобыться* [Захарченко, Вып. 2, с. 487]. В песне «Ой, зима, зима, зима лютая» жена тоскует по своему мужу: *Ой зима, зима, зима лютая / Нэ зморозь мэнэ, / Ой, нэ так мэнэ, як мужа мого*. Она не находит себе места без него: *Ой, горэ мини бэз мужа мого* [Бигдай, Т. 1, с. 209]. Идеальный муж в воображении девушки не пьет, не курит, не изменяет, слушает только жену: *Щоб горилкы нэ пыв, табаку нэ нюхав, / Чужих жсинок нэ любыв, мэнэ тилько слухав* [Бигдай, Т. 1, с. 320]. Хороший муж – это счастье для женщины: *За хорошим мужом / Жинка молодие. / А за нэ добрым мужом / З лыченька марние* [Захарченко, Вып. 2, с. 244]. Здесь эксплицируется смысл ‘зависимость жены от мужа’. В песне «Ой, спасыби Богу, що чоловик добрый» жена благодарит Бога за хорошего

мужа, который ее не бьет, не ругает, заботится о ней, сам работает, а ей разрешает гулять с родней: *вин мэнэ за голубку мае* [Бигдай, Т. 1, с. 114]. Данная песня расположена в разделе шуточных фольклорных произведений, поэтому благодарность за хорошего мужа и описание его добродетелей скорее является иронией.

Примечательно, что женщина никогда не сравнивает своего, даже плохого, мужа с чужими мужьями. Плохой муж всегда для женщины *свой*. Номинации *чужой муж* как объект любви в дискурсе женских песен не существует. Если женщина изменяет мужу, то с кумом, с милым, с дружкой, с казаком и т. д. В военных песнях *чужие мужья* приносят вдове весть о смерти ее супруга, это сотоварищи погибшего казака.

Даже плохой муж необходим женщине. Так, в песне «Розцвیتالася червона калына» дочь жалуется матери на горькую судьбу, когда же мать желает смерти своему зятю-пьянице, дочь защищает мужа: *Ой, нэ лай ты його, моя матинко, / Та пьяныцю мого. / Е у мэнэ диточки дрибнэньки. / Бо як умрэ гиркый пьяныця, / Горэ будэ бэз його* [Бигдай, Т. 1, с. 196]. Примечательно употребление притяжательного местоимения *мой*, сочетающегося с пейоративно окрашенным существительным *пьяныця*. Плохой муж тоже *свой*. В песне «Ой, зима, зима, зима лютая» жена, убившая мужа, жалеет о содеянном: *Ой горе, горе / С таким мужем жить, / А еще горчей, / Как такого нет* [Бигдай, Т. 2, с. 245]. В шуточной песне «Побрыду, побрыду» жена привязала нелюбимого мужа *до кола* и хотела побить, но, пока искала хворостину, передумала: *Хворостину нашла, пэрэсэрдылася / А до свого мыльнького змылосердылася* [Захарченко, Вып. 2, с. 472]. В песне «Ой, у поли озэрэчко» *молодэнькый козак* вызывает на улицу возлюбленную, но она отказывается выходить: *Лэжить мий мыльый / На правой ручки / Боюсь його й разбудыты* [Захарченко, Вып. 2, с. 270]. *Правая ручка* ассоциируется с правой стороной, за которой стоит Ангел, таким образом актуализируется смысл 'законность мужа'. Козак предлагает убить мужа, но женщина не разрешает: *Йизжай ты скорыще з двора, / Ты нэ мий, а я нэ твоя. / Хоч ударэи / Та нэ*

влучиш, / Тилько жизнь нашу розлучиш. Тогда казак решает утопиться. Примечательно, что в песнях с противопоставлением *муж – казак* лексема *казак* эксплицирует сему ‘свободный, неженатый’. В песне с похожим сюжетом «Из-за лесу дорожка бежала» лексема *муж* имеет эпитет *законный*: *Законный муж дома, / Лежит он со мною* [Бигдай, Т. 2, с. 189]. В конце песни героиня восклицает: *Кого я любила – того я убила, / Кого не любила – того й не убила* [Захарченко, Вып. 2, с. 189]. То есть женщина отдает предпочтение законному нелюбимому мужу, тем самым убивая незаконного возлюбленного. В данных контекстах актуализируется символический смысл ‘незаконная любовь убивает’, а также семантический компонент ‘неразрывность связи между мужем и женой’. Тем не менее нелюбимый муж получает в песнях пейоративные оценочные характеристики *немилой, постылой, нелюб*.

Нередки песенные контексты, в которых муж бьет свою жену: *Мой миленький, сердитенький, / Рассердился на меня, / Рассердился, разгневался, / Хотел меня побить* [Бигдай, Т. 2, с. 340]. *Я ж думала, шо мий мылый спить, нэ чуе, / А ж вин на мэнэ вже нагаичку готуе* [Бигдай, Т. 2, с. 385].

Такие песни встречаются как у линейных казаков, так и у черноморских. В лирических песнях обычно злой муж бьет невинную жену: *Ничого нэ робе, тилько водку пье. / Як прыйдэ до дому мэнэ бье* [Захарченко, Вып. 2, с. 433]. В шуточных песнях жена получает наказание за плохое поведение (за то, что она много гуляет, пьет). В таких песнях глагол *бить* становится синонимом глаголам *учить, научить*: *Да чаму ты бьешь, чаму учишь? Чаму учишь, навчаешь?* [Бигдай, Т. 2, с. 300].

В песнях черноморских казаков муж бьет нагайкой, а в песнях линейных казаков – шелковой плетью (Приложение 1, табл. 6, №№ 21, 24, 25).

Негативное, некооперативное поведение мужа и жены примерно соотносится (Приложение 1, табл. 9). Жена обладает теми же недостатками, что и муж. Муж и жена, даже если не любят друг друга, являются единым целым: *Якый бис чоловік, така й його жинка, / Навмочила штаны в рици та ще з понэдылка* [Бигдай, Т. 1, с. 301]. Жена копирует поведение мужа, но ее

асоциальное поведение становится большим злом, чем поведение мужа: *Чоловик пропыв кырпычину, Жинка – хату, ще й дытыну* [Захарченко, Вып. 2, с. 465].

Дополнительные смысловые приращения, входящие в понятийный, образный и ценностный уровни концепта МУЖ, представлены в таблице 14.

Таблица 14. «Основные концептуальные признаки, составляющие понятийный, образный и ценностный уровни концепта МУЖ»

Понятийный уровень концепта	Признаки, закрепленные в словаре и зафиксированные в контекстах: 'супруг'
	Дополнительные признаки, зафиксированные в контекстах: 'законный', 'тот, кто наказывает жену', 'тот, кто ограничивает свободу жены', 'тот, кто любит жену', 'тот, кто беспомощен без жены в быту', 'тот, кто жалеет жену'
Образный уровень концепта	Перцептивные признаки соматизмы: усы, борода, черные брови, круглое лицо, рудый = рыжий, рост: невысокий, недоросток, походка: ходит как дед, как нищий, возраст: старый, вещи: нагайка, плеть, муж пашет в поле, муж пьет горилку.
	Метафорический признак: 'муж – борзый кобелек'
Ценностный уровень концепта	'тот, кто необходим жене', Хороший муж: 'добрый', 'хороший', 'нестарый', 'неленивый' 'не пьет', 'не курит' 'не нюхает табак' 'не изменяет' 'слушает только жену' 'это счастье'. Плохой муж: 'тоже ценность' 'ревнивый', 'старый', 'постылый', 'нелюб', 'немилый', 'недоросток'

Таким образом, концепт МУЖ включает в себя смыслы: 'законный', 'тот, кто наказывает жену', 'тот, кто ограничивает ее свободу', 'тот, кто любит жену'.

В образный компонент входит визуальное представление о нелюбимом муже: маленький рост, круглое лицо, некрасивые усы или борода, походка как у старика или бедняка, нюхает табак. *Нэ вэлыкый круглолыкый, вусы як щетына ... Ходыть дидом, харпаком и табаку нюха* [Бигдай, Т. 1, с. 276].

Любимый, красивый муж обладает основным показателем красоты в кубанских песнях – черными бровями: *Якый тоби дурэнь вынэн, / Шо ты вдався чорнобрывий, / А я руда родылася, / Чорнявому судылася* [Бигдай, Т. 1, с. 339]. Муж тоже может быть рыжим, это качество негативно характеризует супруга: *За рудого отдала, така доля моя! Ненько моя мыла, / Що ты мени наробыла!* [Концевич, с. 391]. Муж в песенных контекстах нередко бьет жену, поэтому основным предметом, который он держит в руках, является нагайка или плеть. Иногда женатый казак изображен работающим в поле, обычно он пашет землю: *Пийшов козак з хаты / У поле й ораты. А я соби молодэнька. Пиду погуляты* [Захарченко, Вып. 2, с. 431]. В таких контекстах употребление лексемы *казак* вместо номинаций мужа воплощает образ несчастного мужа, которого не любит жена, выше уже отмечалось, что плуг в руках казака является метафорой неволи и недоли (см. с. 107).

Перцептивные признаки дополняют метафорическое сравнение 'муж – борзый кобелек', основанием сравнения является способность мужа быть неверным своей жене: *Ох ты ж, муж да муженек, / Да ты борзый кобелек* [Захарченко, Вып. 1, с. 159].

Ценностный компонент включает представления о плохом и хорошем муже. Хороший муж: 'добрый', 'хороший', 'нестарый', 'неленивый', 'не пьет', 'не курит', 'не нюхает табак', 'не изменяет', 'слушает только жену', 'это счастье'. Плохой муж: 'тоже ценность', 'ревнивый', 'старый', 'постылый', 'нелюб', 'немилый', 'недоросток'. Интересно, что оценочные характеристики выражены зачастую прилагательными с приставкой «не».

Оценивая мужа, жена старается избегать крайних негативных и позитивных характеристик, выбирая промежуточную степень качества (молодой – **нестарый** – немолодой – старый). Ценностный уровень концепта включает также смыслы: *‘тот, кто необходим жене’, ‘тот, от кого зависит жена’*.

Понятия МУЖ и ЖЕНА неразделимы, они составляют один концепт, который вбирает в себя признаки *‘неразделимая связь супругов’, ‘единое целое’*.

3.2. Лексико-семантическая экспликация компаративного концепта СВОЙ МИР в текстах исторических и военно-бытовых песен казаков

Историческая песня, пришедшая на смену былинному эпосу, начинает «мощно развиваться» с XVI века. По мнению В.Я. Проппа, она «дала народную оценку деятельности Ивана IV, выразила мнение и голос народа в эпоху польско-шведской интервенции, звала к бунту в период крестьянских войн Степана Разина, выражала народную поддержку Петру в его войне со шведами» [Пропп, 1999, с. 370]. Особенность исторической песни заключается в том, что она описывает частное отдельное событие. В отличие от эпоса в ней уже нет «элементов фантастики и гиперболизма» и в ней сражаются не в одиночку, а целые армии под предводительством своих командиров, «композиционно историческая песня более разнообразна и гибка, чем былина». Примечательно то, что она создается самими воинами, участниками событий и «неотделима от песни солдатской» [Пропп, 1999, с. 371]. В то же время от лирической песни она унаследовала ее эмоциональную насыщенность, музыкальность, разнообразие форм» [Пропп, 1963, с. 80], поскольку «художественная образность лирических песен легко и свободно проникает в исторические песни в виде запевов, сравнений, параллелизма, символики, эпитетов» [Торопова, 1980, с. 43]. Как отметила А.П. Евгеньева, в разных регионах России по-разному развивается этот

фольклорный жанр: «на севере – господство былины с включением в нее (или теснейшим примыканием к ней) исторической песни, на юге – господство исторической песни, приобретшей своеобразный лирико-героический характер, с включением в нее былины, переработанной в соответствии с нормами исторической песни» [Евгеньева, 1963, с. 82].

3.2.1. Лексико-семантическая экспликация концепта КАЗАК в текстах исторических и военно-бытовых песен черноморских казаков

Казачество сыграло важную роль в формировании России как большого и сильного государства. Именно казаки позволили России закрепиться на юге и раздвинуть свои пределы далеко на восток. Кубанское казачество сформировалось в XIX веке на основе двух культурных традиций: украинской и русской, носителями которых были черноморские и линейные казаки. Черноморское казачье войско, как отмечает историк Б.Е. Фролов, было сформировано в ходе русско-турецкой войны 1787-1791 годов. «По распоряжению князя Г.А. Потемкина от 20 августа 1787 г. начался сбор волонтерных команд из казаков, служивших в бывшей Запорожской Сечи» [Фролов].

Запорожские казаки появились в XVI веке и постепенно создали мощную военную организацию. Запорожцы жили за счет добычи с поля боя, им не разрешалось иметь семью, они всегда стремились к независимости и воевали против всех, кто пытался их подчинить. Запорожская Сечь была плацдармом для народных выступлений. «С конца XVI в. запорожцы принимали участие во всех крупных народных крестьянско-казацких восстаниях» [Большая российская энциклопедия]. Казаки имели стычки с турками, татарами, организовывали восстания в Речи Посполитой и бунтовали против российской власти. Екатериной II было принято решение расформировать непокорную Запорожскую Сечь, вследствие чего часть казаков перешла под покровительство Турции, а часть осталась на территории

России. Черноморское казачье войско было сформировано из Запорожских казаков, оставшихся в России, и участвовало в Русско-турецкой войне 1787 – 1792 годов, которая благодаря их существенному вкладу окончилась победой для России. После заключения мира казакам были предоставлены земли, полученные в результате войны, — вдоль побережья Чёрного моря между реками Днестр и Буг. В 1792 году Черноморским казакам были пожалованы земли на Тамани и Кубани «в вечное и потомственное владение». Высочайшая грамота, подписанная царицей, определяла главную военную задачу черноморских казаков: «Войску Черноморскому предлежит бдение и стража пограничная от набегов народов закубанских» [Фролов].

История возникновения черноморского казачества позволяет предполагать в мировидении казаков особенное представление о *своем* и *чужом* пространстве, так как они являются переселенцами, теми, кто неоднократно менял место проживания. Более того, как и другие казаки, черноморцы неразрывно связаны с понятием *граница*, *окраина*, они находились в непосредственной близости к врагу, к чужой земле, что также не могло не отразиться в их картине мира.

Главный субъект песен, с точки зрения которого описывается действительность в исторических и военно-бытовых песнях черноморцев, – казак. В текстах исторических и походных песен концепт КАЗАК вербализован различными экспликаторами: лексемой *козак* в 65 контекстах употребления, лексемами *отаман* (13 с/у), *запорижци* (11 с/у), *козаченько/и* (15 с/у), *чорноморци* (9 с/у), *гетман* (7 с/у), *козачество* (2 с/у), *хлопци* (9 с/у), *козарлюга* (1 с/у), *кубанци* (3 с/у), словосочетанием *вийсько запорижскэ* (3 с/у), перефразой *сыны доброй воли* (1 с/у), личными местоимениями *мы* (7 с/у), *я* (4 с/у), топонимом *Кубань* (2 с/у), употребляемым в собирательном значении «все казаки»: *Рябоволого й нымае / Кубань туже ще й рыдае* [Захарченко, Вып. 2, с. 91]. Поскольку контекстом в данной работе считается часть текста, достаточная для семантической реализации слова, то в одной песне возможно выделение нескольких разных контекстов.

Примечательно, что лексемы-номинации концепта КАЗАК, как правило, не имеют в рассматриваемых текстах разнообразных эпитетов, постоянными художественными определениями к слову *казак* здесь выступают прилагательные *молодой, молодэнькый*. Эти определения традиционно в фольклоре обозначают нормативную, а значит положительную оценку субъекта, «так как фольклорное слово не только строит свой мир, но и оценивает его, что обуславливает наличие в семантической структуре фольклорного слова особой оценочной компоненты», с которой слово становится «своеобразным артиклем» положительной или отрицательной оценки [Хроленко, 1979, с. 153]. Такую же аксиологическую нагрузку несет и словосочетание *славни запорожци*. Именования казаков могут распространяться и притяжательным местоимением *наши (наши славни запорожци, наши козаченькы)*, что, с одной стороны, является маркером *своего*, а с другой – свидетельствует о существовании противоположного полюса – сферы *чужого*.

Субъектные глагольные связи лексем-номинаций в собранном материале составляют около 156 контекстов. Субъект характеризуется значительным количеством глаголов движения (примерно 55 контекстов), а также глаголами, обозначающими пребывание субъекта в эмоциональном состоянии (около 21 контекста). В основном это отрицательно окрашенные эмоции – грусть, печаль, тоска. *Схылывсь козак та й заплакав / Дрибны... дрибными сльозамы* [Захарченко, Вып. 2, с. 51]. *Як ось козака, / що плаче вин з горя, / Обизвалась доля по тим боци моря* [Бигдай, Т. 1, с. 63]. Самыми частотными экспликаторами такого эмоционального состояния стали лексемы-дериваты глагола *журыться*: *Зажурылысь запорожци, що в ногах кайданы; / Ой, тэпэр мы, ридны браття, на вика пропалы* [Бигдай, Т. 1, с. 36] (Приложение 1, табл. 7, №№ 3 – 9).

Также основной субъект песен может характеризоваться глаголами говорения, речи (8 контекстов). Казак задает вопросы, спрашивает разрешения, просит об одолжении. Он обращается к Богу, к своей доле или к

своему атаману, разговаривает с матерью или с дивчиной: *Як козак в ныволи / По-над Днипром ходэ, / Выкльае долю: Гэй, выйды, долэ, из воды* [Захарченко, Вып. 2, с. 35] (Приложение 1, табл. 7, №№ 11, 12).

Остальные глагольные предикаты в основном отражают реалии казачьей службы (72). Козак собирается в поход, сражается с врагом, ухаживает за своим конем, возводит палатки, промывает свои раны, в ряде контекстов казаки пьют горилку, гуляют (Приложение 1, табл. 7, №№ 13 – 24).

Основной мотив исторических песен – гибель казачества. Большинство сюжетов рассказывает о расформировании Запорожской Сечи. В военно-бытовом песенном фольклоре распространенными являются также тексты песен с перекликающимися мотивами: о прощании, разлуке, проходах в армию, о плене-неволе, о смерти казака или о его захоронении.

Контекстов, в которых казаки оказываются объектом действий, гораздо меньше, всего 52. В основном в таких контекстах лексем-номинации сочетаются с глаголами, обозначающими физическое воздействие на объект (33 контекста): в казаков стреляют, у них забирают землю, их берут в неволю, убивают, вешают, выгоняют с хаты, отбирают ружья, забирают в армию (Приложение 1, табл. 7, №№ 25 – 30).

В объектных контекстах можно выделить еще группу глаголов с семантикой любви и памяти. Казака провожают, благословляют, любят, помнят, уговаривают остаться, погибшего казака хоронят (Приложение 1, табл. 7, №№ 31 – 34).

С помощью императивных форм глагола оформляются синтагматические связи, в которых казак выступает в качестве адресата речи. Всего таких контекстов 34. Практически все обращения к казаку выражают различные просьбы: *вернись (9), останься (9), иди (8), не женись, забудь про любовь (3), прощай (3), не забудь (1), не журишь (1)*.

Визуальный образ казака создается с помощью лексем, обозначающих форменную одежду (*шапка – 3 с/у, черкеска – 1 с/у, бурка – 1 с/у, перчатки – 1 с/у*) и индивидуальное боевое оружие (*сабля – 8 с/у, шашка – 2 с/у, ружье –*

3 с/у, мушкет – 2 с/у, копьё (ратыще) – 2 с/у, пика – 1 с/у, кинжал – 1 с/у): *Та и пишылы наши та козаченькы та за крути горы / Тико видно шапочки вэршечкы, з парада шнурочки* [Бигдай, Т. 1, с. 64]. *Йидэ козак дорогою, копьем упырається* [Бигдай, Т. 1, с. 46]. В песне «Тыче Кубань аж у лыман» рассказывается о том, что забрали враги у казаков, и перечисляются самые важные для казака элементы его снаряжения: *Кинджал, шашку, сидло, шапку, / Черкэску ще й бурку* [Захарченко, Вып. 2, с. 93]. В песне «Йихав козак за Кубань» описывается бравый, готовый в поход казак: *Мушкетюга у чехли, а шаблюка пры боци, / Ратыще довгэе, чому нэ козак! / Всунув ногу в стрэмэно, ратюгою впэрся в землю / И на коня вороного прудко излытив* [Бигдай, Т. 1, с. 57]. В перцептивный образ казака включены изображения его боевого вороного коня: *А на вороному кони, / Та на черкэсскому сидли. / Та ще й шабэлька пры мыни* [Захарченко, Вып. 2, с. 98] (Приложение 1, табл. 7, №№ 38 – 41).

Фольклорная формула, эксплицирующая образы долго не употребляемого оружия, актуализирует символический смысл 'гибель, распад запорожского казачества': *Та вже й шабли заржавилы, / Мушкэты бэз куркив* [Бигдай, Т. 1, с. 55].

Эмоциональное состояние воина также можно зафиксировать визуально, поскольку казак может плакать, лить слезы (*з очей слэезы льются*), склонять / класть голову: *Гэй, пид билою то бэрэзою, / Головку кладэ* [Бигдай, Т. 1, с. 57]. Соматические компоненты *голова, грудь* могут актуализировать смысловой компонент 'смерть': *Та знялы йому с плич головоньку / Миж тромя могыламы* [Бигдай, Т. 1, с. 62]. *Попала пуля у грудь мою* [Захарченко, Вып. 2, с. 75]. Метафорический образ *назад ноги гнуться* выражает печаль казаков, покидающих родную землю.

Перцептивный образ казака создается и лексемами, обозначающими речь и звуки: *выкликае, сказав, называе, засвистали, свиснул*.

Образный компонент концепта включает метафорические и символические признаки: *‘казак – сокол’*, *‘казаки – орлы’*, *‘казак – соловей’*, *‘черноморцы – черные галки’*, *‘казаки – сыны доброй воли’*, *‘казаки – дети’*, *‘казак – явир (клен)’* (Приложение 1, табл. 7, №№ 45 – 52).

Сравнение казака с соколом или орлом является традиционным для славянской картины мира, поскольку в ЯКМ славян сокол и орел «являются символами мужественной красоты, отваги и удалства» [Костомаров, 1994, с. 307]. Соловей символизирует радость и свет, но потеря голоса соловья, как отмечает Н.И. Костомаров, символически означает потерю счастья и доли. В украинских казачьих песнях казаки иногда сопоставляли себя с галками [Костомаров, 1994, с. 307]. По мнению О.В. Кондрашовой и И.В. Шельдешовой, «параллелизм *хлопцы чорноморци – чорнесеньки галки* символизирует бесприютность оторванных от родины запорожских казаков [Кондрашова, Шельдешова, 2008, с. 97]. Метафорический смысл *сыны дорой воли* свидетельствует о вольнолюбивом характере казаков. Сопоставление казаков и детей своеобразно проявляется в песнях черноморцев. Эксплицируется образ сирот, который реализует дополнительный смысл *‘одинокество казаков, бесприютность’* в отношении государственной власти. Основанием сопоставления с кленом является способность клена низко гнуться к земле, что символизирует горе и печаль казака.

Таким образом, в контексте исторических и военно-бытовых походных песен казак – это центральный персонаж своего мира, субъект, идентифицирующий и оценивающий окружающую действительность, он динамичен, находится в постоянном движении и в центре внимания окружающих, но при этом является объектом физического воздействия, ему часто приходится быть в разлуке с теми, кого он любит, его эмоциональное состояние – это состояние тоски и печали.

3.2.2. Лексико-семантические экспликативы *своего* / *чужого* пространства, представляющие концепт КАЗАК в песнях черноморских казаков

Одной из основных категорий, выражающих ценностные установки коллектива в фольклоре, становится категория пространства. «В необрядовом фольклоре гармоничные состояния мира возможны только в *своем* пространстве, в качестве которого в жанре лирической песни выступает традиционный мир дома, семьи» [Тубалова, Эмер, 2005, с. 269].

В исторических казачьих песнях трудно найти подробное описание родного пространства казаков, *своего* мира. В основном это обобщенные представления о родине, выраженные словосочетаниями *наши ридни хаты, ридный край, край широкий, край вэсэлый*, которым противопоставляется *чужой край, чужая сторононька*. Домашний мир, проявляющийся в исторических песнях, дисгармоничен – это мир, в который вторгаются чужие и который подвергается разрушению и уничтожению: *Скризь стрэляють из гарматив / В наши ридни хаты. Ой там плачуть батько й маты, / Жинка, ридни дети* [Захарченко, Вып. 2, с. 20] (Приложение 1, табл. 7, №№ 54 – 57).

В военно-бытовых песнях казаков домашний мир соотносится с понятием *воля* и представляет оппозицию месту службы, сопоставляемому с *неволей*. В песне «Йихав козак долиною» [Захарченко, Вып. 2, с. 78] жена уговаривает казака вернуться *до дому*, рассказывает ему, как все родные печалются и ждут его возвращения. Казак спрашивает свою *хвартуну*, почему она ему не служит, на что *хвартуна* отвечает, что помогала ему служить в *панстве, бурлатстве*, а теперь надо казаку служить в *козацтви*. В данном тексте служба в *козацтви* стоит в одном ряду с именованиями мест, где человек находился в неволе, в подчинении. В другом распространенном сюжете, который использован в нескольких песнях («Калына-малына, чом нэ процвитаеш» [Захарченко, Вып. 2, с. 79], «Тыха Кубань бэрэжечкы зносыть» [Бигдай, Т. 1, с. 54], «Гэй по морю» [Бигдай, Т. 1, с. 53], казак отпрашивается

у атамана / пана / полковника *до дому* повидать *дивчину*, но командир отказывает, предлагая испить воды холодной и забыть о дивчине и о доме. В песне «Ой, там за Дунаем» [Бигдай, Т. 1, с. 47] *молодэць* мечтает перебраться через реку и посмотреть хоть раз *на свою Украину* и на *дивчину*. Место службы *там, за Дунаем* с помощью указательного местоимения маркируется как *чужое* место в противовес *своей* Украине. Река или море в данных контекстах символизируют границу между своим и чужим мирами, при этом *свое* ассоциируется с волей, свободой, а *чужое* с неволей: *Ой колысь была роскошь-воля, / А тэпэр стала нэволэнька. / Ой бэруть брата у солдаты, А за ным же плаче батько й матэ* [Захарченко, Вып. 2, с. 41]. Такая оппозиция актуальна для солдатских и рекрутских песен, сюжеты которых использовались и казаками. Во второй половине XVIII в. на Украине была введена воинская повинность. Сначала служба в армии была пожизненной, а в конце XVIII столетия – двадцатипятилетней. В рекрутских песнях часто употребляется лексема *солдат*, а не *козак*: *Продай, мамо, коня, / Коня вороного. / Жины, жины мэнэ, парня, / Парня й молодого. / – На шо женытыся, / Худобу збываты? По билому чорным пышуть: / Пидыш у солдаты* [Захарченко, Вып. 2, с. 70]. В подобных текстах эксплицируется сема ‘вечная разлука’, субъект отчуждается от *своего* мира, поэтому песни часто заканчиваются рассказом о его гибели и невозможности возвращения домой. Таким образом, в понятие *свое пространство* входят такие смыслы как ‘недоступность’, ‘отдаленность’.

Есть и другая группа песен, в которых возникает оппозиция *служба / женитьба*, причем женитьба соотносится с представлением о том, что мешает служить. В песне «Ой, на гори та женци жнуть» казак Сагайдачный, променявший *свою жинку* на *тютюн и люльку*, оправдывает такую сделку служебной целесообразностью: *Ой, мини с жинкой нэ возытыся, / А тютюн та люлька козаку в походи прыгодытыся* [Бигдай, Т. 1, с. 31]. В песне «Ой, гук, маты, гук» казаки спрашивают своего атамана, стоит ли им жениться, на что атаман отвечает: *Я и сам нэ жэнюсь / И вам нэ вэлю. / Та й пид билою пид*

бэрэзою / Голову складу [Захарченко, Вып. 2, с. 63]. Служба воспринимается казаком как главное дело жизни, как *довг воиньський*. В песне «Йихав козак за Дунай» дивчина просит казака остаться дома, не уезжать на войну. Казак на эту просьбу отвечает: *Царьска служба – довг воиньський, / Трэба мини йихать в вийско, / Шоб граньцю захищаты / Од лютих врагив* [Захарченко, Вып. 2, с. 82]. В песне «Ой, годи ж нам журытыся» излагается мечта об идеальной жизни в будущем: *В Тамани жить, вирно служити, граньцю дэржаты, Рыбу ловыть, горилку пыть, ще й будэм богати. Та вже трэба й жэнытыся и хлиба робыты* [Бигдай, Т. 1, с. 39]. В этом контексте служба на границе и промыслы оцениваются как норма, а женитьба и мирное земледелие – как требуемые, необходимые действия, поддерживающие службу.

Тем не менее в песнях казаков можно увидеть образы родных людей, так как «семья в народной песне – это микромир, обязательными представителями которого являются мать, отец, дочь/сын, муж/жена, родственники мужа и жены» [Тубалова, Эмер, 2005, с. 271]. В казачьих мужских песнях ценностная модель семьи отличается от модели, типичной для женских лирических песен. Основным представителем семьи в песнях казаков является *маты, матуся*. Этот образ представлен в 8 песнях из 48 в сборнике под редакцией В. П. Захарченко и в 5 песнях из 31 в сборнике А. Д. Бигдая. В большинстве текстов мать провожает сына на войну или на службу. Она его благословляет, уговаривает остаться, плачет. В песне «Ой на гори огонь горыть» мать встречает коня с вестью о смерти сына. В некоторых солдатских песнях мать ссорится с сыном, отказываясь принять его возлюбленную: *Ой, нэ так же, мий сыночку, / Та на свити стало, / Щоб чужее дытынятко / За риднее стало* [Бигдай, Т. 1, с. 65]. В песне «В субботу пизнэнько» мать сама спрашивает сына, как звать будущую невестку: *Як будэш, сыночок, выходыть из хаты, / То скажеш, сыночок, нывистку як зваты* [Захарченко, Вып. 2, с. 96].

Возлюбленная казака не менее матери дорога ему, при этом *дивчина, дивка, дивчинонька* является не только субъектом, но и объектом в 8 песнях из сборника А. Д. Бигдая и в 8 песнях из сборника под редакцией

В. П. Захарченко. Поведенческие модели дивчины по сравнению с функциями матери более разнообразны. Она провожает казака, плачет: *Нэ плач, нэ плач Марусэнько, нэ плач, нэ журыся, / За свойого мылэнького Богу помолыся* [Бигдай, Т. 1, с. 49]. Она не только уговаривает его остаться, но и дарит ему *хустыну* (платок), идет за казаком невзирая на опасность: *Йидэ козак дорогою, копьем упырається, / За ним идэ дивчинонька, слизонькамы умывається. / Ой у поли могылка, нэ обийты, нэ обйихаты, / Молись Богу, дивчинонька, щоб у вийску нэ загинути* [Бигдай, Т. 1, с. 46]. Казак в свою очередь скучает по своей *мылой*, не может ее забыть, встречается с ней, прощается с ней, *спокыдаєт* ее. Для казака важно *вручить* возлюбленную своей семье, часто он печалится, что *нэ вручив ее никому: Ой, пусты мэнэ, батько атаманэ, / З кордону до дому, / Бо покынув я молоду дивчину, / Нэ вручив никому* [Бигдай, Т. 1, с. 54].

Дивчина в представлении казака является центральным персонажем своего мира: *Миж горами е долина, / В тий долини е хатына, / В тий хатыни е дивчина, Дивчинонька голубонька* [Бигдай, Т. 1, с. 155]. *Прощай слава, город риднэнькый / Прощай Украйино. / Прощай сад мий зэлэнэнькый, / Прощай ты, дивчино* [Захарченко, Вып. 2, с. 38]. Поскольку «в картине, построенной по принципу «ступенчатого сужения образов», наибольшее значение имеет последний образ» [Лазутин, 1981, с. 18], то можно заключить, что именно дивчина представляет для казака ценность, символизирующую идеальный образ своего домашнего мира, мира вне службы. Видимо, слабая представленность других членов семьи объясняется бессемейным образом жизни запорожцев. По мнению Ф. А. Щербини, «отсутствие естественного прироста и семейной нравственной традиции» стало одной из причин падения Запорожской Сечи [Щербина, 1910, с. 437].

Своему миру противоположно чужое пространство. Чужая сторона – это то направление, куда движется казак. В песенном мегатексте казак в основном находится или в начальной фазе пути: *Гей, пишлы наши славни запорожци... / Та и пишлы наши та козаченькы та за крути горы... / А пишов козак дорогою, / А дорогою широкою. / А долиною глыбокою. / А я пиду на край свита, / Буду*

воюваты, или в средней фазе, где реализуется семантика пребывания в дороге: *Йихав полэ, йихав другэ, / А на трэтьому становывся. / А по-пид горою, по-пид зэлэною козаки йдутъ. / Ой, йихав козак та черэз байрак, / Та с коня похылывся / Козак йидэ, йидэ, / Ще й город мынае*. Реже показано его прибытие в промежуточный пункт (*Пидийшылы воны / Пид рясни й дубы*) или в конечный (*Прийшов сын до ворот, / Та и пытае: дэ мий рид? / Як прыйшылы мы до Туроса...*). Как и в рекрутских песнях, в казачьих исторических и военно-бытовых фольклорных произведениях мотив возвращения казака домой практически не встречается, хотя он характерен для фольклорных лирических текстов черноморцев. О возвращении просят родные люди, но казак не обнадеживает своих близких и прощается с ними навсегда. Только в одной песне «Наступае чорна хмара» изображено возвращение казака в отчий дом, где он не находит своих родных: *На двинадцатом году / Прыйды сыну до дому, / Прийшов сын до ворит, / Та и пытае: дэ мий рид?* [Бигдай, Т. 1, с. 60]. В песне «Ой на гори огонь горыть» умирающий казак посылает домой своего коня, который приносит родным весть о смерти хозяина: *Бижи, конык, дорогою, / Дорогою столбовою...* [Захарченко, Вып. 2, с. 103].

В целом сюжеты с семантикой перемещения казака по определенному участку пространства занимают центральное место в рассматриваемом жанре казачьего песенного фольклора. Поэтому в текстах песен употребительны лексемы, номинирующие такие участки пространства: *дорога, долина, горы, байрак, река, лиман, море*. По словам С. Е. Никитиной, в духовных народных стихах символический смысл «граница между своим и чужим мирами» объединил в общефольклорную парадигму слова *лес, поле, море, камень* [Никитина, 1993, С. 109-110]. В текстах песен черноморских казаков в эту парадигму можно включить и лексемы *дорога, долина, река, лиман, горы*.

Дорога, как известно, в фольклорной картине мира – «ритуально и сакрально значимый локус, имеющий многозначную семантику и функции» [Славянские древности, Т. 1, с. 124]. В песнях черноморских казаков концепт ДОРОГА включает в себя разные приращенные значения. Дорога – это

неизвестное, незнакомое, непроходимое место: *По-над лугом, вой да / Шлях-дороженька да, гэй, / Гэй, дороженька, гэй / Ой да ныхто туда, / Ой да ны проходило да, гэй, / Ой да ны проходило* [Захарченко, Вып. 2, с. 84]. Именно этими непроходимыми дорогами идут казаки. Большая дорога – это шлях-дорога, а малая – стежка: *От опушки до сэла / Стэжка по лису выла. / Тую стэжкою, ой дорожкой / Кавалерия шила* [Захарченко, Вып. 2, с. 104].

Актуальным является также семантический компонент ‘поиск дороги’: *Скажи мини ширу правду, / Куда шлях-дорога: / А чи в тэмный, тэмный лис, / А чи в чистэ полэ?* [Бигдай, Т. 1, с. 65]. *Скажи мини ту дорогу, куды йихать до роду, / Сюды блудыть, тыды блудыть, куды йихать до роду* [Бигдай, Т. 1, с. 299]. В поиске дороги находятся и враги: *Ой, шлы ляхы на тры шляхы, дороги пыталы: Шлы козаки, сюды шлы, чи вы нэ выдалы?* [Бигдай, Т. 1, с. 51]. С незнакомым пространством сопряжено понятие *опасность*. Именно на дороге казак может потерять свою долю, найти свою смерть: *Потеряв я свою долю, ходячи в дорогу. / Ой, у Ромни горять огни, а в Тамани чуты. / Умэр, умэр козаченько у нэдилю вранци, / Поховалы козаченька в зэлэним байраци* [Бигдай, Т. 1, с. 174]. Защитой от дорожной опасности является молитва, просьба о помощи Божьей: *Ой, устанэм, хлопци рано, помолывишиь Богу, / Чи нэ дасть нам щирый Боже на Дунай дорогу* [Бигдай, Т. 1, с. 36].

Опасность дороги подчеркивается тем, что рядом с ней может находиться могила казака, на которой зеленеет трава: *Ой, витэр нэ вие, ой сонце нэ грие, / Тико в поли пры дорози трава зэлэние* [Бигдай, Т. 1, с. 181]. На дороге проливаются слезы, так эксплицируется еще один смысловой компонент ‘трудная дорога’: *Йидэ козак дорогою, копьем упыраеться, / За ным идэ дивчинонька, слизонькамы умываеться* [Бигдай, Т. 1, с. 46]. *Лэтыть орэл над Кубанью / Та й лэтаючи кряче. / Ишов козак дорогою, / Та й идучи плаче* [Захарченко, Вып. 2, с. 94].

Образ *дороги* эксплицирует и мотив *прощания*: *Йихав козак на вийноньку, / Сказав: прощай, дивчинонька. / Прощай, дивчина чорнобривонька, / Йиду в чужу сторононьку* [Захарченко, Вып. 2, с. 59]. Девушка страдает и

жалееет одинокого казака: *Ой, ты мий козаче, хрэщатый барвинку, / Кто ж тоби постэлэ у дорози постэльку?* [Бигдай, Т. 1, с. 205]. Так реализуется семантика одиночества казака, покидающего родной дом.

Постоянный эпитет *широкая* при существительных *дорога, дороженька*, по мнению многих исследователей, характеризует в фольклоре протяженность, длину дороги, это же значение приобретает фольклорная формула *долина глубокая*, вследствие чего *дорога широкая* и *долина глубокая* являются элементами одного ассоциативного ряда, в котором «второе слово выступает фольклорным аналогом ... превосходной степени» [Хроленко, 1979, с. 154]: *А пишов козак дорогою, / А дорогою широкою, / А долиною глубокою* [Бигдай, Т. 1, с. 44].

Как и дорога, долина – место пленения, место гибели казака, место захоронения воина – также выражает пейоративную эмоциональную окраску: *А у долини огонь горыть, Огонь горыть, розбой сыдыть* [Бигдай, Т. 1, с. 44]. *Там убылы молодого казака, / Схоронылы, схоронылы, / Схоронылы пры широкой долини. / Помыналы, помыналы, / помыналы пры высокой могыли* [Бигдай, Т. 1, с. 48]. *Та повылы його, казака молодого, / Ярамы долынамы. / Та знялы йому с плич головоньку / Миж тромя могыламы.* [Бигдай, Т. 1, с. 62]. *Ой на гори огонь горыть, / А в долини козак лыжить...* [Захарченко, Вып. 2, с. 103].

Гибельным и опасным местом для казака оказывается также байрак (овраг): *Зайихав козак в зеленый байрак, / Став конька попасаты, / А за ным, за ным пан со шляхтою, / Хочу його в плин браты* [Бигдай, Т. 1, с. 61]. *Та йихав козак та черэз байрак, / Став коня напуваты, / А за ным, за ным туркы, татары / У нэволэньку браты* [Бигдай, Т. 1, с. 63].

Как точно заметил А.Т. Хроленко, «природа народного лирического произведения такова, что в ней все подчинено описанию эмоционального мира человека», а следовательно «использование любого явления из мира природы изначально носит двойственный характер» [Хроленко, 1979, с. 150-151]. Практически все природные образы в песнях казаков отражают грустное,

печальное, горестное состояние лирического героя песни. Долина с эпитетом *глыбокая* иногда становится символом глубокой печали, тоски: *Ой, выйду я на могылу, та гляну я у долину. / Долина глыбока, калына висока, / Аж до долу виття гнуться. / А пид тою калыною стояв козак з дивчиною, / Дивчинька плаче, слизнэнько рыдае, / Свою долю проклинае* [Бигдай, Т. 1, с. 124]. Символика горя / печали усиливается образом тумана в долине, а лексемы *туман* и *долина* эксплицируют показатели глубины и длительности испытываемых эмоций: *Туман, туман по долини аж в кучери вьеться, / Ой, дэсь моя лыха доля стэпом волоченься* [Бигдай, Т. 1, с. 123]. *Ой, йшов по горам, право, по долинам, / А туман и налягае. / А помиж тьмы, право, туманамы, / А сыз голуб литае. / Ой, да вин литае, право, буркотае, / Голубку шукае* [Бигдай, Т. 1, с. 210].

Особо значимым в концептуализации понятия пространства в походных песнях черноморских казаков оказывается образ гор. Горы в песнях черноморских казаков – граница между своей землёй и чужой стороной. Из-за гор налетает ветер, символизирующий приход врагов: *Ой, з-за горы, з-за лыману / Витэр повивае: / Кругом Сичи Запорожський / Москаль облягае* [Бигдай, Т. 1, с. 352]. За горы уходят казаки в поход: *Та и пишлы наши та козаченькы та за крути горы. / Тико выдно шапочки вэршечкы, з парада шнурочки* [Бигдай, Т. 1, с. 64]. Из-за горы враг убивает казака: *Лэтила пуля, / Через гору. / Попала пуля / У грудь мою* [Захарченко, Вып. 2, с. 76]. Как отметил А. А. Потеня, «горы стесняют свободу движения, затрудняют путь, так что трудный путь лежит непременно через реки и горы, оттого горы противопоставляются равнине как символ неволи, горя» [Потеня, 2000, с. 91]. *Стоить мисяц над горою и сонця нэмае, / Матэ сына в дориженьку слизно провозжае* [Бигдай, Т. 1, с. 49]. *Рэвуть, стогнуть горы, хвыли / В сынэсэньком мори. / Плачуть, тужуть козаченькы / В турэцькой нэволи* [Захарченко, Вып. 2, с. 37]. *Роскопаю круту гору / Та й сяду спочину, / Як надину царьскэ плаття, / То в ним и загну* [Бигдай, Т. 1, с. 66]. Горы также символизируют

отчуждение, отдаление, расставание: *Ой, нэ буду, мий сыночку, / Нэ буду, нэ буду. / Ты за гору, я за другу, / За тэбэ й забуду* [Бигдай, Т. 1, с. 67].

Лексема *море*, обладающая семантическими признаками, общими для лексических экспликаторов образов водного пространства, в славянской мифологии «чаще всего имеет мрачное значение» [Костомаров, 1994, с. 149]. Море, как горы и туман, также символизирует *горе*: *Забралыся вси бурлаки / До синього моря. / Посыдалы на камини / Заспывалы з горя* [Захарченко, Вып. 2, с. 69]. Впрочем, иногда море наряду с полем означает «поприще казацкого удалства» [Костомаров, 1999, с. 148]: *Служилы мы вирно у поли й на мори*. Также традиционно для фольклорной лирики море является границей между своим и чужим мирами: *Чорна хмара з-за лымана, / А дру... а другая з-за моря. / Зашумила Укра... / Украйна / Така, така йийи доля* [Захарченко, Вып. 2, с. 28].

В данном контексте в паре с лексемой *море* границу символизирует и другой гидроним – *лиман*. Однако лиман – это не только символ, но и реально существующий природный объект, приносящий казакам прибыль и достаток: *Дарувала нам царица аж чотыри лымана, / Шоб ловылы хлопци рыбу та справлялы жупаны* [Захарченко, Вып. 2, с. 36]. Лиманы в текстах казачьих песен могут иметь свои конкретные названия: *Днистровський, Днипровський, обыдва лыманы*, что говорит об освоенности их пространства казаками [Захарченко, Вып. 2, с. 346].

Центральным и самым важным для казаков динамичным локусом является *река*. В исторических и походных песнях черноморских казаков реки имеют общепринятые названия, обозначающие реальные природные объекты: *Дунай, Днепр, Буг, Кубань*. Самым распространенным в фольклоре черноморских казаков является гидроним *Кубань*, который встречается в 8 песнях, название *Дунай* употребляется в 4 песнях, *Днепр* – в 2-х, а наименование *Буг* отмечено лишь в одном песенном тексте.

Основной эпитет *тихий*, характеризующий реки Кубань и Дунай, по мнению исследователей, «содержит сему 'величавость'» [Хроленко, 1979,

с. 93]. Кубань получила такое определение при замене в кубанских вариантах черноморских песен прежних топонимических названий на местные, что объясняется, по мнению Л.Б. Мартыненко, «стремлением исполнителей придать песням особый региональный колорит: “Йихав козак за Дунай”– “Йихав козак за Кубань”» [Мартыненко, 1991, с. 11].

В других текстах Кубань, напротив, изображается мутной, беспокойной, что актуализирует символическое значение горя, печали: *Тыче Кубань, аж у лыман / Вэрст, мабудь за трыста, / Писок крутэ, воду мутэ, / Шоб ны була чиста / Тыче Кубань, аж у лыман / А з лымана в морэ. / Та й ны знали козаченькы / Якэ будэ горэ* [Захарченко, Вып. 2, с. 93]. В этой песне образ бурной Кубани предвещает большое горе, разорение, гибель. Показатель дальности *вэрст, мабудь за трыста* сопоставляется с размером надвигающейся беды: *Дэ й ны взявсь, та й пиднявсь / Турок из войною. / Трэте лито на цим свити / Кровь льеться рикою* [Захарченко, Вып. 2, с. 93].

По замечанию исследователей, описывающих семантику гидронима *Дунай*, довольно часто встречающегося в песнях линейных казаков, «в фольклоре населения этнической периферии в топониме доминирует сема *рубеж, граница*», тогда как в русских песнях этого значения нет [Хроленко, 1979, с. 94]. Гидроним *Кубань* также имеет семантический компонент *рубеж*. И прежде всего это граница между потерянной родиной и новой, еще не освоенной землей. Если море и горы отделяют от так называемых *внешних* врагов, то река Кубань разделяет *свое* старое и новое. И новое в данном контексте рассматривается как *чужое*.

Роль границы видна даже в том, что словоформа *за Кубанью* в рассматриваемых текстах может обозначать как новое место жительства казаков, так и оставленную ими родину. Например, в песне «Як запоем з горя писню» Кубань характеризуется как небольшая водная преграда, легко преодоленная переселенцами на пути к неизвестному: *Кубань-речка ныбольшая / Пырывозу на ней нет / Мы на это ны вдарялы, / Кубань речку пырыйшылы* [Захарченко, Вып. 2, с. 55]. Раньше *за Кубанью за рикой*, то есть в

прежней жизни казаки *пылы, вэсэлылысь*, но перешли через Кубань, и жизнь их стала горестной. В этой песне река Кубань показана как рубеж между двумя мирами, субъекты песни перешли эту границу и оказались на чужой территории, оттуда они с тоской смотрят на свою родину, которая для них уже утратила статус *своего* пространства.

Подобный семантический комплекс эксплицируется и в песне «Зажурылысь чорноморци». Казаки с болью расстаются со своей землей: *Ой як оглянуть в край родимый, / З очей сльезы льються*. Со страхом они обращаются к атаману: *Як нам бидным чорноморцям / За Кубанью житы* [Захарченко, Вып. 2, с. 44]. Черноморцы еще находятся на своей территории и оттуда смотрят на новое место обитания *за Кубань*. Словоформа *за Кубанью*, реализуя семантику отдаленности, а значит, чуждости, актуализирует здесь метафорический смысл *'бесприютность'*. Казаки теряют прежнее *свое* пространство, а новое ими еще не освоено.

Однако ментальность казака такова, что он привык находиться на чужой земле, привык осваивать ее, поэтому в текстах некоторых песен с незнакомым чужим пространством связаны надежды на лучшее: *Бувай же здорова, Днипр-рика мутная, / Пидэм на Кубань кращойи напыться. / Бувайтэ здорови, вси курини наши, / Тут вам бэз нас розвалыться* [Захарченко, Вып. 2, с. 342]. *Днипр-рика* – символ старой родины, а мутная вода – символ печали [Соколов, 2020, с. 176]. Пожелание куреням развалиться говорит об отчуждении субъекта, потере им *своего*, а желание на Кубани *кращойи напыться*, т. е. *лучшей воды напиться*, о надежде на освоение новой территории.

Таким образом, в текстах исторических песен черноморских казаков специфически отражается концептуализация понятия *свое / чужое пространство*, а именно как психологически сложный процесс отчуждения прежнего *своего пространства* и освоения нового, *чужого*. И границей между этими двумя меняющимися в сознании казачества свой статус пространствами выступает река Кубань, в имени которой казаки-переселенцы видят не только

локальный (географический), но и временной (исторический) рубеж, изменивший их жизнь и судьбу.

Действительно, пространство, как известно, «не отделено от времени, образуя с ним единый хронотоп, в рамках которого фиксируются и осмысляются события» [Славянские древности, Т. 4, с. 305]. Категория времени, имеющая ценностную поляризацию, в песнях черноморцев выражена в глобальном противопоставлении прошлого и настоящего. В казачьих фольклорных текстах «эстетическая шкала оценок оказывается расположенной на временной оси, где положительные оценки по большей части относятся к времени прошлому, а отрицательные – к настоящему» [Порядина, 2007, с. 46]. *Свой, ридный край* ассоциативно связан с прошлым. Прошлое – это лучшее время, время счастья, воинской славы, достатка, это *свое* время: *Ой, колысь мы воювали, / Та бильше нэ будэм. / Того шастя, тийи доли / Повик нэ забудэм. / Та вже й шабли заржавили, / Мушкеты без куркив. / А ще сэрцэ козацькое / Нэ боиться туркив.* [Бигдай, Т. 1, с. 55]. *Ой колысь мы панували, / вже бильше нэ будэм* [Бигдай, Т. 1, с. 22]. *Служили мы вирно у поли й на мори / Та й осталься убоги, боси й голи* [Бигдай, Т. 1, с. 346]. *А дэ булы очэрэты – тэпэр попахалы, / А дэ булы жинкы наши – ворогы забрали* [Бигдай, Т. 1, с. 40].

Настоящее же – это время распада, гибели, печали, потери, это *чужое* время: *Гынэ слава батькивцины, / Гынэ всэ на свити, / Вырастають ны хрыщени / Козацькие диты* [Захарченко, Вып. 2, с. 23]. *Идуть наши чорноморци / Та й нэ оглядаються. / Оглянутья в ридный край – / Слизьми умываються* [Захарченко, Вып. 2, с. 38]. Это значит, что выраженное в рассматриваемых текстах песен ощущение времени эмоционально оказывается более консервативным, чем восприятие пространства: переместившись локально, сердцем казак еще долго тянется к прошлому.

Что же касается будущего, то оно скрыто, туманно, неизвестно: *Що диється, що мається, / Що будэ потому / Кромэ Бога одного / Нэ зависно нэкому* [Захарченко, Вып. 2, с. 67]. Однако с будущим могут быть связаны и надежды на лучшее, даже в чужой стороне: *Згынуть наши вориженькы, / Як роса на сонци. / Запануем, ой вы хлопци, / На чужси сторонци* [Захарченко, Вып. 2, с. 28].

Таким образом, в историческом и военно-бытовом песенном фольклоре черноморских казаков доминирует семантика отчуждения, субъект песен, по сути, не имеет *своего пространства*, так как от старого места проживания он уже оторван, а в новом еще не прижился. Лучшая жизнь, полная боевых подвигов, казачьей славы, материального достатка, сохранилась только в его воспоминаниях. Выраженное в песнях эмоциональное состояние грусти, печали, тоски казака можно объяснить тем, что его движение практически всегда направлено в *чужую* сторону. По мнению А. Ю. Скрыльниковой, понятие *тоска* является периферийным концептом, репрезентирующим *чужой* мир [Скрыльникова, 2008, с. 9].

Примечательно, что состояние печали и тоски связано также с недовольством существующей властью. В ряде контекстов казаки обвиняют своих атаманов, польскую власть, императрицу Екатерину, московскую власть: *Ой, ради б мы вэрнутыся, так пан нэ пускае. / Нэ так сам пан, та як його маты. / Хоче з нами, з козакамы турка звоюваты. / Вона ж його нэ звоюе, / Вона ж його дужче роздратуе* [Бигдай, Т. 1, с. 64]. *Ой ты грабэ, пан Потоцькый, розпроклятый сыну, / Занапастыв Польшу, Лытву, хочеш й Украину* [Бигдай, Т. 1, с. 40]. *Гэй, ой маты Катэрыно, та шо ты наробыла, / Гэй, шо то вийско запорижскэ та й занапастыла* [Бигдай, Т. 1, с. 35]. *Бодай тобі, Кухаренко, так добрэ служиты, Як нам бидным запорожцям / На Кубани житы* [Захарченко, Вып. 2, с. 26]. *Гэй, ты Бигданэ, Бигданэ, / Нэразумный гетьманэ Бигданэ* [Захарченко, Вып. 2, с. 31].

В данных контекстах репрезентируется дополнительное значение *‘несмирение перед властью’*, казаки не принимают все, что им предлагает власть, в этом проявляется их вольность. По мнению А.Д. Шмелева, понятие «воля» берет свое начало в архаическом противопоставлении *мира* как *своего*, обжитого, устроенного пространства и *воли*, как пространства *чужого*, неустроенного. В архаичной модели мира *мир* соответствовал привычной норме, а *воля* – непредсказуемым отклонениям от нормы [Шмелев, 2012, с. 67, 68]. Бескомпромиссные казаки, потерявшие свое пространство, оказавшись на воле, чувствуют себя сиротами, поэтому задают вопрос: *Ой чийи ж мы диты?*

Дополнительные смысловые приращения, входящие в понятийный, образный и ценностный уровни концепта КАЗАК, представлены в таблице 15.

Таблица 15. «Основные концептуальные признаки, составляющие понятийный, образный и ценностный уровни концепта КАЗАК в песнях черноморцев»

Понятийный уровень концепта	<p>Признаки, закреплённые в словаре и зафиксированные в контекстах: ‘воин, обязанный служить государству’, ‘крестьянин, обязанный самостоятельно обеспечивать себя обмундированием и оружием’</p> <p>Дополнительные признаки, зафиксированные в контекстах: ‘тот, кто служит’, ‘тот, для кого служба является предназначением’, ‘тот, кто перемещается по чужому пространству’, ‘тот, кто пересекает границы между своим и чужим пространством’, ‘объект физического воздействия’, ‘тот, кто находится в опасности’, ‘тот, кто находится в разлуке с близкими’, ‘объект любви близких людей’, ‘тот, кто теряет свое пространство’, ‘тот, кто находится в состоянии тоски и печали’, ‘тот, кто проявляет несмирение перед властью’, ‘тот, кто осваивает чужое пространство’, ‘тот, для кого прошлое – свое время’, ‘тот, для кого настоящее – чужое время’, ‘тот, кто с надеждой смотрит в будущее’, ‘тот, кто с чужим пространством связывает надежды на хорошее будущее’ ‘хозяин коня’</p>
Образный уровень концепта	<p>Перцептивные признаки: Соматические компоненты: слезы (3 с/у), голова (3 с/у), грудь (3 с/у), ноги (1 с/у). Форма: шапка (3с/у), черкеска (1 с/у), бурка (1 с/у), перчатки (1 с/у).</p>

	<p>Оружие: сабля (8 с/у), шашка (2 с/у), ружье (3 с/у), мушкет (2 с/у), пика (1 с/у), копьё (1 с/у), кинжал (1 с/у).</p> <p>Звуковые характеристики: глаголы речи и глаголы, обозначающие свист (<i>засвистали, свистнул</i>).</p>
	<p>Метафорические признаки:</p> <p>‘казак – сокол’, ‘казаки – орлы’, ‘казак – соловей’, ‘черноморцы – черные галки’, ‘казаки – сыны доброй воли’, ‘казаки – дети’, ‘казак – явир’ (клен)</p>
<p>Ценностный уровень концепта</p>	<p>молодой, <i>молодэнькый</i>, славный, бравый</p>

С освоением новой территории, с обретением постоянного дома, *своей* семьи начинает формироваться этническое самосознание кубанского казачества, частью которого стали и черноморцы. В песнях более позднего периода (таких как «Ой кубанци-кубанци», «Спы ты, любый наш Мыкола», «Мы, сыны Кубани славни, древнеруськи козаки»), отразивших жизнь и реалии уже кубанского казачества, эксплицируется семантика своего родного пространства. В данном исследовании приведем тексты двух песен, в которых развивается традиционная тема *прощания*.

В песне «Прощай ты, Уманська станиця», записанной в станице Ленинградской (до 1934 года станице Уманской), появляются новые компоненты своего мира (текст песни см. в Приложении 1, табл. 7, № 111).

Во-первых, топоним «Уманська станиця», обозначает реальное казачье поселение, ставшее родиной нового поколения казаков. Во-вторых, субъект песни – не дивчина, а казачка, *голубушка моя*. Лексема *казачка* актуализирует ассоциативную сему *жена казака*. Она снаряжает казака в дорогу, встречает его: *Никто меня так не устренет, / Как ты, голубушка моя*. Также, стоит отметить, что в песне заметно более сильное влияние русского языка: лексика с малороссийскими фонетическими особенностями: *станыця, вэсэла, ниченьку нэ спыть, плаче, устренет* соседствует с исконно русскими словами *голубушка, хижина, родимые, дальние*. Интересно, что будущее казаку в этой

песне видится вполне определенно: он не бесприютен, он знает, что его ждут и встретят, и он верит в свое возвращение. Несмотря на то что казачка *горько плаче у темной хижине своей*, в тексте песни выражена семантика светлой грусти, нежной любви, веры в будущее.

Песня «Прощай, мий край, дэ я родывся» записана в станице Старонижестеблиевской (Приложение 1, табл. 7, № 112).

Главная тема этой песни – Родина. Это понятие вбирает в себя и свой *край*, и *родную Кубань*, и всю *Русь*; в него входит также *русский царь*, которому служили деды и прадеды, и своя *вера православная*. Интересно, что *русский царь* и *вера православная* находятся в одном ассоциативном ряду, связанные понятием *служба*. В этом тексте нет противопоставления *службы* и *дома*. Казак в *тяжелый час разлуки* прощается с родным краем, но он идет *за Родину служить* и готов *живот за веру положить*. Выстраивается парадигма главных семантических компонентов, актуализирующих основные казачьи ценности: *Родина (край, Кубань, Русь) – вера – служба*. Именно эти ценности составляют основу мировоззрения кубанского казачества, во всех своих поколениях готового защищать родную землю, отчий дом и веру. По мнению исследователей О. В. Кондрашовой и И. В. Шельдешовой, сущность казачьего мировидения заключается в том, что «семья, род, родина – это составляющие одного концепта» [Кондрашова, Шельдешова, 2020, с. 265]. Стилистически и тематически песня близка патриотической лирике линейных казаков, особенно своим мотивом «преемственности в исполнении воинского долга перед родиной» [Кондрашова, Шельдешова, 2020, с. 265].

Так в песнях кубанских казаков отразилась трансформация мировидения казаков, пришедших из Запорожской Сечи и ставших черноморцами, которые обрели свою землю и начали выстраивать свой новый мир.

3.2.3. Лексико-семантическая экспликация концепта КАЗАК в текстах исторических и военно-бытовых песен линейных казаков

Песни Линейного казачьего войска стали памятником боевым подвигам казаков, которые в конце XVIII – в первой половине XIX веков сыграли важную роль в процессе присоединения Северного Кавказа к России, освоении новых территорий. В песнях рассказывается о битвах Крымской, Русско-турецкой, Кавказской войн, а также об Отечественной войне 1812 года. В послевоенный период действительная служба казаков проходила на внешних границах империи. Казаки Терского казачьего войска служили на турецкой, персидской, австрийской границе, тогда как воины Кубанского казачьего войска проходили службу в Польше, Афганистане, Персии, Азербайджане. Как заметил историк О.В. Матвеев, «война стала для нескольких поколений казачества судьбой, главным содержанием жизни» [Матвеев, 2005, с. 195].

Объектом исследования послужили 86 исторических и военно-бытовых песен линейных казаков, включенных во II том сборника «Песни кубанских казаков» А.Д. Бигдая, изданных под редакцией В.П. Захарченко, а также 5 текстов, опубликованных в I томе песенного собрания «Народные песни Кубани», вышедшего также под редакцией собирателя кубанского песенного фольклора В.П. Захарченко.

Как заметил Б.Н. Путилов, «сюжет одной исторической песни нельзя изучать независимо; смысл его раскрывается при сопоставлении с другими песнями, и, прежде всего, одного цикла» [Путилов, 1956, с. 75]. Вслед за лингвистами О.В. Кондрашовой и И.В. Шельдешовой будем рассматривать исторические и военно-бытовые песни линейных казаков как «значимую разновидность фольклорно-диалектных кубанских текстов, как особый фольклорный мегатекст», в котором ярко отразились ключевые понятия мировидения казаков, концептуализирующих «глобальное семантическое пространство *‘своего’*» [Кондрашова, Шельдешова, 2020, с. 264].

Центральным субъектом песен являются простые воины, так, в 50 исторических песнях, опубликованных в сборнике А. Д. Бигдая, они обозначаются более чем тридцатью различными номинациями. Прежде всего это обобщенные названия «того, кто сражается с врагом»: *бойцы* (5 с/у), *войны* (=воины – 7 с/у), *солдаты / солдатушки* (8 с/у); в качестве номинации используется также лексема *казак/и* (17 / 32) и ее дериваты *казачество / казацтво, казаченьки* (около 10 с/у), другие слова, обозначающие казаков разных подразделений казачьих войск: *кубанцы* (14 с/у), *линейцы* (5 с/у), *кавказцы* (4 с/у), *донцы* (3 с/у), *закубанцы* (3 с/у), *лабинцы* (2 с/у), *атишеронцы* (2 с/у), *сунженец* (2 с/у), *пластуны* (2 с/у), *владикавказцы* (1 с/у), *астраханцы* (1 с/у), *вознесенцы* (1 с/у). К этой группе именовании можно отнести обозначение и пророссийски настроенных горцев, например, *кабардинцы* (2 с/у); также воинов могут обозначать именовании казаков по их должностным обязанностям: *стрелки / срелочки* (5 с/у), *сотник* (3 с/у), *песельник / песенный* (3 с/у), *егеря* (2 с/у), *гренадеры* (2 с/у), *драгуны* (1 с/у), *походный атаман* (1 с/у); название органа самоуправления (*казачий круг*), названия воинских частей: *казачьи войска* (5 /у), *войско Линейное* (4 с/у), *кубанский полк* (2 с/у), эмотивные номинации, выраженные вокативами: *братцы* (48 с/у), *ребята* (15 с/у), *молодцы* (13 с/у) *друзья* (9 с/у), *братья* (6 с/у), *дети* (5 с/у), *удальцы* (4 с/у), а также номинации, указывающие на социальный статус (*старички из станицы*); названия, обозначающие принадлежность к этносу или вере: *русский, христиане, православные*.

При анализе субъектных глагольных связей лексем, обозначающих воинов, было выявлено около 329 контекстов. Глаголы-предикаты по индексу частотности употребления заняли следующие позиции: группа глаголов с различной семантикой, обозначающих действия воинов в бою, – 108 контекстов употребления (например, *будем воевать, вызываем вас на бой, пощады не давал, били неприятеля, за работу принялись, закрутим врагу усы, очищали путь-дорожку*); глаголы, обозначающие передвижение, – 83 (*пошли на Арпачай, догнал с приказом, мчишься, реешь, лезешь, бродишь, пустился*

в погонь); глаголы, обозначающие речевую деятельность, – 36 (*кричали, грянули, речь сказал, промолвил, гаркнешь* и т. д.), а также пение – 5 (*песни распевают*); глаголы, обозначающие созидательную деятельность, и глаголы бытия – 32 (*славу добывать, зимовать, жили без воды*); глаголы с семантикой эмоционального состояния – 21 (*мы надеемся, отважностью горят, любим веселье, плакали, полно горе горевать*); глаголы прекращения действия с семой 'смерть' – 21 (*не будем помирать, умер, пропадем, погиб, скончался*); глаголы восприятия – 14 (*глянул, смотрел, услышал*), глаголы мышления, обычно с семами 'забвение' и 'воспоминание' – 9 (*будем помнить, не забудем*).

Объектные глагольные связи, в которых воины являются объектом действия, насчитывают около 160 контекстов, в них обыкновенно объект подвергается воздействию врага (*налетают враги на отряд, угощают враги нас, окружили нас, покорить он нас хотел, нас посмешали, ну нас голодом морить, сразила его пуля*), впрочем, есть примеры, в которых глаголы эксплицируют позитивную коннотацию (*нас прославили отцы, командир нас поздравлял, нас наградил, нас царь благословил*), в таких контекстах в роли субъекта и объекта выступают персонажи своего мира.

Конструкции, в которых казаки выступают адресатом речи, составляют 83 контекста, это, как правило, призывы, приказы или просьбы командира, выраженные императивом (*Он поздравил нас с походом и отдал такой приказ: Завтра с солнечным восходом подниматься на Кавказ!* [Бигдай, Т. 2, с. 76]), а также призывы повествователя вспомнить то или иное событие, зачастую выраженные однотипными фольклорными формулами, в которых глагол имеет форму 1-го лица множественного числа (*вспомним, братцы, про былое, не забудем*).

В значительной группе песен субъект выражен личным местоимением *мы* (около 83 словоупотреблений), при этом в текстах немало употреблений данного местоимения и в косвенных падежах (59), что свидетельствует о главной цели исторических песен – передать чувство единства, патриотизма. Песни призваны объединить тех, кто защищает родину или готовится

защищать ее, поскольку историческая песня помогает каждому ее поющему и слушающему почувствовать себя не только неотъемлемой частью единого войска, но и частью общей славной истории, соединяющей прошлое, настоящее и будущее.

Атрибутивные связи лексем, обозначающих воинов-казаков, актуализируют аксиологическую ценность защитника родины: *славные, лихие, настоящие, храбрые, невстрашимые*. Определения также могут давать характеристику по месту службы: *линейные, гребенские, кубанские*. Субстантивные связи также выражают положительную оценку (*линейцы-удальцы, кубанцы-молодцы*) или чувство родственности, единства (*братцы-кубанцы, друзья-братья*). В таких сочетаниях «оба слова взаимно ограничивают друг друга, уточняя, усиливая, выделяя только одно общее им обоим значение» [Евгеньева, 1949, с. 179]. Особенно интересно обращение командира к своим подчиненным – *братцы-дети*, в котором отражено и иерархически-покровительственное отношение отца к детям, и равноправно-родственное отношение брата к брату, а также христианское отношение к ближнему, при этом актуализируется семантика отношений между своими: *Ой да вы молитесь / Ой да, братцы-дети, Богу* [Бигдай, Т. 2, с. 92].

Визуальный образ казака создается с помощью соматических компонентов: *грудь* (11 с/у), *сердце* (4 с/у), *голова* (4 с/у), *руки* (3 с/у), *лицо* (2 с/у), *тело* (2 с/у), *ноги* (1 с/у), которые выражают символические и метафорические значения. На груди находятся награды (*Генерал наш знаменитый, / Любим в армии у нас, / Орденами грудь покрыта* [Бигдай, Т. 2, с. 98]; *Свидетели его раны, висят кресты на грудях* [Бигдай, Т. 2, с. 150]), на груди располагается православный крестик (*И к груди, свинцом пробитой, крест свой медный прижимал* [Бигдай, Т. 2, с. 117]), в грудь попадает вражеская пуля (*Как пронзила его пуля сквозь грудь белую его* [Бигдай, Т. 2, с. 81]), грудью встречают врагов (*Как кубанцы-пластуны грудью встретили врагов* [Бигдай, Т. 2, с. 64]). Грудь казака – символ его славы, геройства, веры и жизни. Передняя часть отряда в метафорическом осмыслении называется

грудью отряда: *Грудь отряда впереди* [Бигдай, Т. 2, с. 38]. Лексема *сердце* воплощает метафорический смысл *тоска по дому*: *У казака сердце мрет, / Казак дома не живет* [Бигдай, Т. 2, с. 149] Сопрягаясь в контекстах с образом кровавых ран, лексема *сердце* символизирует смерть: *Уж вы раны мои, / Вы кровавые. Вы до сердца дошли. Сердце кровью облили* [Захарченко, Вып. 1, с. 56]. *Уж вы раны мои, раны больные, / Горячи-болящи, моему сердцу пришли* [Бигдай, Т. 2, с. 109].

Опущенная голова актуализирует символический смысл *печаль* и *горе*, а изображение склоненной головы, сложенных на груди рук означает смерть воина: *Под ракитой зеленой солдат голову склонил, на грудь ручки положил* [Бигдай, Т. 2, с. 39]. Синтагма *тело белое* также реализует символический смысл *смерть*: *Вы слетайтесь, вороны, / Тело белое клевать* [Бигдай, Т. 2, с. 40]. Лексема *рука* с помощью метонимии может воплощать образ всей армии: *Тут познали вдруг турки гордые / Руку тяжкую гренадерскую* [Бигдай, Т. 2, с. 67]. Все сочетания с соматическими компонентами эксплицируют мотив войны и опасности.

Перцептивный образ казака дополняют и изображения военной формы: *черная бурка* (10 с/у), *шапка* (5 с/у), *белый башлык* (1 с/у), *папах* (1 с/у), *черкеска* (1 с/у), *мундир* (1 с/у), *штаны* (1 с/у). По мнению историка И.Ю. Васильева, благодаря форме и знанию горских традиций русское военное сообщество воспринимало казаков как «чужих в своем» [Васильев]. Самыми частотными являются изображения бурки и шапки, которые тоже имеют символическое осмысление. На бурке обычно раненого или убитого казака выносят с поля боя: *Его друзья несли на бурке, / Он едва уже дышал* [Бигдай, Т. 2, с. 22]. *Может, завтра после боя нас на бурке понесут* [Бигдай, Т. 2, с. 105]. Бурка может символизировать и отдых казака: *Черну бурочку, ой, расстилали, / Белу булочку, ой, доставали* [Бигдай, Т. 2, с. 144]. Также черные бурки и белые башлыки актуализируют представления о казачьем отряде: *Той дорожкой проезжали на пост Братский казаки, / Бурки черные мелькали и белели башлыки* [Бигдай, Т. 2, с. 24]. Видимо, бурка являлась для казака

важным элементом одежды, укрывающим и согревающим его, выполняющим роль стола и постели. Эти свойства бурки стали основанием для метафоры *бурка – дом: Домик казака – черна бурочка* [Захарченко, Вып. 1, с. 65]. Шапка также имеет символическое значение. Упавшая с головы шапка символизирует смерть: *Свалилась черная шапочка с буйной моей головы. / Рассыпались остры стрелочки / По сырой матушке земле* [Бигдай, Т. 2, с. 137].

В перцептивные представления о казаке входит и группа лексем, обозначающих индивидуальное оружие казака. В текстах песен выявлены следующие номинации индивидуального оружия воина: *шашка* (22 с/у), *ружье* (9 с/у), *штык* (7 с/у), *винтовка* (6 с/у), *пика* (3 с/у), *сабля* (3 с/у), *меч* (3 с/у), *приклад* (1 с/у). Самым распространенным холодным оружием в песнях линейцев является шашка – атрибут казака, помогающий ему как в бою, так и в быту: *Казаки пошли все в шашки, а солдаты во штыки* [Бигдай, Т. 2, с. 79]. *Шашки вон – идем на смерть* [Бигдай, Т. 2, с. 32]. *Линейные казаки во фланге стоят, / Шашками блистают, подрались хотят* [Бигдай, Т. 2, с. 36]. *На шашки удально прибрязем, врагам тут смерть, а нам – ура!* [Бигдай, Т. 2, с. 54]. *Своей шашечкой он огонек вырубал / Ковыль-травушку рвал, на огоньшек клал* [Бигдай, Т. 2, с. 107]. В песне «Конь боевой с походным вьюком» отец отправляет сына на службу и перечисляет приготовленное обмундирование: *Даю коня тебе лихого, / Пику, шашку, портупей* [Захарченко, Вып. 1, с. 43]. Описывая с восхищением обмундирование своего командира Бакланова и называя его *казакон из казакон*, лирический герой перечисляет основные атрибуты воинской доблести командира: *шашка, пика, верный конь* [Бигдай, Т. 2, с. 34]. В метафорическом осмыслении шашка сопоставляется со свахой, что говорит об освоенности казаками данного холодного оружия. *В меня свашкой была шашка, А булатный нож – дружком* [Захарченко, Вып. 1, с. 56]. Реже в текстах встречается образ сабли: *Сабель множество блистало* [Бигдай, Т. 2, с. 38]. Т.А. Епатко рассматривает изображения сабли и шашки в казачьих песнях как «единый образ холодного оружия», поскольку «сабля и

шашка – два похожих вида оружия» [Епатко, 2015а, с. 184]. Ружье – ценное, дорогое огнестрельное оружие, часто сопрягается в контекстах с образами шашки или сабли и входит в описания обмундирования казака. *Ружья с новыми кремнями, шашки острия иметь* [Бигдай, Т. 2, с. 32]. *Привыкай, казаки, к ружью, шашке, коню* [Бигдай, Т. 2, с. 133]. *Мы разбили супостата ружьем, саблей и штыком* [Бигдай, Т. 2, с. 60]. *При боку у него шашка острая его, / За плечами у него ружье верное его* [Бигдай, Т. 2, с. 109]. В последнем контексте ружье олицетворяется, приобретая характеристику *верное*, при этом актуализируется значение *‘ружье – верный друг казака’*. Ружье может быть подарком командира перед боем: *Речь хорошу говорил* (Ломакин), */ Ружья новые дарил, / Ружья новые берданы, / Штыки вострые у нас* [Бигдай, Т. 2, с. 39]. В последнем контексте лексема *бердана* является названием винтовки. *Как кубанцы-пластуны / Грудью встретили врагов, / Угостили из берданок, / Доходило до штыков* [Бигдай, Т. 2, с. 65]. Здесь образ берданки является экспликатором метафоры *битва – пир*. В песнях встречается и другой метафорический образ винтовки, казак сравнивает ее с молодой женой (*Жена молодая – всё винтовочка* [Захарченко, Вып. 1, с. 65]) либо, как и ружье, с верным другом (*Ты, винтовка, друг мой верный, / Кто служить с тобой не рад!* [Концевич, с. 366]). Как отмечает Т.А. Епатко, «при прямом воплощении образа главным является функциональный аспект семантики слова: винтовка – это оружие казака, при метафорическом развитии это слово-образ изображает друга, любимую, защитника, который всегда рядом» [Епатко, 2015, с.128].

Таким образом, элементы формы и виды оружия казака составляют его перцептивный образ и актуализируют не только визуальные атрибутивные характеристики казака-воина, но и символические, метафорические представления о ранении воина, его смерти, его сражении.

Перцептивный образ казака дополняется следующими метафорическими признаками: *‘казак – орел’*, *‘казак(и) – сокол(ы)’*, *‘казаки –*

дети’, *‘казаки – братья*’, *‘казаки – невеста*’ (царь – жених), *‘казаки – сыны*’, *‘казаки – цыгане*’ (Приложение 1, табл. 8, №№ 72 – 64).

Таким образом, лексема *казак* сопоставляется с лексемами, означающими птиц или родных, любящих людей, при этом актуализируются такие признаки, как *‘отвага казака*’, *‘смелость воинов*’ и *‘дружески-семейные отношения внутри мужского военного мира*’.

Итак, в исторических и военно-бытовых песнях линейных казаков *казак* – это прежде всего воин, составная часть большого воинского сообщества. Все субъектные, объектные и адресные глагольные связи, а также субстантивные и атрибутивные связи лексем, номинирующих казаков, перцептивный образ казака, его метафорические и символические репрезентации характеризуют казака в качестве воина в сфере служебных отношений и военных действий.

3.2.4. Лексико-семантические экспликативы мужской военной субкультуры, представляющие концепт КАЗАК в песнях линейных казаков

В исторических и военно-бытовых песнях линейных казаков отражается мир военной службы, основная сфера деятельности казака. Этот военный *свой мир* представлен в совокупности, нераздельности, где все его элементы являются экспликативами концепта КАЗАК, и все персонажи связаны с центральным субъектом этого мужского воинского мира.

Важным показателем *‘своего*’ стали связи лексем с притяжательными местоимениями *свой* и *наш*, которые характеризуют существительные в 60 контекстах. Наиболее частотными являются сочетания с лексемами, номинирующими командира (всего 27 словоупотреблений): и реалии армейской службы, включая именованья воинов (20 с/у): *наша армяюшка*, *наш корпус*, *наш полк*, *наши фланги*, *наши пушки*, *наши кони*, *наши кубанцы*; *своя армия*, *своя служба*, *свой полк*, *свой отряд*, *своя горсть* (=часть отряда),

свои дети (=казаки); а также субстантивные определения всех воинов, противопоставленных 'чужим', врагам (*наши грянули, наши двинулись, знай наших*).

Характеризуя командира, местоимение может соединяться в контексте с фамилией: *наш Семенкин, храбрый наш Бакланов*; с дворянским титулом: *князь наш Бейбутов любимый*; с воинским званием: *Комаров, наш генерал, наш полковник Малоба, майор наш славный Пивень*; с названием должности или обобщенным обозначением того, кто командует: *наш походный атаман, наш начальник Волков*, со словом «герой»: *генерал-майор Козловский Закавказский наш герой* [Бигдай, Т. 2, с. 74]. Также лексема *наш* входит в состав метафорических именовании командующего: *наше счастье, наша слава, орел наш славный горный*, в которых выражаются такие чувства казаков к командиру, как восхищение, любовь и гордость: *Ты герой наш, ты достоин называться казаком* [Бигдай, Т. 2, с. 34].

Часто командир представлен как былинный богатырь: *Гром гремит, земля трясется, / Запылала в нас сердца, Конь, как лев, под ним несется*, [Бигдай, Т. 2, с. 74]. Или как сказочный герой: *Свистнешь – лист с дерев валится, / Гаркнешь – вмиг перед тобой Рать удалая родиться, / Точно в сказочке какой* [Бигдай, Т. 2, с. 35]. Почти сказочной, былинной является и способность громко говорить: *Не громко труба воскликнула, как возговорил Румянцев граф* [Бигдай, Т. 2, с. 67], *Тут недалеко за горою / Крик там раздавался. / Наш полковник Комисов славно распорядился* [Бигдай, Т. 2, с. 28].

Как уже было отмечено ранее, ценность командира в глазах его армии реализуется с помощью метафорического представления его в роли отца: *Наш отец перед отрядом бережет своих детей* [Бигдай, Т. 2, с. 13]. *Пуля пущена в него. / Грудь его, отца, пронзила, наше счастье схоронила* [Бигдай, Т. 2, с. 21].

Песни рассказывают о заботливом, отцовском отношении командующего к своим подчиненным:

– он ведет за собой в бой, показывает пример мужества и героизма: *За ним двинулась вся армия Восклица: “Мы пойдём с тобой”* [Бигдай, Т. 2, с. 67] (Приложение 1, табл. 8, №№ 72, 73);

– поздравляет казаков с предстоящим боем: *Встретил ласковым приветом наш полковник Малома. / Он поздравил нас с войною и пошел на Арпачай, / Он подвинул за собою весь наш полк в турецкий край* [Бигдай, Т. 2, с. 25];

– дарит им ружья новые: *Наш Ломакин генерал вдоль по войску проезжал. / Вдоль по войску проезжал, / Речь хорошую держал. / Речь хорошу говорил, ружья новые дарил* [Бигдай, Т. 2, с. 39];

– благодетельствует семьям воинов, дает награды казакам: *Он отцам благодаренье тут за деток воздавал, / И сирот отцов убитых тут же щедро награждал* [Бигдай, Т. 2, с. 18]. *Князь Бейбутов прозведет / И пример покажет, Понавесит нам крестов / И спасибо скажет* [Бигдай, Т. 2, с. 28];

– уговаривает не пропивать свои деньги: *Ради Бога вас прошу, / Не ходите вы в корчму* [Бигдай, Т. 2, с. 51];

– строго наказывает: *Говорят, Семенкин злой, а он батюшка родной, / Он по локоть отдерет / Да под суд не отдает* [Бигдай, Т. 2, с. 51].

Исторические песни сохранили имена реальных военачальников, прославившихся своим мужеством и подвигами (князь А. И. Барятинский, граф М. С. Воронцов, генерал Г. Х. Засс, полковник Я. Д. Малама, полковник Н. П. Слепцов, есаул А. А. Морозов, есаул А. Ф. Ко(а)мков и многие другие), в 50 песнях употреблено около 40 онимов, обозначающих фамилии героев-начальников. Таким образом, в семантическом пространстве песенного фольклора перед нами открывается ‘свой’ мир – «мир уникальных, индивидуальных, определенных в своей конкретности и известных в своей определенности для субъекта сознания и речи дискретных образов, называемых собственными именами» [Пеньковский, 2004, с. 9].

Исследователи исторических песен С.П. Праведников и И.А. Степанова выделили 25 наиболее частотных существительных в песнях линейных

казаков и сравнили их с наиболее частотными номинативами общероссийского словника, оказалось, что лексема *царь* занимает первую позицию и в русских песнях, и в песнях линейных казаков. Царь как ценный элемент своего мира также характеризуется лексемой *наш* и изображен в образе отца, батюшки, так как «термины родства занимают важное место в иерархии понятий фольклорной картины мира» [Степанова, 2004, с. 35]: *отец наш царь Державный, батюшка наш православный царь, наш царь-надежда, атаман наш могучий Державный*. Лексема *царь* сочетается и с постоянными эпитетами *белый, русский*: *Русский царь, Белый царь, Белый русский царь*. Ученые заметили, что, несмотря на большое количество фамилий командиров, «российские императоры XIX века в казачьем фольклоре безымянны» [Белецкая, Великая, 2016, с. 165]. Так выражается обобщенный образ царя, выступающего символом власти и веры. Не случайно в контекстах связаны в триединство образ царя, образ России и представление о православной вере: *Да здравствуй на славу Руси православной, / На радость, на счастье своих соколов, / Прими, атаман наш могучий Державный / Сердечные клики детей казаков* [Бигдай, Т. 2, с. 96]. Царь – это власть, данная от Бога. Своя земля – это часть пространства, подаренная Богом. Царь – это наместник Бога на земле: *Всколыхнулся, взволновался Православный Тихий Дон, и послушно отозвался на призыв Монарха он* [Бигдай, Т. 2, с. 45]. *Где нас царь благословил, / Там и Божья благодать* [Бигдай, Т. 2, с. 38]. В данных контекстах реализуется приращенное значение «смирение» перед властью. За царя, веру и Отечество воины готовы отдавать свои жизни. Центральным образом этих контекстов выступает Россия: *За Царя и за Россию / Мы готовы умирать, / За Царя и за Россию будем смело воевать* [Бигдай, Т. 2, с. 106]. *За родную Русь Святую не жалеешь сам себя* [Бигдай, Т. 2, с. 35]. *На битву идут они смело, / И знамя России в руках* [Захарченко, Вып. 1, с. 51]. *Плевну взяли для России и Османа для царя* [Бигдай, Т. 2, с. 64]. *Ну-те ж, братцы кавказцы, / Дружно грядем мы: – Ура! За победу, за Россию, / Да за батюшку царя!* [Бигдай, Т. 2, с. 64]. Топоним *Русь* распространяется двумя эпитетами *родная*

и *Святая*, и если царь – отец, то Россия – мать, молящаяся за своих детей: *За нас мать наша Россия Молит Бога завсегда* [Бигдай, Т. 2, с. 73]. *Помолися, мать-Россия, Торжествуй, наш Николай* [Бигдай, Т. 2, с. 51].

Православная церковь, объединяющая всех единой верой, также представлена в образе матери: *Стойте же крепко за святую Церковь, общую нам мать. Бог поможет луну золотую / С храмов Божиих сорвать* [Бигдай, Т. 2, с. 45]. Так, с помощью терминов, номинирующих родителей, казаки обозначили главные ценности своего миропонимания. О. В. Матвеев отмечает: «С момента появления на исторической сцене казаки называли себя рыцарями Православия, борцами за чистоту веры и пострадать в борьбе с басурманами они считали для себя превыше всякой чести, знаком Божественного благословения», казаки готовы были добровольно идти в Европу для защиты «православных балканских народов, изнемогавших под тяжестью османского ига» [Матвеев, 2007, с. 71]: *Будем бить, пока изгоним всех с Европы басурман, / Христиан от них избавим, / Сами с Богом по домам* [Бигдай, Т. 2, с. 47]. *Кровопийцы православных, / Бог накажет вас чрез нас* [Бигдай, Т. 2, с. 106].

Видимое, земное пространство ‘своего’ находится под защитой невидимого мира, под защитой Бога, который, как в региональной фразеологии, так и в военно-бытовых и исторических песнях, представлен как «высшая верховная сущность», практически не обладающая антропоцентричными признаками [Бурдун, 2020, с. 11]: *Ой да Бог над нами, братцы, / Над случаем всегда* [Бигдай, Т. 2, с. 92]. *Я надеюсь на Бога единого, / И на войско Линейное* [Бигдай, Т. 2, с. 85]. *Было, братцы плоховато, / Да помиловал нас Бог* [Бигдай, Т. 2, с. 18]. *С Богом, братцы, не робея, / Смело в бой пойдём, друзья.* [Бигдай, Т. 2, с. 52]. *Двинемся колонной, / Пронесет нас Бог* [Бигдай, Т. 2, с. 130]. Интересно, что именно в военных песнях передается ощущение непосредственной близости воинов к Богу. Бог находится рядом, Его помощь ощущается, на Него надеются. Покровительницей и защитницей

воинов стала и Пресвятая Богородица: *Матерь Божия, Ты с нами, / Веселитесь небеса!* [Бигдай, Т. 2, с. 15].

В парадигме христианских православных воззрений для казака и воина смерть за родину и веру является почетной и оценивается как правильная смерть. О. В. Матвеев объяснял это убеждение представлением казаков о том, что «если умереть на войне за Христову веру, то Господь грехи отпустит» [Матвеев, 2007, с. 73]. Н.И. Бондарь также отмечал, что смерть в бою казаками «не воспринималась как нечто трагическое и считалась хорошей», об этом свидетельствует и поговорка: *На войны ны быз убитых*, бытующая на Кубани и сегодня [Бондарь, 2002]: *Смерть за веру, за Россию можно с радостью принять* [Бигдай, Т. 2, с. 52]. *Пушки, знамя мы забрали, а побитым в поле рай.* [Бигдай, Т. 2, с. 15]. *Там бьются казаченьки за правду, / И смерть не страшна храбрецам* [Захарченко, Вып. 1, с. 51]. *Под начальством Воронцова лестно, братцы, умереть* [Бигдай, Т. 2, с. 32]. *Лучше в поле умирать, / Дома – не годится* [Бигдай, Т. 2, с. 28]. В данных контекстах с помощью лексем *лучше, лестно, с радостью, не страшна* образ смерти приобретает мелиоративно окрашенные коннотации. Смерть – это то, к чему привыкли, с чем *сроднились*, а значит, это явление перешло в область ‘своего’: *С смертью мы давно сроднились, / Шли на верную не раз, / Пули, шашки и кинжалы / Были шутками для нас* [Бигдай, Т. 2, с. 22]. Смерть иногда становится темой шутки, основная цель которой – показать пренебрежительное к смерти отношение: *Может, завтра после боя / Нас на бурке понесут, / Но уж водки из бутылки и понюхать не дадут* [Бигдай, Т. 2, с. 105]. Смерть на поле боя часто бывает желанной еще и потому, что она избавляет от страшных мучений: *Наши друзья, братья ранены лежат, / Руки, ноги нету, все смерти хотят* [Бигдай, Т. 2, с. 36].

Одним из распространенных песенных сюжетов является рассказ об умирающем на поле боя казаке, который отправляет своего коня к родным с вестью о смерти хозяина. Казак сообщает родным, что он женился на другой. В данных текстах образы оружия олицетворяются, перевоплощаясь в членов

семьи казака: *Я женился на другой, / На винтовочке стальной, / На винтовочке стальной, / На сабельке вострой* [Бигдай, Т. 2, с. 40]. *Пуля быстрая женила, / Шашка острая венчала, / Мать сыра земля / У зятя приняла* [Бигдай, Т. 2, с. 121]. *Я женился на другой – На пулечке свинцовой, В меня свашкой была шашка, А булатный нож – дружком* [Захарченко, Вып. 1, с. 56]. По мнению исследователей, такие образы-олицетворения «утверждают приоритетность ратного дела в судьбе казака: он готов, помня о доме и печальась о семье, погибнуть за родину» [Кондрашова, Шельдешова, с. 263]: *Казачье житье, право, лучше всего, / Домик казака – черна бурочка, / Жена молодая – все винтовочка. / Командир отец – наш полковничек* [Захарченко, Вып. 1, с. 65].

Интересное воспоминание сербского генерала о русских воинах, среди которых были и казаки, приводит О.В. Матвеев: «Действовать вместе с русскими крайне опасно; это какие-то отчаянные люди, которые нисколько не дорожат ни своею, ни чужою жизнью; они думают только о наступлении, а отступления не допускают вовсе» [Матвеев, 2007, с. 78]: *Но назад не пьтсья, Нельзя отступать. Ради русской чести / Лучшие умирать* [Бигдай, Т. 2, с. 130]. В песне «Под зеленою ракитой» представлен образ раненого умирающего бойца (*русский раненый лежал*), который, услышав *клик военный*, приподнялся, взялся за саблю и упал без сил [Бигдай, Т. 2, с. 117]. Таким образом реализуются еще такие важные смыслы, как ‘отсутствие страха смерти’, ‘бесстрашие / храбрость в бою’: *Храбростью своей резвился, / Умереть пулей хотел* [Бигдай, Т. 2, с. 83]. *Смелым Бог владеет, / Нечего робеть* [Бигдай, Т. 2, с. 125]. *На часах-то стоячи не будем дрожать, / Ружье, шашку, коня наготове держать* [Бигдай, Т. 2, с. 134]. *Храбро, весело, отважно нам Отечеству служить* [Бигдай, Т. 2, с. 22]. Так, в песне «Гей, а не тучи, не гром» сначала говорится о том, как трудно *завалы турецкие взять*, а потом о том, как трудно быть осторожным в бою, когда *сердце разгорится: Гей они* (российское войско) *не идут, а храбро маршируют, / Гей, гей меж собою говорят, говорят: / – Гей, трудно, трудно нам, братцы, ребята, /*

Завалы турецкие взять. / Гей, а еще труднее сердце разгорится, / Гей, гей нам с под шашки убежать, убежать. / Гей, мы под шашки скоро, братцы, подбежали, / Закричали все – Ура! [Бигдай, Т. 2, с. 125]. В песне «Что не соколы-то быстры» об эмоциональном состоянии солдат Царя Белого, идущих сражаться с турками / басурманами, говорится так: *Взор их мужеством пылал, / Дух отвагою дышал* [Бигдай, Т. 2, с. 41]. Так, понятие *храбрость* вбирает в себя метафорические смыслы ‘горячий’ и ‘пылающий’. В песне «То не буря прошумела» казаки, идущие на бой, утверждают: *Мы привыкли уж сражаться с басурманскою ордой. / И нам нечего бояться, / Полетим на смертный бой* [Бигдай, Т. 2, с. 32]. Во время страшного сражения, когда *было плоховато*, бойцам требовалось не только ‘горячее’ чувство, но и твердость, стойкость: *Накрест пули и гранаты / День и ночь над головой. / Холод, голод... Эй, ребята, / Будем твёрды мы душой* [Бигдай, Т. 2, с. 126]. Таким образом, ‘горячее сердце’, ‘твердость души’, ‘привычка сражаться’ – это семантические компоненты, входящие в представление о *русской храбрости*.

‘Свой мир’ репрезентируется в мегатексте исторических и военно-бытовых песен также с помощью лексем *крест / крестик*. Лексема *крест* чаще всего реализует значение ‘награда за героизм в бою’: *Князь Бейбутов произведет / И пример покажет, / Понавесит нам крестов и спасибо скажет* [Бигдай, Т. 2, с. 28]. *Если, даст Бог, живой буду – Всех крестами награжу* [Бигдай, Т. 2, с. 60]. *Свидетели его раны, / Висят кресты на грудях* [Бигдай, Т. 2, с. 150].

Являясь в языковом сознании русских символом веры, в песнях лексем *крест / крестик* представляют также смысл ‘смерть в бою’: *За горюю, братцы, за крутой / Мне поставят в поле / Большой, братцы, толстый крест* [Бигдай, Т. 2, с. 94]. *Русский раненый лежал и к груди, свинцом пробитой, / Крест свой медный прижимал* [Бигдай, Т. 2, с. 117]. В первом примере это надгробный крест, а во втором – нательный крестик. В похожем контексте другой песни образ нательного крестика приобретает приращенный смысл ‘наградной

крест: *белый крестик к сердцу жмет, а из раны кровь течет* [Бигдай, Т. 2, с. 40], так как с эпитетом *белый* этот смысл актуализируется подобными словосочетаниями в других контекстах, рисуя воина с крестом-наградой на груди: *Мы на кони посадились, / Сердюков наш впереди, / Под ним коник темногрудый, / Белый крестик на груди.* [Бигдай, Т. 2, с. 125]. *С белым крестиком на шее Николай наш впереди* [Бигдай, Т. 2, с. 47]. *Уже Бремер не отстанет, / Белый крест свой обновит, / Бурей огненною грянет, / Супостатов поразит* [Бигдай, Т. 2, с. 16]. Обращает на себя внимание то, что *крест / крестик* может находиться либо на шее, либо на груди. Таким образом, лексемы *крест / крестик* в текстовом пространстве песен эксплицируют смыслы: ‘герой’, ‘воин Христов’ и ‘смерть в бою’.

Ключевым словом, выражающим ценности своего мира и связанным с понятием ‘храбрость / смелость’, является также лексема *слава*, которая представлена в текстах в своем прямом воплощении, реализуя значение *почетная известность, как свидетельство всеобщего признания чьих-либо заслуг* [МАС, Т. 5, с. 128]: *Победить врагов сумеем, честь и слава будет нам* [Бигдай, Т. 2, с. 73]. *Имя казаков прославил, / Честь и славу нам принес* [Бигдай, Т. 2, с. 65]. *И в залог грядущей славы / Без стрельбы и суеты / Тотчас после переправы снял турецкие посты* [Бигдай, Т. 2, с. 25]. У славы нет границ, она может распространяться между врагами: *Про линейцев-удальцов долго говорили* [Бигдай, Т. 2, с. 31], в столице Петербурге, по всей России или по всему миру: *Эта битва будет звестна в Петербурге у царя* [Бигдай, Т. 2, с. 56]. *Пронесется наша слава по Россиюшке по всей* [Бигдай, Т. 2, с. 15]. *Мы разбили супостата, / Слава нам на целый мир* [Бигдай, Т. 2, с. 13]. Лексемы *победить, победа* имеют невысокий индекс частотности в военных исторических песнях линейных казаков, однако сема ‘победа’ реализуется в контекстах о славе русской армии. Практически все исторические песни рассказывают о победах русского оружия.

Но не только известность заботит воинов, главный смысловой компонент в понятии ‘слава’ – это ‘память о подвигах отцов и дедов’.

Сохранение репутации, кровью добытой другими поколениями, – вот цель казаков, мечтающих о славе: *Ты геройскими делами / Славу дедов и отцов / Воскресил опять меж нами, / Ты казак из казаков* [Бигдай, Т. 2, с. 34]. *Там идет путем прадедов в битвах лавры добывать* [Бигдай, Т. 2, с. 52]. *Но идите в дело смело, / Дедов славу не срамить* [Бигдай, Т. 2, с. 52]. *Вот кубанцы молодцы, / Так сражались отцы* [Бигдай, Т. 2, с. 63]. *Наши деды и отцы все примером служат. Закубанцы-молодцы / Ни о чем не тужат* [Бигдай, Т. 2, с. 75]. *Сорок лет тому в Париже нас прославили отцы, Цареград же к нам поближе, / В путь же, с Богом, молодцы!* [Бигдай, Т. 2, с. 45].

В понятие ‘слава’ в контексте исторических песен входит и сема ‘время’. Частотным экспликатором славного прошлого является глагол «вспомним»: *Вспомним, братцы, как стояли мы на Шипке в облаках* [Бигдай, Т. 2, с. 19]. *Вспомним, братцы про былое* [Бигдай, Т. 2, с. 17]. *Вспомним, братцы, про то дело, / Про убитых молодцов* [Бигдай, Т. 2, с. 33]. Точные даты сражений также актуализируют семантику славного прошлого (Приложение 1, табл. 8, №№ 131 – 137).

В песне «Вспомним, братцы, про былое» *былое* характеризуется как *наше время золотое* и сравнивается со *сладким сном*. Определения *наше, золотое, сладкий* актуализируют сему ‘счастье’. Былое – это счастливое прошлое, это ‘свое’ время: *Вспомним, братцы, про былое, что, как сладкий сон, прошло: / Жизнь, раздолье удалое, / Наше время золотое* [Бигдай, Т. 2, с. 17].

Настоящее не противопоставлено прошлому, это тоже время славы и света: *Днесь воссиял свет в государстве, / Россия стала в славе жить* [Бигдай, Т. 2, с. 53]. Будущее не пугает казаков, они ощущают себя под надежной опекой государства и власти и уверены в своей силе: *И с силою новой, под сенью надежной / Хоругви Отчизны и славы твоей / Мы двинем далеко предел порубежной / И твердою грудью заслоним тебя* [Бигдай, Т. 2, с. 96]. В песне «Закубанский казак, он за моря бежит» турецкий султан спрашивает у казака, на какой срок завоевана земля: *Чи на год, чи на два, чи на тысячу лет?* На этот

вопрос казак с гордостью отвечает: *Ни на год, ни на два, / Гей, да ни на тысячу лет, / Завоевана она, / Гей, да на полный век* [Бигдай, Т. 2, с. 119].

Бой с врагами в текстах исторических песен представлен как веселое и забавное мероприятие: *Слух о войне – мы веселимся, / Готов с нас каждый кровь пролить* [Бигдай, Т. 2, с. 53]. *Двадцать первого июля в нас была потеха, / Довели нас оборванцы до большого смеха* [Бигдай, Т. 2, с. 29]. *Битва с туркой нам забава* [Бигдай, Т. 2, с. 16]. *Он детей своих сзывает / На кровавый бранный пир* [Бигдай, Т. 2, с. 44]. Метафорическое представление сражения в виде праздника, традиционное для русского фольклора, включает в себя и сопоставление врага с «гостем»: *Пусть пожалуют к нам гости, валят, ровно саранча. / Унесут ли гости кости, / Как ударим мы с плеча?* [Бигдай, Т. 2, с. 13]. *Как попотчевать гостей* [Бигдай, Т. 2, с. 13]. Также изображение физического воздействия на врага оружием метафорически воплощается глаголом *угощать*, а предметом сравнения становится процесс угощения гостей на празднике: *Как кубанцы-пластуны грудью встретили врагов, / Угостили из берданок, / Доходило до штыков* [Бигдай, Т. 2, с. 64] (Приложение 1, табл. 8, №№ 153, 154). Как считают исследователи, мотив угощения оружием имеет «важную идейно-смысловую нагрузку», так как «призван показать несокрушимую мощь и силу русской армии, её боевую готовность к борьбе с внешним врагом» [Степанова, 2004, с. 166]. С другой стороны, с помощью развернутой метафоры война предстает как обыденное, бытовое действие, где хозяева и гости угощают друг друга. Так, в песне «Собиралися, съезжались в круг линейные казаки» рассказывается, как на *веселый пир* к генералу Зассу съехались *Белореченские князья-узденя* и какое угощение они приготовили: *Приготовили князья для Засса-генерала / Выпить из винтовочки пулю меткую. / На закусочку Зассу-генералу приготовили шашку острую, басурманскую* [Бигдай, Т. 2, с. 87].

Звучание оружия во время битвы актуализирует метафорический смысл *музыка* (Приложение 1, табл. 8, №№ 156 – 158).

Примечательно, что изображение поля битвы в чужой стороне может эксплицировать мелиоративную эмоциональную окраску, актуализируя смысл 'священное место'. Так, в песне «Поле чистое, турецкое» субъекты песни (казаки) обращаются к *полю чистому, турецкому: Мы когда тебя, поле, пройдем, ... / Эх, когда, чистое, перевалимся. / Все бугры твои, дороженьки, все места славы прекрасныя. / На том поле, на том чистому, / Эх, мы сойдемся с неприятелем* [Бигдай, Т. 2, с. 69].

В песне «Как не соколы крылаты» есть примечательное образное сопоставление битвы с семейством: *Битва – целое семейство, / Трудно было нам стоять* [Бигдай, Т. 2, с. 38]. В данном контексте основанием сравнения является многолюдность семьи и связанные с этим трудности взаимоотношений в ней. «Значимость семьи как ценностно окрашенной категории подтверждается использованием ее внутренней структуры в качестве вторичной модели «зеркального» отражения ... военного пространства» [Тубалова, Эмер, 2005, с. 271].

Дополнительные смысловые приращения, входящие в понятийный, образный и ценностный компоненты концепта КАЗАК, представлены в таблице 16.

Таблица 16. «Основные концептуальные признаки, составляющие понятийный, образный и ценностный уровни концепта КАЗАК в песнях линейцев»

Понятийный уровень концепта	Признаки, закрепленные в словаре и зафиксированные в контекстах: 'воин, обязанный служить государству', 'крестьянин, обязанный самостоятельно обеспечивать себя обмундированием и оружием'
	Дополнительные признаки, зафиксированные в контекстах: 'субъект военного сообщества', 'субъект речевой и песенной деятельности', 'субъект эмоционального переживания', 'объект физического воздействия', 'тот, кто перемещается', 'тот, кто героически сражается', 'тот, кто хранит память о подвигах дедов и отцов', 'тот, кто проявляет смирение перед властью', 'тот, кто доверяет власти', 'тот, для кого вера, отечество и власть неразделимы',

	<p>‘тот, кто готов умереть за свои ценности’, ‘тот, для кого пространство боя – свое пространство’, ‘тот, для кого настоящее, будущее и прошлое – это свое время’, ‘тот, для кого служба – главный приоритет в жизни’, ‘тот, кто проецирует гармоничный мир семьи на мир службы’ ‘хозяин коня’</p>
Образный уровень концепта	<p>Перцептивные признаки: Соматические компоненты: грудь (11 с/у), сердце (4 с/у), голова (4 с/у), руки (3 с/у), лицо (2 с/у), тело (2 с/у), ноги (1 с/у). Форма: черная бурка (10 с/у), шапка (5 с/у), белый башлык (1 с/у), папаха (1 с/у), черкеска (1 с/у), мундир (1 с/у), штаны (1 с/у). Оружие казака: шашка (22 с/у), ружье (9 с/у), штык (7 с/у), винтовка (6 с/у), пика (3 с/у), сабля (3 с/у), меч (3 с/у), приклад (1 с/у). Звуковая характеристика казака реализована с помощью глаголов, обозначающих речевую деятельность (около 36: кричали, грянули, речь сказал, промолвил, гаркнешь и т. д.), а также пение (около 5: песни распевают).</p> <p>Метафорические признаки: ‘казак – орел’, ‘казаки – соколы’, ‘казаки – дети’, ‘казаки – братья’, ‘казаки – невеста’, ‘казаки – сыны’, ‘казаки – цыгане’</p>
Ценностный уровень концепта	<p>славные, лихие, удалые, бравые, невстрашимые, удальцы, молодцы казаки – братцы казаки – братцы-дети казаки – друзья-братцы</p>

Итак, в песнях линейцев концепт КАЗАК включает в себя признаки, отражающие качества идеального воина: любящего свою родину, уважающего своих командиров и сослуживцев, готового отдать жизнь за веру, царя и отечество.

Выводы

1. Понятийный уровень концепта КАЗАК в лирических песнях образуют следующие признаки: *‘казак – мужчина, достигший брачного возраста’*, *‘казак – холостой мужчина, намеревающийся жениться или ищущий невесту’*, *‘казак – объект любви женщин’*, *‘казак – субъект любви к женщине’*.

Образный уровень концепта имплицитно представляет представления о возрасте (молодой человек), внешности (черные усы, брови, черные, карие глаза, русые или черные кудри, красные губы, белая кожа), об одежде (черные бахилы, *сафьянови чоботци*, черная черкеска, черная или красная шапочка, на боку сабля или шашка).

Перцептивный образ также создается с помощью глаголов речи, свидетельствующих об умении красиво говорить, уговаривать; глаголов движения, являющихся показателем активности молодого человека; лексем, обозначающих стук в окно к девушке.

Образный компонент концепта образуют и метафорические смыслы с положительной оценкой *‘казак – соколик’*, *‘казак – голубок’*, *‘казак – орел’*, *‘казак – душа’*, *‘казак – сердце’*, и смыслы с негативной оценкой *‘казак – варвар’*, *‘казак – мучитель’*, *‘казак – заволока’*, *‘казаче-дураче’*, а также символический смысл *‘казак – ворон’*.

Ценностный уровень образуют приращенные признаки *‘казак – предпочтительный жених’*, при этом *‘бедный казак – плохой жених’*, *‘богатый казак – хороший жених’*, а также в основном мелиоративные характеристики, выраженные постоянными и эмотивными эпитетами *молодой, молоденький добрый, хороший, славный, милый, миленький, гарный, гожий, уродливый (красивый), жартливый (игривый), бравый, удалой, разудалый, сердечный, ненаглядный*.

Концепт КАЗАК является актуальным в лирическом песенном фольклоре, так как характеризуется высокой частотностью вербализаторов и детализацией номинаций концепта.

2. Мать – центральный субъект своего мира. На понятийном уровне концепт МАТЬ имплицитно подразумевает следующие признаки: *‘та, кто рождает’*, *‘та, кто наделяет долей, внешними данными’*, *‘защитница своего пространства и чести семьи’*, *‘та, кто заботится о детях’* и *‘та, кто любит своих детей’*, *‘та, кто чувствует на расстоянии, что происходит с детьми’*, *‘утешительница’*, *‘советчица’*, *‘та, кто всегда имеет связь со своими детьми’*, *‘та, кто встречает и провожает сына’*, *‘та, кто женит и отдает замуж’*, *‘та, кого могут оставить дети’*, *‘наставница’*.

В образный уровень концепта включены перцептивные признаки, репрезентированные соматическими компонентами (*сіет муку зь полубочка, били руки ломае*), глаголами бытия, созидания (*спать / не спать, варить, прать*), глаголами физического и речевого воздействия на другое лицо (*бить, лаять, ругать*), глаголами, выражающими эмоциональное состояние (*плаче, рыдае*), а также эпитетами, указывающими на возраст (*стара, старэнькая, сывая*). В образный компонент входят и метафорические сравнения с положительной и отрицательной оценкой: *мать – кукушка, мать – зоря, мать – лютая змия*.

Ценностную составляющую концепта образуют его актуальность (большое количество экспликативов, высокая частотность употребления номинаций концепта) и оценочность, включающая как позитивные характеристики, так и негативные.

3. Отец в лирических песнях – субъект второго плана, он не так активно участвует в жизни семьи, его функционал беднее, чем функции матери. На понятийном уровне он включает в себя такие признаки, как *‘наставник сына’*, *‘хранитель служивых традиций’*, *‘защитник своего пространства’* (как и мать), *‘создающий богатство’*, *‘создающий хорошие условия жизни’*.

Образный уровень концепта включает в себя символический смысл *‘отец – это семья’*, а также метафору *‘батько – свит’*. Ценностная составляющая включает в себя в основном мелиоративные коннотации *‘добрый’*, *‘свой’*, но в то же время отец без матери не может сберечь семью и защитить детей, появляется смысл *‘слабый без матери’*. Актуальность концепта проявляется в его метафорической диффузности: отцами и батьками в мире службы номинируются командиры, атаманы и царь. В мире семьи концепт ОТЕЦ менее актуален.

4. Концепт ДЕТИ вбирает в себя на понятийном уровне такие контекстуальные приращения, как *‘маленькие’*, *‘беспомощные’*, *‘требующие заботы’* *‘те, по кому скучает отец-казак’*, *‘сын кормит родителей в старости’*, *‘дочь понимает мать’*. Образный компонент включает метафорическое сопоставление *сыны – орлы*. Замужняя дочь символически сопоставляется с сорванным цветком, кукушкой, пташкой.

На ценностном уровне выделены смыслы с негативной оценкой: *‘неспокойные’*, *‘приносящие горе, трудности’*, *‘ограничивающие свободу матери’*. В то же время большая номинативная плотность концепта и наличие множества диминутивов-номинаций детей свидетельствуют о важности данного концепта в мировидении казаков. Сын всегда *свой*, дочь же теряет статус *своей* и становится *чужой дытыной*.

5. Концепты МУЖ и ЖЕНА составляют единое ментальное образование. В текстах песен номинации концептов сопрягаются: если в тексте упоминается только один из супругов, то второй представлен имплицитно. На понятийном уровне концепт ЖЕНА вбирает в себя следующие дополнительные значения: *‘та, кто относится к мужу как мать’*, *‘та, кто зависит от мужа’*, *‘жена – честь и престиж мужа’*, *‘жена – та, по кому тоскует казак на службе’*, *‘та, кто находится далеко’*.

Перцептивный образ жены слабо выражен, актуализируются следующие признаки: *‘чернобровая’* (красивая жена), *‘белые небольшие ножки в желтых черевичках’* (аккуратная жена), *‘босые ножки без черевичек’* (оставшаяся без

внимания мужа), *'сидит, поджав ноги'* (строптивая жена), *'правая ручка'* (на которой лежит муж), *'простоволосая, пьяная, потерявшая шлычку'* (асоциальное поведение жены), *'рудая'* (рыжая, т.е. некрасивая). Образный компонент концепта включает также метафорические признаки: *'жена – голубка'*, *'жена – вишенка, черешенка'*, *'жена – любка'*, *'жена – мед с калачом'*, *'жена – барыня моя'*, *'своя жена – лягушка, полынь горькая'*, *'чужая жена – лебедушка белая'*, *'чужая жена – пава'*.

Самый обогащенный компонент данного концепта – ценностный уровень. Оценочные эпитеты эксплицируют мелиоративную оценку жены: *молодая, гарная, хорошая, верная*. В то же время эпитет *ревнивая* актуализирует пейоративные коннотации. Группа контекстов указывает на большую роль хорошей жены в жизни мужа, на ее ценность для мужа, в таких контекстах реализуются дополнительные смыслы: *'жена важнее родителей'*, *'жена важнее коня'*. Также хорошая жена – это *'та, кто рано встает'*, *'та, у кого порядок в доме'*, *'та, кто чисто, опрятно одета'*, *'та, кто вкусно и много готовит'*, *'та, кто ласкова к мужу'*. Плохая жена – *'несчастье'*, *'испорченная жизнь'*, *'бесполезна'*. Кроме того, плохая жена – это *'та, кто много спит'*, *'та, кто не готовит'*, *'та, кто ничего не умеет делать'*, *'та, кто не любит своего мужа'*, *'та, кто ругает его'*. В некоторых песнях чужая жена оценивается, как хорошая, а своя, как плохая.

6. Концепт МУЖ вбирает в себя следующие признаки на понятийном уровне: *'законный'*, *'тот, кто необходим жене'*, *'тот, от кого зависит жена'*, *'тот, кто наказывает жену'*, *'тот, кто ограничивает ее свободу'*, *'тот, кто любит жену'*, *'тот, кого не любит жена'*, *'тот, кто беспомощен без жены в быту'*, *'тот, кто жалеет жену'*.

В образный компонент входит визуальное представление о нелюбимом муже: маленький рост, круглое лицо, некрасивые усы, походка как у старика или бедняка, нюхает табак. Красивый муж обладает черными бровями. Перцептивные признаки дополняет метафорическое сравнение *муж – борзый кобелек*, основанием сравнения является измена мужа.

Ценностный компонент концепта включает в себя следующие дополнительные оценочные значения: *‘хороший муж – нестарый’*, *‘хороший муж – неленивый’*, *‘хороший муж не пьет’*, *‘хороший муж слушает жену’*, *‘хороший муж – это счастье’*, *‘плохой муж – тоже ценность’*, а также оценки, выраженные характеризующими словами *добрый, хороший и ревнивый, немилой, старый, постылой, нелюб*.

7. В семантическом пространстве исторических и военно-бытовых песен черноморских казаков концепт КАЗАК получает дополнительные смыслы на понятийном уровне: *‘тот, кто служит’*, *‘тот, для кого служба является предназначением’*, *‘тот, кто перемещается по чужому пространству’*, *‘тот, кто пересекает границы между своим и чужим пространством’*, *‘тот, кто подвергается физическому воздействию’*, *‘тот, кто находится в опасности’*, *‘тот, кто находится в разлуке с близкими’*, *‘тот, кого любят близкие’*, *‘тот, кто теряет свое пространство’*, *‘тот, кто находится в состоянии тоски и печали’*, *‘тот, кто проявляет несмирение перед властью’*, *‘тот, кто осваивает чужое пространство’*, *‘тот, для кого прошлое – “свое” время’*, *‘тот, для кого настоящее – “чужое” время’*, *‘тот, кто с надеждой смотрит в будущее’*, *‘тот, кто с чужим пространством связывает надежды на хорошее будущее’*.

Визуальный образ казака создается с помощью лексем, обозначающих форменную одежду: *шапка* (3 с/у), *черкеска* (1 с/у), *бурка* (1 с/у), *перчатки* (1 с/у), а также с помощью лексем, обозначающих индивидуальное боевое оружие: *сабля* (8 с/у), *шашка* (2 с/у), *ружьё* (3 с/у), *мушкет* (2 с/у), *пика* (1 с/у), *копье* (1 с/у), *кинжал* (1 с/у). Перцептивный образ казака включает в себя и образ вороного коня, а при перечислении снаряжения часто называется седло.

Эмоциональное состояние воина также можно зафиксировать визуально, поскольку казак может плакать, лить слезы (*з очей слезы льются*), склонять / класть голову.

Соматические компоненты *голова, грудь* могут актуализировать смысловой компонент *смерть*. Метафорический образ *назад ноги гнуться* выражает печаль казаков, покидающих родную землю.

Перцептивный образ создается и лексемами, обозначающими звуки: *выкликае, сказав, называе, засвистали, свиснул*.

Образный уровень концепта включает метафорические и символические признаки *казак – сокол, казаки – орлы, казак – соловей, черноморцы – черные галки, казаки – сыны доброй воли, казаки – дети, казак – явир (клен)*.

Ценностный уровень характеризуется высокой актуальностью концепта, выраженной в разнообразии номинаций, а также мелиоративной оценочностью, актуализированной с помощью эпитетов *молодой, молодэнькый, славный, бравый* и притяжательным местоимением *наш*.

8. В текстах исторических песен черноморских казаков специфически отражается концептуализация понятия *свое / чужое пространство*, а именно как психологически сложный процесс отчуждения прежнего *своего* пространства и освоения нового, *чужого*. Границей между этими двумя меняющимися в сознании казачества свой статус пространствами выступает река Кубань.

9. В исторических и военно-бытовых песнях линейных казаков представлен идеальный мир службы, центральным субъектом которого является сам казак. При этом казак является частью военного сообщества, а казачьи воинские подразделения частью большого армейского организма. На понятийном уровне в концепт казак входят следующие дополнительные смыслы: *‘субъект военного сообщества’, ‘субъект речевой и песенной деятельности’, ‘субъект эмоционального переживания’, ‘тот, кто перемещается’, ‘тот, кто героически сражается’, ‘тот, кто хранит память о подвигах дедов и отцов’, ‘тот, кто проявляет смирение перед властью’, ‘тот, кто доверяет власти’, ‘тот, для кого вера, отечество и власть неразделимы’, ‘тот, кто готов умереть за свои ценности’, ‘тот, для кого пространство боя – “свое” пространство’, ‘тот, для кого настоящее,*

будущее и прошлое – это “свое” время’, ‘тот, для кого служба – главный приоритет в жизни’, ‘тот, кто проецирует гармоничный мир семьи на мир службы’.

Визуальный образ казака создается с помощью соматических компонентов: *грудь* (11 с/у), *сердце* (4 с/у), *голова* (4 с/у), *руки* (3 с/у), *лицо* (2 с/у), *тело* (2 с/у), *ноги* (1 с/у), воплощающих представление о смерти, ранении, опасности, сражении. Образ *‘белый крестик на груди’* эксплицирует два дополнительных смысла: *‘казак – герой’, ‘казак – воин Христов’*. Перцептивный образ казака дополняют и изображения военной формы: *черная бурка* (10 с/у), *шапка* (5 с/у), *белый баишык* (1 с/у), *папаха* (1 с/у), *черкеска* (1 с/у), *мундир* (1 с/у), *штаны* (1 с/у). Самым частотным является образ бурки, которая символизирует смерть в бою, отдых казака, а также является предметом сравнения в метафоре *бурка – дом*. Упавшая с головы шапка символизирует смерть, шапка может метонимически обозначать самого казака.

В перцептивные представления о казаке входит и группа лексем, обозначающих индивидуальное оружие казака: *шашка* (22 с/у), *ружье* (9 с/у), *штык* (7 с/у), *винтовка* (6 с/у), *пика* (3 с/у), *сабля* (3 с/у), *меч* (3 с/у), *приклад* (1 с/у). Шашка становится предметом сравнения в метафоре *шашка – свашка*, а ружье и винтовка метафорически сопоставляются с верным другом. В перцептивный визуальный образ входят и изображения коня, его упряжи.

Звуковая характеристика казака реализована с помощью глаголов, обозначающих речевую деятельность (около 36: *кричали, грянули, речь сказал, промолвил, гаркнешь* и т. д.), а также пение (около 5: *песни распевают*).

Образный уровень концепта КАЗАК также включает в себя следующие метафорические признаки: *‘казак – орел’, ‘казаки – соколы’, ‘казаки – дети’, ‘казаки – братья’, ‘казаки – невеста’, ‘казаки – сыны’, ‘казаки – цыгане’*. В основе сопоставления казака и птиц лежит независимость, красота и сила орла и сокола, основанием для сопоставления казака с именованиями родственников лежит чувство любви и уважения, которые испытывают казаки

к командиру и царю. В основе сопоставления казаков и цыган лежит походный образ жизни воинов.

Ценностный компонент концепта включает в себя мелиоративную оценку воинов, эксплицированную эпитетами *славные, лихие, удалые, brave, невстрашимые*, а также оценочными существительными *удальцы, молодцы*. Казак находится в состоянии переживания в основном положительно окрашенных эмоций: гордость за родину, бесстрашие, восхищение командиром, в то же время он тоскует по дому и родным, близким людям. Детализация наименований казаков и воинов, частотность словоупотреблений вербальных экспликаторов концепта свидетельствуют о значимости и актуальности данного концепта в народном сознании.

10. Мир семьи, по которой казак скучает, проецируется на мир службы. В гармонично устроенном своем служебном пространстве доминируют позитивно окрашенные эмоции (радость, веселье, восхищение, любовь, уважение), доминанты служебного мира названы терминами родства, что говорит о главенстве в мировоззрении казаков двух пересекающихся *'своих'* миров: мира службы и мира семьи.

11. Субъектом служебного мира является не единичный персонаж, а монолитное множество, выраженное местоимением *мы*, собирательными существительными (*казацтво*), субстантивными формами (*наши*), преобладанием номинативов в форме множественного числа (*казаки, казаченьки, кубанцы, закавказцы, лабинцы и т.д.*).

12. В концепт КАЗАК включены представления о Родине, вере, власти. *Родина – вера – власть* составляют единый концепт, в который также входят семантические компоненты *'смерть за Родину'*, *'храбрость в бою'*, *'сохранение славы дедов и отцов'*, *'честь и слава Отечества'*, *'смирение перед властью'*. Неразделение данных понятий позволяет казачьим песням вызывать и воспитывать глубокое патриотическое чувство.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящей научной работе были дополнены основные понятия терминологического аппарата лингвокультурологии, необходимые для данного исследования: *языковая картина мира, региональная языковая картина мира, композитивный концепт, компонент-концепты, понятийный, образный и ценностный уровни концепта* и другие. Было выявлено, что сложное многоуровневое ментальное образование СВОЙ МИР является композитивным концептом, включающим в себя вариативный ряд доминантных конкретных концептов, репрезентирующих представления о *своем*. Понятие СВОЙ МИР шире понятия СЕМЬЯ, в него входят не только представления о кровно связанных родных и близких людях, но и представления о тех, с кем человек связан в своей сфере деятельности, о том, что окружает человека в его повседневной жизни, в понятие СВОЙ МИР входят также представления об определенном времени и ближайшем пространстве.

В диссертации была исследована понятийная составляющая композитивного концепта СВОЙ МИР и определены зоны его референции, выявлены входящие в него компоненты. Прежде всего это представления о семейном, родственном круге самых близких субъекту людей. Было установлено, что в ЯКМ кубанских казаков, отраженной в региональной фразеологии и фольклорном песенном дискурсе, основными доминантами своего мира выступают концепты КАЗАК, МАТЬ, ОТЕЦ, ДЕТИ, ЖЕНА, МУЖ, как наиболее актуальные концепты, репрезентированные большим количеством вербальных экспликаторов и в лексико-фразеологической системе, и в фольклорных песенных текстах.

Методика анализа композитивного концепта была дополнена и расширена на основе исследований Волгоградской школы лингвокультурологии. Были описаны понятийный, образный и ценностный

уровни компонент-концептов, входящих в композитивное ментальное образование СВОЙ МИР на основе региональной фразеологии и текстов песенного необрядового фольклора. Были сопоставлены данные, полученные при анализе фразеологических и песенных контекстов, выявлены наиболее значимые компоненты изучаемых концептов, определены специфические модели культурно-значимых отношений кубанских казаков.

Доказано, что в разных типах фольклорного дискурса концепты вбирают разные смысловые приращения. Так, концепт КАЗАК в лирических песенных текстах включает в себя представления о молодом свободном красивом мужчине, являющемся объектом или субъектом любви. В исторических и военно-бытовых песнях черноморских казаков концепт КАЗАК репрезентирован изображением тоски, печали и грусти по утраченной родине, а также вербальными экспликациями свободолюбивого непокорного нрава степных воинов. В песнях линейных казаков в концепт КАЗАК входят представления о войне как части единого военного содружества, защищающего идеалы и интересы своего Отечества. Фразеологические контексты репрезентируют казака как представителя кастового военного сословия, призванного на служение царю и Отечеству, человека трудной доли, терпеливо переносящего лишения и сложности военной походной жизни. В семейной обстановке фразеологические контексты репрезентируют казака как своевольного, ленивого человека, любителя выпить, что обусловлено ироничной самопрезентацией (см. Приложение 2, таблицы 16 – 18).

Концепт МАТЬ во фразеологии вбирает в себя представления о добром, заботливом, любящем человеке, необходимом и близком своим детям. В лирических песнях мать предстает прежде всего как защитница своего пространства, в песенных контекстах репрезентированы представления не только о хорошей матери, но и о плохой. В исторических и военно-бытовых песнях концепт МАТЬ включает в себя представления о необходимом человеке, который любит и ждет воина, провожает его в дорогу и первая встречает его на пороге своего дома. *Мать / матэ* является центром семьи,

она не теряет связи со взрослыми детьми, она может пересекать границы *своего мира*, чтобы навестить ребенка в чужом краю (см. Приложение 2, таблицы 1 – 3).

Во фразеологических контекстах *отец / батько* представлен не только как глава семьи, учитель, наставник, воспитатель сына, но и как старший по званию казак, главный человек, управляющий другими казаками. Концепт ОТЕЦ менее актуален в текстовых песенных репрезентациях мира семьи, но актуальность данного концепта возрастает в текстах, изображающих службу казака. Как во фразеологии, так и в песенных фольклорных контекстах *отцом, батькой* называют командира, атамана, старшего казака, *батюшкой* – царя или священника. Деда и отцы становятся символом славного исторического прошлого (см. Приложение 2, таблицы 4 – 6).

Концепт ДЕТИ во фразеологии включает в себя представления о беспомощных существах, являющихся объектом любви и заботы родителей. Дети могут приносить страдания и беды, при этом взрослые дети становятся защитой и опорой родителей. В фольклорных текстах, отражающих мир службы, казак скучает по детям на войне, однако в текстах, репрезентирующих мир семьи, дети изображаются как приносящие трудности, ограничивающие свободу молодой матери, как беспомощные существа, требующие заботы. Вышедшая замуж дочь сочувствует матери, женатый сын зачастую противодействует матери, защищая свою жену. Незаконнорожденные дети являются позором для всей семьи, что отражается как во фразеологии, так и в песенных фольклорных текстах (см. Приложение 2, таблицы 7 – 9).

Концепты МУЖ и ЖЕНА тесно связаны между собой, при этом как во фразеологии, так и в фольклорных текстах выявлена высокая значимость жены в жизни женатого казака. Жена вместе с родителями провожает казака на войну, нередко именно жена получает весть о гибели казака, по жене казак скучает на войне. Ценностный уровень концепта ЖЕНА содержит представления как о плохой, так и о хорошей жене. Для жены муж также является ценностью, при этом чаще изображается плохой, нелюбимый муж.

Однако даже плохой муж необходим жене. Концепт ЖЕНА отличается большей актуальностью, нежели концепт МУЖ, что обусловлено скорее всего тем, что фольклорные песни складывались в мужском военном сообществе (см. Приложение 2, таблицы 10 – 15).

Результаты исследования подтверждают, что в сознании кубанских казаков, отраженном во фразеологии и песенных фольклорных текстах, семейная иерархия отношений проецируется на мир службы. Мир гражданский и мир служебный в представлении казаков тесно связаны и пересекаются. Обретение семьи и Родины стало для казаков важным этапом формирования своего мира. Неразделение таких концептов, как ВЕРА, РОДИНА и ВЛАСТЬ позволяло с помощью исторических песен и фразеологических контекстов воспитывать глубокое патриотическое чувство, воодушевляющее на самоотверженное служение своему Отчеству и сохранение исторической памяти.

В перспективах дальнейшего исследования возможно выявление концептов, дополняющих доминанты своего мира (например, КУМ / КУМА, ДОМ), а также концептов, включающих представления о чужом пространстве (например, ВРАГ). Также представляется перспективным изучение композитивного концепта СВОЙ МИР в плане синхронной и диахронической открытости, разграничение компонент-концептов СВОЕГО МИРА в разные периоды истории. Перспективными также могли бы быть исследования структуры композитивного концепта СВОЙ МИР в ЯКМ различных лингвокультур.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Аглеева, З.Р.** Культурные коннотации колоремы "чёрный" / З.Р. Аглеева, М.Н. Булычева // Гуманитарные исследования. – 2013. – № 4(48). – С. 50-56.
2. **Аглеева, З.Р.** Лексическая субституция во фраземах разноструктурных языков / З.Р. Аглеева // Гуманитарные исследования. – 2021. – № 3(79). – С. 124-129.
3. **Алексеева, О.И.** Песенный фольклор как социокультурное явление народной художественной культуры / О.И. Алексеева // Песенный фольклор как социокультурное явление народной художественной культуры. – 2012. – Вып. 1. – С. 18-25.
4. **Алексеева, О.И.** Русская народная песня как этнокультурный концепт: автореферат дис. ... докт. филос. наук: 24.00.01 / Алексеева, Ольга Ивановна. – Белгород, 2006. – 26 с.
5. **Алефиренко, Н.Ф.** Идиоматический «камертон» когнитивно-прагматического регистра в языковой картине мира / Н.Ф. Алефиренко, Е.Г. Озерова, К.К. Стебунова и др. // Фразеология в языковой картине мира: когнитивно-прагматические регистры: сборник научных трудов по итогам 4-й Международной научной конференции по когнитивной фразеологии (г. Белгород, 26-27 марта 2019 года). – Белгород: ООО «Эпицентр», 2019. – С. 9 – 15.
6. **Алефиренко, Н.Ф.** Спорные проблемы семантики. – М.: Гнозис, 2005. – 326 с.
7. **Алефиренко, Н.Ф.** Фразеология и паремиология / Н.Ф. Алефиренко. – Москва : ФЛИНТА, 2018. – 344 с.
8. **Алиева, Т.В.** Языковые средства реализации концептуальной оппозиции «Свой – Чужой» в Британском политическом дискурсе: автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Алиева, Татьяна Владимировна. – Москва, 2013. – 28 с.

9. **Апресян, Ю.Д.** Избранные труды. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография. – М.: Языки русской культуры, 1995. – 512 с.
10. **Апресян, Ю.Д.** Образ человека по данным языка: попытка системного описания / Ю.Д. Апресян // Вопросы языкознания. – 1995а. № 1. С. 37- 67.
11. **Артеменко, Е.Б.** Фольклорное текстообразование и этнический менталитет / Е.Б. Артеменко // Традиционная культура. – 2001. № 2. С. 11-17.
12. **Аругюнова, Н.Д.** Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 896 с.
13. **Бабушкин, А. П.** Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка, их личностная и национальная специфика: диссертация ... докт. филол. наук: 10.02.19 / Бабушкин, Анатолий Павлович. – Воронеж, 1997. – 330 с.
14. **Байбурин, А.К.** Свое и чужое (пространственный аспект) / А. К. Байбурин // Ритуал в традиционной культуре. – Санкт Петербург: Наука, 1993. – 240 с.
15. **Балашова, Л.В.** Русская метафора. Прошлое. Настоящее. Будущее. – М.: Языки славянских культур, 2014. – 496 с.
16. **Балашова, Л.В.** Русская метафорическая система в развитии: XI — XXI вв. – М.: Рукописные памятники Древней Руси: Знак, 2014а. – 632 с.
17. **Балли, Ш.** Французская стилистика. – М.: Иностранная литература, 1961. – 394 с.
18. **Балясникова, О.В.** «Свой-чужой» в языковом сознании носителей русской и английской культур: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.19 / Балясникова, Ольга Вениаминовна, Москва. – 2003. – 224 с.
19. **Баранов, А.Н.** Аспекты теории фразеологии / А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский. – М.: Знак, 2008. – 656 с.

20. **Белецкая, Е.М.** Исторические песни линейных казаков Терека и Кубани (дореволюционный период): учебное пособие / Е.М. Белецкая, Н.Н. Великая. – Армавир: РИО АГПУ. – 2016. – 192 с.
21. **Белова, О.В.** Этнокультурные стереотипы в славянской народной традиции / О.В. Белова. – Москва: Индрик, 2005. – 288 с.
22. **Беляева, М.Ю.** Специфика ономастикона Кубани: монография / М.Ю. Беляева, Л.И. Сариаева, Е.Н. Трегубова / под общей ред. М.Ю. Беляевой. – Славянск-на-Кубани: Филиал Кубанского государственного университета в г. Славянске-на-Кубани, 2021. – 255 с.
23. **Бобунова, М.А.** Народно-поэтическая ономастика в аспекте фольклорной лексикографии / М.А. Бобунова, А.Т. Хроленко // Вопросы ономастики. – 2021. – Т. 18, № 1. – С. 85–112.
24. **Богатырев, П.Г.** Язык фольклора / П.Г. Богатырев // Вопросы языкознания. – 1973. – № 5. – С. 106–116.
25. **Болдырев, Н.Н.** Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций / Н. Н. Болдырев. – Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2014. – 236 с.
26. **Бондарь, Н.И.** Воины и хлеборобы (некоторые аспекты мужской субкультуры Кубанского казачества) / Н.И. Бондарь: [Электронный ресурс]. – Майкоп, 2002. Режим доступа: <http://ruplace.ru/knigi-teksty/108-voprosy-kazachej-istorii-i-kultury-2002/903-voiny-i-khleboroby-nekotorye-aspekty-muzhskoj-subkultury-kubanskogo-kazachestva.html> Проверено 17.11.21.
27. **Бондарь, Н.И.** К вопросу о традиционной системе ценностей кубанского казачества (Часть первая. XIX – начало XX века) / Н.И. Бондарь // Из культурного наследия славянского населения Кубани / Научн. ред., сост. Н.И. Бондарь. – Краснодар, КЭЦРО, 1999. – 304 с.
28. **Бондарь, Н.И.** Кубанское казачество (этносоциальный аспект) / Н.И. Бондарь // Кубанское казачество: история, этнография, фольклор: сб. научных статей / авт.-сост. Н. И. Бондарь. – Москва, 1995. – С. 5-48.

29. **Бондарь, Н.И.** Роль этнических процессов в формировании фольклора Кубани / Н. И. Бондарь // Современное состояние казачьей песенной традиции и проблемы ее изучения: тезисы научной конференции. – Москва, 1983. – С. 20-23.
30. **Борисова, О.Г.** Жилище человека как базовая ценность в языковом сознании казачества / О.Г. Борисова, Л.Ю. Костина // Концептуализация как процесс и его результаты: монография / Под ред. Л. А. Исаевой. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2008. – С. 151-169.
31. **Борисова, О.Г.** Лексика и фразеология современных кубанских говоров как макросистема: модель и её реализация: диссертация ... докт. филол. наук: 10.02.01 / Борисова Ольга Геннадьевна. – Краснодар, 2018. – 609 с.
32. **Борисова, О.Г.** Литературно-диалектная языковая личность как выразитель народно-речевой культуры / О.Г. Борисова, Л.Ю. Костина // Филология и человек. – 2020. – № 4. – С. 76-92.
33. **Борисова, О.Г.** Соматизмы в диалектной картине мира жителей Кубани: реализованные когнитивные возможности / О.Г. Борисова, Л.Ю. Костина // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки. – 2020а. – Т. 162, кн. 5. – С. 159-176.
34. **Брысина, Е.В.** Диалект через призму лингвокультурологии / Е. В. Брысина // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2, Языкознание. – 2012. – № 2 (16). – С. 51-56.
35. **Брысина, Е.В.** Духовная культура казачества: язык и образы: монография / Е.В. Брысина, В.И. Супрун. – Волгоград: ПринТерра-Дизайн, 2021. – 336 с.
36. **Брысина, Е.В.** Казачья песенная культура как феноменальное явление / Е.В. Брысина, В.И. Супрун // Российская фольклористика и диалектология на современном этапе: Сборник научных статей, Чебоксары, 26 ноября 2020 года / Отв. редакторы М.И. Журина, Т.Н. Юркина. – Чебоксары: Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева, 2020. – С. 30-34.

37. **Брысина, Е.В.** Этнолингвокультурологические основы диалектной фраземики Дона: автореферат дис. ... докт. филол. наук: 10.02.01 / Брысина Евгения Валентиновна. – Волгоград, 2003. – 45 с.
38. **Бурдун, С.В.** Бог как покровитель своего мира (на материале кубанской фразеологии) / С.В. Бурдун // Исследовательские парадигмы в современной филологии. Материалы всероссийской научной конференции. – Краснодар. –2020. – С. 5-13.
39. **Бурдун, С.В.** Концепты МАТЬ, ОТЕЦ, ДЕТИ как репрезентанты мира «своих» (на материале кубанской фразеологии) / С.В. Бурдун // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота. – 2020. – Том 13, выпуск 4. – С.13-18.
40. **Буянова, Л.Ю.** Русский фразеологизм как ментально-когнитивное средство языковой концептуализации сферы моральных качеств личности / Л.Ю. Буянова, Е.Г. Коваленко. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2013. – 184 с.
41. **Васильев, И.Ю.** Роль горцев Северного Кавказа в формировании системы культурных ценностей кубанских казаков // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://slavakubani.ru/kazachestvo/cossack-identify/moral-values/rol-gortsev-severnogo-kavkaza-v-formirovanii-sistemy-kulturnykh-tsennostey-kubanskikh-kazakov/> Проверено 17.11.21.
42. **Вежбицкая, А.** Понимание культур через посредство ключевых слов / А. Вежбицкая. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 288 с.
43. **Вежбицкая, А.** Языковая картина мира как особый способ репрезентации образа мира в сознании человека / А. Вежбицкая // Вопросы языкознания. – 2000. – № 6. – С. 33-38.
44. **Венедиктов, Г.Л.** Внелогическое начало в фольклорной поэтике / Г.Л. Венедиктов // Проблемы художественной формы. Русский фольклор. – Л.: Наука, 1974. – Том 14. – С. 219-238.
45. **Веренич, Т.М.** Черты национального характера во фразеологической картине мира (на материале французского и русского языков) /

- Т.М. Варенич // Филология и лингвистика в современном обществе. – М.: Ваш полиграфический партнер, 2012. – С. 51-53.
46. **Виноградов, В.В.** Об основных типах фразеологических единиц в русском языке / В.В. Виноградов // Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М.: Наука, 1977. – С. 140-161.
47. **Воркачев, С.Г.** Культурный концепт и значение / С.Г. Воркачев // Труды Кубанского государственного технологического университета. Сер. Гуманитарные науки. – Т. 17, вып. 2. – Краснодар, 2003. – С. 268-276.
48. **Воркачев, С.Г.** Лингвокультурный концепт: типология и области бытования / С.Г. Воркачев. – Волгоград: ВолГУ, 2007. – 400 с.
49. **Воркачев, С.Г.** Российская лингвокультурная концептология как научное направление / С.Г. Воркачев // Мир в языке и культуре: доклады XXVIII осенней школы и XXVIII международной научной конференции. Сер. Концептуальный и лингвальный миры. – 2017. – С. 5 – 14.
50. **Воркачев, С.Г.** Постулаты лингвоконцептологии / С. Г. Воркачев // Антология концептов. / Под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. – Волгоград: Парадигма, 2005. – Т. 1. – С. 10-13.
51. **Воробьев, В.В.** Лингвокультурология (теория и методы): монография / В.В. Воробьев. – М.: Издательство РУДН, 1997. – 331 с
52. **Воронин, В.В.** Отец в семье кубанских казаков: статус и функции. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.yuga.ru/articles/society/4344.html> Проверено 17.11.21.
53. **Выходцева, И.С.** Концепт СВОЙ – ЧУЖОЙ в советской словесной культуре: 20-30-е гг.: диссертация ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Выходцева, Ирина Сергеевна. – Саратов, 2006. – 186 с.
54. **Грязнова, В.М.** Специфика семантической структуры существительных с мелиоративной оценкой в сигнификативно-денотативном компоненте прямого значения в современном русском языке / В.М. Грязнова, А.Н. Мамедова // Гуманитарные и юридические исследования. – 2021. – № 1. – С. 195-203.

55. **Грязнова, В.М.** Специфика словообразования местоименной лексики в говоре старообрядцев казаков-некрасовцев Ставропольского края / В.М. Грязнова // Гуманитарные и юридические исследования. – 2020. – № 2. – С. 182-187.
56. **Гумбольдт, В. фон.** Язык и философия культуры / В. Гумбольдт. – М.: Прогресс, 1985. – 452 с.
57. **Гутовская, М. С.** Фразеологическая картина мира: ее свойства и принципы исследования / М.С. Гутовская // Весн. БДУ. Сер. 4, Філалогія. Журналістыка. Педагогіка. – 2016. – № 3. – С. 41-48.
58. **Добровольская, Е.В.** Концептуализация семьи в русской языковой картине мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Добровольская, Елена Валерьевна. – Томск. – 2005. – 24 с.
59. **Дрыга, С. Г.** Концепт «путь» в русской языковой картине мира: диссертация ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Дрыга, Светлана Геннадьевна. – Краснодар, 2010. – 241 с.
60. **Евгеньева, А.П.** Очерки по языку русской устной поэзии в записях XVII – XX вв. / А.П. Евгеньева. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1963. – 348с.
61. **Евгеньева, А. П.** Язык русской устной поэзии / А. П. Евгеньева // Труды отдела древнерусской литературы.– Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1949. – Том VII. – С. 168-211.
62. **Епатко, Т.А.** Лексико-семантическая реализация образа огнестрельного оружия в кубанских казачьих песнях / Т.А. Епатко // Перспективы развития современных гуманитарных наук. / Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции г. Воронеж. – 2015. – № 2. – С. 127-128.
63. **Епатко, Т.А.** Лексико-семантическая экспликация коня как атрибута казака в кубанских казачьих песнях / Т.А. Епатко // Перспективы развития современных гуманитарных наук. / Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции г. Воронеж. – 2016. – № 3. – С 31-34.

64. **Епатко, Т.А.** Особенности лексической репрезентации концепта КОНЬ в кубанском фразеологическом фонде / Т.А. Епатко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота. –2020. – № 4. – С. 19 -24.
65. **Епатко, Т.А.** Поэтизация образа холодного оружия при экспликации военных мотивов в кубанских казачьих песнях / Т.А. Епатко // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии: материалы LIV международной научно-практической конференции. – Новосибирск, 2015. – № 11 (54). – С. 183-189.
66. **Епатко, Т.А.** Поэтизация образа холодного оружия при экспликации военных мотивов в кубанских казачьих песнях / Т. А. Епатко // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии: материалы LIV международной научно-практической конференции. – Новосибирск, 2015а. – № 11 (54). – С. 183-189.
67. **Еремина, В.И.** Специфика художественного образа в песнях земледельческого календаря / В. И. Еремина // Русский фольклор: материалы и исследования. – Ленинград: Наука, 1974. – Т. XIV. Проблемы художественной формы. – С. 61-73.
68. **Железнова, Ю.В.** Лингвокогнитивное и лингвокультурное исследование концепта «семья»: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Железнова, Юлия Владимировна. – Ижевск, 2009. – 27 с.
69. **Жолковский, А.К.** К описанию выразительной структуры паремий (разбор одной сомалийской пословицы) / А.К. Жолковский // Паремииологический сборник: пословица, загадка: структура, смысл, текст / Под ред. Г. Л. Пермякова. – Москва: Наука, 1978. – С. 136-162.
70. **Запорожская Сечь** // Большая российская энциклопедия // [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://bigenc.ru/military_science/text/3866517 Проверено 17.11.21.

71. **Захарченко, В.Г.** От составителя / В. Г. Захарченко // Народные песни Кубани: сборник: в 2-х вып. – Краснодар: Краснодарское книжное издательство, 1987. – Вып. 1. – С. 5-8.
72. **Золотых, Л.Г.** Взаимодействие фразеологической семантики и семиотических средств культуры / Л.Г. Золотых // Когнитивные факторы взаимодействия фразеологии со смежными дисциплинами. – Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2013. – С. 70-75.
73. **Иванов, В.В.** Топоров В.Н. Славянские языковые моделирующие семиотические системы (древний период) / В.В. Иванов, В.Н. Топоров. – М.: Наука, 1965. – 247 с.
74. **Ильясов, В.С.** Фразеология как способ репрезентации языковой картины мира (на материале фразеосемантического поля «питание» в русском и арабском языках): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Ильясов, Вадим Садыкович. – Саратов, 2019. – 398 с.
75. **Исаева, Л.А.** Концептуализация понятия «женщина» во фразеологии и песенном творчестве кубанских казаков / Л. А. Исаева, Е. В. Сафонова // Концептуализация как процесс и его результаты: монография / Под ред. Л. А. Исаевой. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2008а. – С. 169-179.
76. **Исаева, Л.А.** О соотношении понятий «концептуализация», «стереотипизация» и «прецедентизация» / Л. А. Исаева // Культурная жизнь Юга России. – Краснодар, 2012. – № 2 (45). – С. 58-60.
77. **Исаева, Л.А.** Особенности концептуализации в общезыковой и индивидуально-авторской картинах мира / Л. А. Исаева, С. Г. Дрыга // Концептуализация как процесс и его результаты: национально-культурные и индивидуально-авторские особенности / Под ред. Л. А. Исаевой. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2008. – С. 3-13.
78. **Карасик, В.И.** Базовые характеристики лингвокультурных концептов / В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин // Антология концептов. / Под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. – Волгоград: Парадигма, 2005. – Т. 1. – С. 13-15.

79. **Карасик, В.И.** Иная ментальность / В. И. Карасик, О. Г. Прохвачева, Я. В. Зубкова, Э. В. Грабарова. – Москва: Гнозис, 2005а. – 352 с.
80. **Карасик, В.И.** Лингвоконцептология / В.И. Карасик, Н.А. Красавский, Г.Г. Слышкин. – Волгоград: Перемена, 2014. – 103 с.
81. **Карасик, В.И.** Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
82. **Караулов, Ю.Н.** Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – М., 1987. – 261 с.
83. **Карташова, Т.А.** Лирические песни донских малороссов и кубанских казаков. К проблеме соотношения традиций / Т.А. Карташова // Дикаревские чтения (8). Материалы региональной конференции. Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Северного Кавказа за 2001 год. – 2002. – С. 41-51.
84. **Качинская, И.Б.** Термины родства и языковая картина мира (по материалам архангельских говоров) / И.Б. Качинская. – М.: Индрик, 2018. – 288 с.
85. **Китанова, М.** Семантическая оппозиция «свой – чужой» в болгарской терминологии родства / М. Китанова // Славянский мир в третьем тысячелетии. – Москва. – 2013. – С. 150-194.
86. **Климас, И.С.** Фольклорная лексикология: своеобразие объекта, состав единиц, специфика лексикологических категорий: диссертация ... докт. филол. наук: 10.02.01 / Климас Ирина Сергеевна. – Курск, 2005. – 408 с.
87. **Климкова, Л.А.** Нижегородская микротопонимия в языковой картине мира: автореферат дис. ... докт. филол. наук: 10.02.01 / Климкова Людмила Алексеевна. – Москва, 2008. – 66 с.
88. **Колесов, В.В.** Мир человека в слове Древней Руси / В.В. Колесов. – Л.: Издательство ЛГУ, 1986. – 312 с.
89. **Колшанский, Г.В.** Объективная картина мира в познании и языке. – М.: Наука, 1990. – 103 с.

90. **Кондрашова, О.В.** Дом и семья в исторических и военно-бытовых казачьих песнях / О. В. Кондрашова, И. В. Шельдешова // Этнокультурная составляющая лингвистического и педагогического дискурса: материалы Всероссийской научной конференции. – Славянск-на-Кубани, 2008. – С. 95-100.
91. **Кондрашова, О.В.** Лексемы «семья, род, родина» в исторических и военно-бытовых песнях линейных казаков / О. В. Кондрашова, И. В. Шельдешова // Язык и культура региона как составляющие образовательного пространства: материалы III Международной научно-практической конференции. – 2020. – С. 259-266.
92. **Кондрашова, О.В.** Ограничивающая семантика лексемы «свой» (по толковому словарю В. И. Даля) / О.В. Кондрашова, И.В. Шельдешова // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Филология и искусствоведение». – 2018. – № 4. – С. 47 – 55.
93. **Кондрашова, О.В.** Семантика поэтического слова: функционально-типологический аспект / О. В. Кондрашова. – Краснодар: Кубанский государственный ун-т, 1998. – 270 с.
94. **Кондрашова, О.В.** Характеризующие существительные в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Кондрашова О.В. – Ленинград, 1985. – 219 с.
95. **Корнилов, О.А.** Языковые картины мира как производные национальных менталитетов – М.: ЧеРо, 2003. – 349с.
96. **Костомаров, Н.И.** Славянская мифология / Н. И. Костомаров. – Москва: Чарли, 1994. – 688 с.
97. **Кострубина, Е.А.** Типы концептов: гиперконцепт семья-дом / Е.А.Кострубина // Вестник Пермского ун-та. Российская и зарубежная филология. – вып. 6 (12). – 2010. – С. 51-57
98. **Красных, В.В.** «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В. Красных. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 375 с.

99. **Кубрякова, Е.С.** Концепт / Е.С. Кубрякова, В.З Демьянков, Ю.Г. Панкрац // Краткий словарь когнитивных терминов. – М., 1996. – С. 3-6.
100. **Кубрякова, Е.С.** Роль словообразования в формировании языковой картины мира / Е.С. Кубрякова // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. – Москва: Наука, 1988. – С. 141-172.
101. **Кубрякова, Е.С.** Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова. – Москва: Языки славянской культуры, 2004. – 555 с.
102. **Кузнецова, А.В.** Метатекст в художественном тексте: прагматика и функции / А.В. Кузнецова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2020. – Т. 13. – № 9. – С. 265-269.
103. **Лазутин, С.Г.** Поэтика русского фольклора: Учеб. пособие для филол. фак. ун-тов. – М.: Высш. Школа, 1981. – 221 с.
104. **Лаптева, М.Л.** «Свое» и «Чужое» в когнитивно-дискурсивном пространстве русской фраземики: дис. ... докт. филол. наук: 10.02.01 / Лаптева Мария Леонидовна. – Астрахань, 2013. – 536 с.
105. **Лебедева, Л.А.** Коммуникативно-прагматические функции устойчивых сравнений / Л.А. Лебедева // Коммуникативно-прагматические аспекты фразеологии. – Волгоград, 1999. – С. 199-200.
106. **Литус, Е.В.** Лексема *мать* в контрастивном словаре народных песен казаков Кубани (опыт составления словарной статьи) / Е. В. Литус // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2019. – Т. 12. Вып. 2. – С. 188-193.
107. **Литус, Е.В.** Лингвокультурная специфика портретной детали в народных песнях Кубани / Литус Е.В. // Ресурс региона: Экологический аспект науки, культуры, образования. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – 2017. – С. 69-73.
108. **Лиханова, Н.А.** Региональная картина мира в теории этнолингвистики / Н.А. Лиханова // Интерпретация текста. Лингвистический,

- Литературоведческий и методический аспекты / Материалы X Международной научной конференции. – Издательство: Забайкальский государственный университет (Чита), 2017. – С. 195-199.
109. **Мазай, Н.И.** Семантическое поле «род» в русском фольклоре: былины, лирические песни, поговорки: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Нина Игоревна Мазай. – Красноярск, 2008. – 232 с.
110. **Мануйлов, А.Н.** Роль этнических процессов в формировании фольклора Кубани / А.Н. Мануйлов // Кубанское казачество: история, этнография, фольклор: сб. научных статей / авт.-сост. Н. И. Бондарь. – Москва, 1995. – С. 273-327.
111. **Мартыненко, Л. Б.** Устойчивость и изменения композиции народных лирических песен кубанского казачества / Л. Б. Мартыненко // Современное состояние казачьей песенной традиции и проблемы ее изучения: тезисы научной конференции. – Москва, 1983. – С. 28-29.
112. **Мартыненко, Л.Б.** Современное бытование песен черноморских казаков на Кубани / Л.Б. Мартыненко // Запорожжя в історії та культурі. Запорожжє, 1991. С. 83–84.
113. **Маслова, В. А.** Когнитивная лингвистика / В. А. Маслова. – Минск: ТетраСистемс, 2005. – 256 с.
114. **Маслова, В. А.** Лингвокультурология / В. А. Маслова. – Москва: Академия, 2001. – 208 с.
115. **Матвеев, О.В.** «В жизни тот один достоин». Православная Сербия в исторической картине мира кубанского казачества / О.В. Матвеев // Традиции и современность. – №6. – 2007. – С. 70-79.
116. **Матвеев, О.В.** Историческая картина мира кубанского казачества (конец XVIII – начало XX вв.): категории воинской ментальности / О. В. Матвеев. – Краснодар: Кубанькино, 2005. – 418 с.
117. **Матвеева, М.В.** Концепт СЕМЬЯ и его репрезентация в русском языке: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Матвеева, Мария Владимировна. – Тамбов, 2007. – 249 с.

118. **Мелетинский, Е.М.** К вопросу о применении структурно-семиотического метода в фольклористике / Е.М. Мелетинский // Семиотика и художественное творчество. – М.: Наука, 1977. – С. 152-170.
119. **Меркулова, А.Г.** Концептуальная организация картины мира кубанских заговоров / А. Г. Меркулова // Концептуализация как процесс и его результаты: монография / Под ред. Л. А. Исаевой. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2008. – С. 180-190.
120. **Мичева-Пейчева, К.** Оппозиция «свой/чужой» в классических древнеболгарских произведениях / К. Мичева-Пейчева // Славянский мир в третьем тысячелетии. – Москва. – 2013. – С. 130-150.
121. **Морозова, Т.И.** Гендерные характеристики диалектной картины мира донского казачества: дис. ... канд. филол. наук 10.0201 / Морозова, Татьяна Владимировна. – Волгоград. – 2015. – 212 с.
122. **Ненькина, Е.В.** Вербализация пространственных отношений в донских говорах как отражение этнокультурного сознания казачества: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Ненькина Елена Вячеславовна. – Волгоград. – 2012. – 24 с.
123. **Нефедова, Е. А.** О региональных вариантах русской национальной картины мира / Е.А. Нефедова // Язык и метод: Русский язык в лингвистических исследованиях XXI века. Лингвистический анализ на грани методологического срыва. – Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego Kraków. – Т. 2. – 2015. – С. 257-264.
124. **Никитина, С.Е.** «Свое – Чужое» в языке и культуре русских конфессиональных групп // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/svoe-chuzhoe-v-yazyke-i-kulture-russkih-konfessionalnyh-grupp> Проверено 17.11. 21.
125. **Никитина, С.Е.** О концептуальном анализе в народной культуре / С.Е. Никитина // Логический анализ языка. Культурные концепты: сб. / Под ред. Н. Д. Арутюновой. – Москва: Наука, 1991. – С. 117-123.

126. **Никитина, С.Е.** Отец в своём доме (на материале текстов духовных стихов) / С.Е. Никитина // Слово и культураэ – М.: Индрик, 1998. –Т. 2. – С. 138-147.
127. **Никитина, С.Е.** Устная народная культура и языковое сознание / С.Е. Никитина. – Москва: Наука, 1993. – 187 с.
128. **Огдонова, Ц.Ц.** Проблема типологии концептов в современной лингвистике / Ц.Ц. Огдонова // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. – 2011. – Вып. 11. № 10. – С.40-47.
129. **Оссовецкий, И.А.** О языке русского традиционного фольклора / И. А. Оссовецкий // Вопросы языкознания. – 1975. – № 5. – С. 66-77.
130. **Павиленис, Р.И.** Проблема смысла. Логико-функциональный анализ языка / Р.И. Павиленис. –М.: Мысль, 1983. – 286 с.
131. **Пеньковский, А.Б.** Очерки по русской семантике / А.Б. Пеньковский. – М.: Яз. слав. культуры, 2004. – 460 с.
132. **Петроченко, М.Н.** Семантический компонент «свой / чужой» в фольклорном и диалектном бытовом текстах: дисс. ... к. филол. н. Томск, 2005. 227 с.
133. **Пименова, М.В.** Методология концептуальных исследований / М.В. Пименова // Антология концептов. / Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. – Волгоград: Парадигма, 2005. – Т. 1. – С. 15-19.
134. **Попова, З.Д.** Основные черты семантико-когнитивного подхода к языку / З. Д. Попова, И. А. Стернин // Антология концептов. / Под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. – Волгоград: Парадигма, 2005. – Т. 1. – С. 7-10.
135. **Попова, З.Д.** Семантико-когнитивный анализ языка / З.Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2007. – 250 с.
136. **Попова, З.Д.** Стернин И. А. Когнитивная лингвистика: учеб. пособ. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. – 314 с.
137. **Порядина, Р.Н.** «Лики» чужого в народной культуре / Р.Н. Порядина // Вестник Томского государственного университета, 2007. – № 295. – С. 44-50.

138. **Порядина, Р.Н.** О семантической категории «свойственности» в русском языке / Р.Н. Порядина // Картина мира: модели, методы, концепты. / Материалы Всероссийской междисциплинарной школы молодых учёных. – Томск: Изд-во ТГУ, 2002. – С. 74-80.
139. **Постовалова, В.И.** Картина мира в жизнедеятельности человека / В.И. Постовалова // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Отв. ред. Б.А. Серебрянников. – М.: Наука, 1988. – С. 8-86.
140. **Потебня, А.А.** Символ и миф в народной культуре / А.А. Потебня. – Москва: Лабиринт, 2000. – 480 с.
141. **Праведников, С.П.** О территориальных особенностях исторических песен Терека (статья) / С.П. Праведников, И.А. Степанова // Лингвофольклористика. Выпуск 10: Сборн. науч. статей. – Курск: Изд-во КГУ, 2006. – С. 28-45.
142. **Праведников, С.П.** Основы фольклорной диалектологии / С.П. Праведников. – Курск : Изд-во Курск. гос. ун-та, 2010. – 231 с.
143. **Праведников, С.П.** Устно-поэтическое слово как объект изучения фольклорной диалектологии / Праведников С.П // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. – 2010. – № 2. – С. 53-56.
144. **Приходько, А.Н.** Концепты и концептосистемы / А.Н. Приходько. – Днепропетровск: Белая Е.А., 2013. – 307 с.
145. **Пропп, В.Я.** Русский героический эпос / В.Я. Пропп. – Москва: Лабиринт, 1999. – 640 с.
146. **Пропп, В.Я.** Фольклор и действительность / В.Я. Пропп. // Русская литература. – 1963. – №3. – С. 62-84.
147. **Путилов, Б.Н.** О некоторых проблемах изучения исторической песни // Русский фольклор. Материалы и исследования / Б.Н. Путилов. – Т. 1. – М. – Л., 1956. – С. 63-77.
148. **Путилов, Б.Н.** Фольклор и народная культура / Б. Н. Путилов. – Санкт-Петербург: Наука, 1994. – 239 с.

149. **Радченко, О.А.** Закуткина Н.А. Диалектная картина мира как идиоэтнический феномен / О.А. Радченко, Н.А. Закуткина // Вопросы языкознания. – 2004. – № 6. – С. 25-48.
150. **Рамазанова, Ш.** Концепт «Крымская война» в русском языковом сознании второй половины XIX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Рамазанова, Шелале. – Москва, 2012. – с.20.
151. **Рахмат, А.** Концепт СЕМЬЯ в русской паремике: лингвокультурологический аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Рахмат, Ани. – Санкт-Петербург, 2013. – с.24.
152. **Рубакова, И.И.** Концепты «пространство» и «время» в фольклорном жанре русской частушки: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Рубакова Инна Игоревна. – Москва, 2019. – 164 с.
153. **Рублева, О.Л.** К типологии концептов / О.Л. Рублева. – Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2013. – Т. 12. – Вып. 9. – С. 5-8.
154. **Рухленко, Н.Н.** Концепт «семья» в жанре семейных родословных: автореф. канд. филол. наук: 10.02.01 / Рухленко Нина Николаевна. – Белгород, 2005. – 22 с.
155. **Сахно, С.Л.** «Свое – чужое» в концептуальных структурах / С.Л. Сахно // Логический анализ языка: культурные концепты. – М.: Наука, 1991. – С. 95-101.
156. **Сегал, Н.А.** Категоризация мира в языке политики (на материале когнитивных доминант ПРОСТРАНСТВО – НАПРАВЛЕНИЕ – ДВИЖЕНИЕ): дис. докт. филол. наук: 10.02.01 / Сегал Наталья Александровна. – Краснодар, 2019. – 424 с.
157. **Сепир, Э.** Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э.Сепир. – М.: Прогресс, 1993. – 656 с.
158. **Серебренникова, А.Н.** Диалектное слово с семантикой «свойственности»-«чуждости» (лингвокультурологический аспект): дис.

- ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Серебренникова, Анна Николаевна. – Томск, 2005. – 213 с.
159. **Сироткина, Т.А.** Категория этничности и локальная картина мира / Т.А. Сироткина // Вестник Челябинского государственного педагогического ун-та. – 2008. – № 12. – С. 116-120.
160. **Скрыльникова, А.Ю.** Категориальная и лингвокультурологическая сущность чуждости в русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Скрыльникова, Анна Юрьевна. – Елец, 2008. – 28 с.
161. **Слышкин, Г.Г.** Лингвокультурные концепты и метаконцепты: дис. ... докт. филол. наук: 10.02.19 / Слышкин Геннадий Геннадьевич. – Волгоград, 2004. – 323 с.
162. **Степанов, Ю.С.** Константы. Словарь русской культуры / Ю.С. Степанов. – Москва: Академический проект, 2004. – 992 с.
163. **Степанова, И.А.** Жанровое своеобразие лексикона русской исторической песни: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Степанова Ирина Александровна. – Курск, 2004. – 212 с.
164. **Стернин, И.А.** Методика исследования структуры концепта / И.А. Стернин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: сб. статей / Под ред. И.А. Стернина. – Воронеж: ВГУ, 2001. – С. 58-65.
165. **Стоянова, Е.** Языковая личность и восприятие мира в терминах дихотомии «свой – чужой» (на материале русской и болгарской фразеологии с компонентом 'дом') / Е. Стоянова // Verbum. – № 5. – 2014. – С. 195-204.
166. **Супрун, В.И.** Континуальность общенародного русского языка: диалекты – социолекты – городская речь – региолекты / В.И. Супрун // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2021. – № 6(159). – С. 91-98.
167. **Телия, В.Н.** Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н. Телия. – Москва: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.

168. **Тимощенко, С.А.** Лексико-семантическая экспликация концепта ДОМ в русской фразеологии и художественных текстах: диссертация ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Тимощенко Светлана Алексеевна. – Краснодар, 2007. – 226 с.
169. **Торопова, Л.С.** Эпическая и внеэпическая традиция в исторических песнях о Платове // Проблемы изучения русского народного поэтического творчества. Респ. межвед. сб. – М., 1980. – С. 36-49.
170. **Трегубова, Е.Н.** Диалектный словарь обрядовой лексики как лексикографический источник изучения региональной культуры: к вопросу о формировании лингвокультурологической компетенции школьника / Е. Н. Трегубова // Этнокультурная составляющая лингвистического и педагогического дискурса: материалы Всероссийской научной конференции. – Славянск-на-Кубани, 2008. – С. 104-115.
171. **Трегубова, Е.Н.** Кубанский лингвокультурный дискурс «кулинария» и его особенности / Е.Н. Трегубова, С.А. Корниенко, Н.Н. Красоткина // Язык, культура и образование в контексте этнической ментальности: материалы Всероссийской научной конференции. – Славянск-на-Кубани, 2004. – С. 108-112.
172. **Трегубова, Е.Н.** Кубанский лингвокультурный дискурс «рыбалка»: семантический и грамматический анализ / Е. Н. Трегубова, Т. А. Игнатенко // Язык, культура и образование в контексте этнической ментальности: материалы Всероссийской научной конференции. – Славянск-на-Кубани, 2004а. – С. 99-107.
173. **Трегубова, Е.Н.** Человек и стихия в диалектном метеодискурсе: коммуникотивно-прагматический анализ (по данным электронного корпуса диалектной культуры Кубани) / Е.Н. Трегубова // Альманах современной науки и образования. – Тамбов, 2016. – С. 134-137.
174. **Трущинская, А.С.** Лексико-фразеологическая объективация концепта "семья" в русском и английском языках: автореф. дис. ... канд. филол.

- наук: 10.02.19 / Трущинская, Александра Сергеевна. – Воронеж 2009. – 20 с.
175. **Трущинская, А.С.** Лексико-фразеологическая объективация концепта "семья" в русском и английском языках: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Трущинская, Александра Сергеевна. – Воронеж 2009а. – 208 с.
176. **Тубалова, И.В.** Ценностная картина мира традиционного и современного фольклора / И.В. Тубалова, Ю.А.Эмер // Картины русского мира: аксиология в языке и тексте / Колл. Монография / Отв. ред. З.И. Резановой. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. – 354 с.
177. **Уорф, Б.Л.** Наука и языкознание / Б.Л. Уорф // Новое в лингвистике. – вып. 1. – М.: Прогресс, 1960. – С. 169-183.
178. **Уфимцева, Н.В.** Языковое сознание: динамика и вариативность / Н.В. Уфимцева. – М., Калуга: Институт языкознания РАН, 2011. – 252 с.
179. **Финько, О.С.** Кросскультурный анализ лексемы коса в кубанских, русских и украинских народных песнях на материале контрастивного словаря / О.С. Финько // Филологические науки. Вопросы теории и практики: научный журнал. – Т. 13. – № 1. – Тамбов, 2020. – С. 320-323.
180. **Финько, О.С.** Обрядовая свадебная лексика в кубанских народных песнях / О.С. Финько // Этнокультурная составляющая лингвистического и педагогического дискурса: материалы Всероссийской научной конференции. – Славянск-на-Кубани, 2008. – С. 25-32.
181. **Финько, О.С.** Семейные обряды Кубани на фоне материнских традиций (этнолингвистический анализ) / О.С. Финько // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – № 11 (53): в 3 ч. – Тамбов, 2015. – С. 191-193.
182. **Финько, О.С.** Сопоставительный анализ лексики кубанского свадебного обряда в частушечном и песенно-лирическом жанрах / О.С. Финько // Этнокультурная составляющая лингвистического и педагогического дискурса: материалы Всероссийской научной конференции. – Славянск-на-Кубани, 2008а. – С. 33-42.

183. **Фролов, Б.Е.** Черноморское казачье войско // [Электронный ресурс].
Режим доступа: <http://www.slavakubani.ru/p-service/military-service/history-units/chernomorskoe-kazache-voysko/> Проверено 17.11.21.
184. **Хайруллина, Р.Х.** Фразеологическая картина мира: от мировидения к миропониманию / Р. Х. Хайруллина. – Уфа, 2008. – 300 с.
185. **Хроленко, А.Т.** Введение в лингвофольклористику / А. Т. Хроленко. – Москва: Флинта, 2010. – 190 с.
186. **Хроленко, А.Т.** Семантическая структура фольклорного слова / А.Т. Хроленко // Русский фольклор. – Ленинград: Наука, 1979. – Т. XIX: Вопросы теории фольклора. – С. 147-156.
187. **Хуан Тяньдэ.** Национально-культурная специфика оппозиции «Свой – Чужой» в языковом сознании русских и китайцев: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Хуан Тяньдэ. – Москва, 2017. – 200 с.
188. **Цибулькинова, А.А.** Казачки Кубани в конце XVIII – середине XIX в.: специфика повседневной жизни в условиях военного времени: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Цибулькинова Анастасия Александровна. – Армавир, 2004. – 32 с.
189. **Цивьян, Т.В.** Модель мира и ее лингвистические основы / Т.В. Цивьян. – М.: УРСС: КомКнига, 2006. – 280 с.
190. **Чалов, В.П.** Историко-лингвистический анализ фразеологии кубанского казачества, отражающей его историю, военный быт и духовную культуру: диссертация ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Чалов Валерий Павлович. – Москва, 1981. – 292 с.
191. **Шанский, Н.М.** Фразеология современного русского языка / Н. М. Шанский. – Санкт-Петербург: Специальная Литература, 1996. – 192 с.
192. **Шельдешова, И.В.** История и традиции в семейных преданиях кубанской станицы (на материале станицы Челбасской) / И. В. Шельдешова // Кубанские научные беседы: сб. научных трудов. – Курск – Славянск-на-Кубани, 2004. – С. 39-47.

193. **Шельдешова, И.В.** Семейные мемораты и предания как фактор нравственного развития личности / И.В. Шельдешова // Этнокультурная составляющая лингвистического и педагогического дискурса: материалы Всероссийской научной конференции. – Славянск-на-Кубани, 2008. – С. 100-104.
194. **Шмелев, А.Д.** В поисках мира и лада / Анна А. Зализняк, И.Б. Левонтина, А.Д. Шмелев / Константы и переменные русской языковой картины мира. – М.: Языки славянских культур, 2012. – 696 с.
195. **Щербина, Ф.А.** История кубанского казачьего войска. В 2-х т. / Ф. А. Щербина. – Екатеринодар: Типография Кубанского Областного Правления, 1910. – Т. 1. – 734 с.
196. **Эмер, Ю.А.** Миромоделирование в современном песенном фольклоре: когнитивно-дискурсивный анализ: автореферат дис. ... докт. филол. наук: 10.02.01 / Эмер Юлия Антоновна. – Томск, 2011. – 40 с.
197. **Эмер, Ю.А.** Фольклорный дискурс: когнитивно-дискурсивное исследование / Ю. А. Эмер // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2011а. – № 2 (027) – С. 50 – 60.

Словари

198. **Борисова, О. Г.** Опыт словаря кубанских говоров / О. Г. Борисова. – Краснодар: Кубанский государственный ун-т, 2018а. – 485 с.
199. **Даль, В. И.** Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. / В. И. Даль. – Санкт-Петербург: Издательство М. О. Вольфа, 1880. – Т. 1. – 723 с.; 1881. – Т. 2. – 807 с.; 1882. – Т. 3. – 576 с.; 1882. – Т. 4. – 704 с.
200. **Литус, Е.В.** Контрастивный словарь народных песен казаков Кубани (в контексте русской и украинской народных традиций): мир человека / Е.В. Литус, О.С. Финько, Е.Н. Девицкая, Н.Н. Фролова. – Славянск-на-Кубани, 2020, – 250 с.
201. **Ожегов, С.И.** Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – Москва: АЗЪ, 1994. – 928 с.

202. **Русский говор Кубани:** Словарь / под ред. Е. П. Шейниной и Е. Ф. Тарасенковой. Краснодар // Деп. В ИНИООН РАН. № 47266, 1992. – 415 с.
203. **Славянские древности:** Этнолингвистический словарь: В 5 т. / Под ред. Н. И. Толстого; Институт славяноведения и балканистики РАН. – Москва: Международные отношения, 1995. – Т. 1. – 585 с.; 1999. – Т. 2. – 702 с.; 2009. – Т. 4. – 656 с.
204. **Словарь говора казачьего населения станицы Отрадной Краснодарского края** / Сост. С. Д. Мастепанов. – Армавир – Отрадная: Издатель Шурыгин В. Е., 2013. – 192 с.
205. **Словарь кубанских говоров** / [В. М. Пелих, В. И. Андрющенко, Р. Я. Иванова, Т. Г. Иванова]; отв. ред. В. М. Пелих. – Армавир: РИЦ АГПУ, 2009. – 264 с.
206. **Словарь русского языка: В 4-х т.** / АН СССР, Институт русского языка; под ред. А. П. Евгеньевой. – Москва: Русский язык, 1985. – Т. 1. – 696 с.; 1986. – Т. 2. – 736 с.; 1987. – Т. 3. – 752 с.; 1988. – Т. 4. – 800 с.
207. **Фасмер, М.** Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. / М. Фасмер. – Москва: Прогресс, 1986. – Т. 2. – 672 с.
208. **Фразеологический словарь говоров Кубани** / В. И. Андрющенко, Р. Я. Иванова, Т. Г. Иванова, В. М. Пелих. – Армавир: РИЦ АГПУ, 2006. – 300 с.

Сборники пословиц и поговорок

209. **Мартыненко, Л. Б.** Пословицы, поговорки и загадки Кубани / Л. Б. Мартыненко, И. В. Уварова. – Краснодар: Кубанский государственный ун-т, 2000. – 154 с.
210. **Пивень, А. Е.** Торба смеха и мешок хохота / А. Е. Пивень. – Краснодар: Советская Кубань, 1995. – 224 с.
211. **Ткаченко, П. И.** Кубанские пословицы и поговорки / П. И. Ткаченко. – Краснодар: Издательство «Традиция», 2008. – 240 с.

Сборники народных песен

212. **Бигдай, А. Д.** Песни кубанских казаков: в 2-х т. / [А. Д. Бигдай]; под ред. В. Г. Захарченко. – Краснодар: Краснодарское книжное издательство, 1992. – Т. 1. – 440 с.; 1995. – Т. 2. – 512 с.
213. **Захарченко, В. Г.** Народные песни Кубани: сборник: в 2-х вып. / В. Г. Захарченко. – Краснодар: Краснодарское книжное издательство, 1987. – Вып. 1. – 320 с.; 1997. – Вып. 2. – 586 с.
214. **Концевич, Г. М.** Народные песни казаков / Г. М. Концевич. – Краснодар: Эдви, 2001. – 448 с.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Фрагменты текстов песен кубанских казаков, репрезентирующие признаки компонент-концептов, составляющих композитивный концепт СВОЙ МИР

Таблица 1.

«Репрезентация концепта КАЗАК в лирических песнях»

Концептуальные признаки	Текстовые репрезентации
«Старый» – негативная характеристика казака	1) <i>Козак старый, лита пройшлы, / А ще й нэ жєнывся</i> [Бигдай, Т. 1, с. 107]. 2) <i>Дурна була та неразумна дивчына, / Полюбыла та козакаченька старого. / Полюбыла та козаченька старого, / Веде його та за рученьку пьяного</i> [Концевич, с. 438].
«Молодой» – положительная характеристика казака; визуальный образ молодого казака	3) <i>Нам весело жить, / Ни о чем не тужить, / Казакам молодцам / Закубанцам полевым</i> [Бигдай, Т. 2, с. 268]. 4) <i>Такий дубь, такой дубь, / Такой зелененький, / Таки бувь, ночувавь / Козакь молоденький</i> [Концевич, с. 227]. 5) <i>Гэй, козаче, уродлывый, молодэнький та й жартлывый, / Усочки чорнэсэньки, губоньки пэрловыйи, / Чубчик твий круглэсэнький, та й жупан гарнэсэнький, / Червоная шапочка твоя огулярочка, / Сафьянови чоботци и сабэлька пры боци</i> [Бигдай, Т. 1, с. 378]. 6) <i>Як козака нэ любыты, колы из ным добрэ житы. / В його сабля, в його усы, нэ жаль мини прыглянувся, / В його очи чорнэсэньки, в його тило билэсэнько. Вин чистэнько оголывся и в жупанык нарядывся</i> [Бигдай, Т. 1, с. 318]. 7) <i>В тэбэ очи, якь терночокь, / Бривки ривни, якь шнурочокь / Лице биле и румяне, / Серце жь мое ты кохане</i> [Концевич, с. 62]. 8) <i>Очерэт-осока, чорни бровы в козака</i> [Бигдай, Т. 1, с. 294]. 9) <i>Дэсь мий мылый чорнобрыый коня напувае</i> [Бигдай, Т. 1, с. 116]. 10) <i>Нэ розстайся, козаченько, / З кучерявым чубом</i> [Бигдай, Т. 1, с. 128]. 11) <i>Не хвалися, козаченьку, / Кучерявымь чубомь, / Бо прыйдется, доведеться / Пидь аришынъ ставаты</i> [Концевич, с. 1350]. 12) <i>Ой, козаче, чорноусый, чорноусый, / Чого въ тебе жупанъ куцый, жупан куцый? / Та мене дивкы подпоилы, подпоилы, подпоилы. / Жупан мени пидкроилы, пидкроилы, пидкроилы</i> [Концевич, с. 189]. 13) <i>Гай зэлэнэнький, козак молодэнький, Тым я тэбэ полюбыла, шо у тэбэ ус чорнэнький</i> [Бигдай, Т. 1, с. 293]. 14) <i>Чорноморець йиде, йиде, / Ще й семеро коней веде, / На восьмому вороному / Самъ въ жупани голубому... Козакь молоденький, / Орихове сиделечко / И кинь вороненький</i> [Концевич, 2001, с. 135]. 15) <i>Обуваєт он черны бахилочки та на босу ножку. / Надеваєт он черную черкесочку, / Полы нараспашку. / Надеваєт он черную шапочку / Да на русые кудри. / Надеваєт он острую шашечку / На левый бочок</i> [Бигдай, Т. 2, с. 176]. 16) <i>Ой расчесал бы я свои русы кудри</i> [Бигдай, Т. 2, с. 222]. 17) <i>Ой же ты мальчик, кудрявчик мой, / Кудряватая головушка твоя. / А кто ж тебе русы кудри завивал?</i> [Бигдай, Т. 2, с. 304]. 18) <i>Чорнявого ны забуду, / З русым спать ны ляжу, / Як згадаю чорнявого / Так гирко заплачу</i> [Захарченко, Вып. 2, с. 261]. 19) <i>А я руда родылося, / Чорнявому судылося</i> [Бигдай, Т. 1, с. 339]. 20) <i>Любыв мэнэ козаченько, хороший, чорнявый</i> [Бигдай, Т. 1, с. 169].
Перемещения казака	21) <i>Прийшов, прийшов козаченько / До новоий хаты</i> [Бигдай, Т. 1, с. 172]. 22) <i>Идэ козак до дивчыны</i> [Бигдай, Т. 1, с. 128]. 23) <i>Пишов козак сумуючи, / Никого нэ кынув</i> [Бигдай, Т. 1, с. 128]. 24) <i>Козаки йдутъ, конэй вэдуть, а</i>

	<p>мого нэмае [Бигдай, Т. 1, с. 116]. 24) <i>Из-за горы свит билэнькый / Дэсь поухав мий мылэнькый</i> [Бигдай, Т. 1, с. 182]. 25) <i>Да ходил казак бережиною, / Сорвал веточку ожиновую</i> [Бигдай, Т. 2, с. 179]. 26) <i>Иде козакъ до дивчины, / Та все тюпъ, тюпъ, тюпъ, тюпъ</i> [Концевич, с. 130].</p>
Казак – жених	<p>27) <i>Буду дивку з ума зводитьь – покы нэ женюся</i> [Бигдай, Т. 1, с. 334]. 28) <i>Чы се жь тая дивчинонька, / Що я женыхався?</i> [Концевич, с. 56]. 29) <i>Та беда, беда нэ женатому, / Як тому горшечку та й цербатому</i> [Бигдай, Т. 1, с. 303]. 30) <i>Ходим, сэръэ, повинчаймось, колы вирно любыш.</i> / <i>Вирно любыв, люблю, вирно й женыхався</i> [Бигдай, Т. 1, с. 300]. 31) <i>На цо мэнэ сватаеш, колы хаты нэ маеш?</i> [Бигдай, Т. 1, с. 108]. 32) <i>Болыть, болыть головонька моя, / Засватана дивчинонька моя</i> [Бигдай, Т. 1, с. 122]. 33) <i>А хороша, як мак цвитэ, хто нэ глянэ – ахнэ. / Пишов бы ийи засватав, так гарбузом пахнэ</i> [Бигдай, Т. 1, с. 136]. 34) <i>Я б до тэбэ послав сватив, та того боюся, / Що ты знаеш козацькую похвальбу, Натуся</i> [Бигдай, Т. 1, с. 179]. 35) <i>Не пришел к тебе браниться / А пришел к тебе жениться</i> [Бигдай, Т. 2, с. 174].</p>
Казак испытывает необходимость жениться	<p>36) <i>Как по тот-то бок Кубани казак платье моет, / Он и моет, и не моет, сам речи говорит: Не казачье это дело помыть платье было, / Бо казацкое то дело во фронте стояти, ружье заряжати</i> [Бигдай, Т. 2, с. 182]. 37) <i>Ой, пора тоби, маты, та сына женыты, / Ой, прыйдэ ничка та тэмнэсэнька, ни с кым говорыты</i> [Бигдай, Т. 1, с. 213]. 38) <i>Став я пидростаты, став батька просыты, / Щоб взяв мэнэ батько зараз оженыв</i> [Бигдай, Т. 1, с. 311]. 39) <i>Жани меня, батюшка, / Жани меня, родненький.</i> [Бигдай, Т. 2, с. 303]. 40) <i>По сыньому морю / Рыба-щука грае, / А козак молодэнькый / Парочки шукае</i> [Захарченко, Вып. 2, с. 312].</p>
Казак – объект и субъект любви; употребление глагола любить и его дериватов	<p>41) <i>Чого дывышся на мэнэ, / Скажутъ люды: любыш мэнэ</i> [Бигдай, Т. 1, с. 394]. 42) <i>Любыв я тэбэ дивчиною, / Любыть буду й молодыцею</i> [Захарченко, Вып. 1, с. 139]. 43) <i>Нэхай воны й обнимають, / Колы ж разлюбывла</i> [Захарченко, Вып. 1, с. 125]. 44) <i>Ты козаче, заволоко, любыш мэнэ нэ нароком</i> [Бигдай, Т. 1, с. 308]. 45) <i>Кого люблю та мылую, та й нэ забуваю</i> [Бигдай, Т. 1, с. 51]. 46) <i>Одын вэдэ за рученьку, другый за рукав, / Трэтий стоить, сэръэ болыть – любыв та й нэ взяв</i> [Бигдай, Т. 1, с. 98]. 47) <i>На городи калыночка, за городом тэрэн, / Любыв же я дивчиноньку, люблю и тэпэр</i> [Бигдай, Т. 1, с. 99]. 48) <i>Котылыся возы з горы, та в долини сталы, / Любылыся, кохалыся, тэпэр пэрэсталы</i> [Бигдай, Т. 1, с. 104]. 49) <i>Любыв козак дивчиноньку по вик нэ забудэ</i> [Бигдай, Т. 1, с. 115]. 50) <i>Жито маты, жито маты, жито нэ пшениця, / Чом козака нэ любыты, колы чепурыться</i> [Бигдай, Т. 1, с. 126]. 51) <i>Ишов козак потайком / До дивчины, сэрдэнько, взчэрком</i> [Захарченко, Вып. 2, с. 450]. 52) <i>Витэр дуба хытае, / Козак дивку пытае</i> [Захарченко, Вып. 2, с. 478]. 53) <i>Клыче козак дивчиноньку / Соби на пораду</i> [Захарченко, Вып. 2, с. 523]. 54) <i>Ой сив, та й загув сызэнькый голубчик, / Сыдя й на тычини. / Ой ех, е-ха-ха, молодой козаченько / Спокынув дивчину</i> [Захарченко, Вып. 2, с. 525]. 55) <i>Того зажурывся – без доли вродывся</i> [Захарченко, Вып. 2, с. 312]. 56) <i>Любыв я дивчину, / Чорняву, красыву, / А вона мэнэ ни</i> [Захарченко, Вып. 2, с. 207]. 57) <i>А я и в могыли тэбэ нэ забуду, / Хоть ты пэрэстала любыть</i> [Захарченко, Вып. 2, с. 404]. 58) <i>Ой пиду я в полэ / Шукать соби долю. / Нэ найшов я доли, / Найшов сыне морэ. / По сыньому морю / Рыба-щука грае, А козак молодэнькый / Парочки шукае</i> [Захарченко, Вып. 2, с. 312]. 59) <i>Но тоска терзала грудь казака младого</i> [Бигдай, Т. 2, с. 156].</p>

	<p>60) <i>Не брала в руки куделю, / Тяжко согрешила, / Молодого казачка / Душой полюбила</i> [Бигдай, Т. 2, с. 369]. 61) <i>Скажи, скажи, голуб сызый, / Ой чого, чого заболів?</i> [Захарченко, Вып. 2, с. 203]. 62) <i>Куда йидэши, козаче? / Козаче-соколэ, / Возьмы мэнэ з собою</i> [Захарченко, Вып. 2, с. 190]. 63) <i>Куда йидэши отйизжаеши, Сызокрылый орлэ?</i> [Захарченко, Вып. 2, с. 382]. 64) <i>Гудзи в його у контуши, козаченько, моя душа</i> [Бигдай, Т.1, с. 318]. 65) <i>Вона йому одказала: «Бувай здоров, сэрце»</i> [Бигдай, Т1, с. 103]. 66) <i>Прыйды, козаче, тиеныци жаты, / Дам тоби бандуру на всю ничь граты</i> [Концевич, с. 133]. 67) <i>Ой, продала дивчынонька душу, / Та купыла тютюну папушу; / Тютюну папушу купыла, / Бо козака вирно любыла</i> [Концевич, с. 137]. 68) <i>Ой, дивчына горлыця до козака горныться, а козакъ якъ орель, якъ побачывъ такъ и вмэр</i> [Концевич, с. 170]. 69) <i>Ой ны по правди, / Молодой казаче, / Ой живеш з дивчиною</i> [Захарченко, Вып. 2, с. 195]. 70) <i>Ой скажу ж я, мыла, / Шо я тэбэ люблю, / А сватать нэ буду</i> [Захарченко, Вып. 2, с. 233]. 71) <i>Уласкав варвар словами, ой, / А я вирыла йому. / Сам пойихав, мэнэ бросыв, ой, / Ще й малютку на руках</i> [Захарченко, Вып. 2, с. 237]. 72) <i>«Ой самъ же я укроюсь та кытайкою, / Тебе вкрью, Галю, та нагайкою!» / Та й называвъ Галю не хозяйкою</i> [Концевич, с. 431]. 73) <i>Хотел меня милый до веку любить / А теперь милый покинул, позабыл. / На чужой-то на дальней стороне</i> [Бигдай, Т. 2, с. 343]. 74) <i>Лытив ворон черэз сад зэлэный / Та й став калыну ламать. / Любыв казак молоду дивчину / Та й став йиши спокыдаты</i> [Захарченко, Вып. 2, с. 203].</p>
<p>Казак хорошо уговаривает возлюбленную</p>	<p>75) <i>Хорош паринь, ой, хорош бравый, / Ой словами ласкавый</i> [Захарченко, Вып. 2, с. 281]. 76) <i>Ходэ дивка по городу, / Цвиты сие полива. / А за нэю козак ходэ / вин дивчину вговоря</i> [Захарченко, Вып. 2, с. 309]. 77) <i>Пид тим дубом кучерявым / Козак дивку вговоряв</i> [Захарченко, Вып. 2, с. 386]. 78) <i>Як умолвил вин дивчину, / Сам сидае на коня...</i> [Захарченко, Вып. 2, с. 386]. 79) <i>Ой, одынъ же козакъ не пье, не гуляе, / Не пье, не гуляе, Галю пидмовляе: / Ой, сидай, Галю, та пойидемо зъ намы; / Та пойидемъ зъ намы, зъ намы козакамы</i> [Концевич, с. 431].</p>
<p>Казак стучит в окно к возлюбленной</p>	<p>80) <i>Пидйиду я пидь виконце – стукну, / Пидйиду я пид другее – грюкну</i> [Концевич, с. 54]. 81) <i>Как стучит-то, гремит / Милый об оконечко, об оконечко, / Отворись, отворись, моя крошечка</i> [Бигдай, Т. 2, с. 174]. 82) <i>Стучит, гремит мой миленький об окно: «Выйди, выдь ко мне, сударушка моя</i> [Бигдай, Т. 2, с. 226].</p>
<p>Казак – предпочтительный жених</p>	<p>83) <i>Отдай, отдай, маминька, / Куда хочеться. / Отдай ны за старого, / Ны за малого. / Отдай за козаченька / Разудалого</i> [Захарченко, Вып. 2, с. 199]. 84) <i>А тэпэр я вэлыка, трэба мини чоловика, / Ни старого, ни малого, казаченька молодого. / Шоб и в поли орав, и худобу дбав, / А мэнэ ж молоду., та хозяйкою звав</i> [Бигдай, Т. 1, с. 293].</p>
<p>Богатство / бедность казака</p>	<p>85) <i>Нэхай вона мэнэ нэ жедэ, нэхай вона замиж идэ, / Бо я козак пребогатый, е у мэнэ скот рогатый</i> [Бигдай, Т. 1, с. 192]. 86) <i>А я бидный, бесталаный, / Бэз роду, бэз хаты, / Нэ довэлось мэни в свити / Вэсло гуляты</i> [Бигдай, Т. 1, с. 132]. 87) <i>Доля моя злая, чом ты нэ такая, / Чом ты нэ такая, як доля чужая? / Другим даеш лышине, мэнэ обижаеш, / И шо мини мыло, то й тэ отнимаеш</i> [Бигдай, Т. 1, с. 63]. 88) <i>Добрэ тому богатому, / Його люды знают, / А зо мною стричаються, / Мов нэ добачають. / Богатого, губатого / Дивчина шануе. Надо мною, сыротою, / Смиеться, кэпкуе</i> [Бигдай, Т. 1, с. 221]. 89) <i>А я бидный сыротины: / Шашка зъ боку – вся родына, / Степь шырокый – то мій сватъ, / Кинь гниденький-то жь мій братъ</i> [Концевич, с. 236].</p>

	90) <i>Ты богатый – я убога. / Як мы будэм кохатыся, / Будуть люды смиятыся</i> [Бигдай, Т. 1, с. 182]. 91) <i>Ты ж до мэнэ нэ ходы, та й ты ж мэнэ нэ любы, / Ты богатый и хороший, а я бидна и бэз грошей</i> [Бигдай, Т. 1, с. 186]. 92) <i>Я, сэрдэнько, нэ богатый, в мэнэ врагив повна хата</i> [Бигдай, Т. 1, с. 275]. 93) <i>«Ой, як бы ты, дивчинонька / Була багатэнька, / Взяв бы тэбэ за рученьку, / Повив до батэнька»</i> [Захарченко, Вып. 2, с. 523]. 94) <i>Та нэ вэлыть маты тэбэ, дивчино, браты. Та вэлыть мини маты – дэ чотыри волы браты. / Дэ чотыри волы и два коныка в дышли, / А як же и любыты, колы нэ домысли</i> [Бигдай, Т. 1, с. 205]. 95) <i>У вдовицы две свитлыцы, ще трэтя кимната, / Гэй, тим, козак вдову любыв, що вдова богата</i> [Бигдай, Т. 1, с. 219]. 96) <i>Нэ трэба мни злота, я сам прэдбаю, / А трэба дивчины, шо я кохаю</i> [Бигдай, Т. 1, с. 217].
Казак – разлучник	97) <i>Молодушка ночевала ночку во лесочке, / Под ракитовым кусточком / Под бурочкой, под черкесской / С молоденьким козаченьком</i> [Бигдай, Т. 2, с. 364].

Таблица 2.

«Репрезентация концепта МАТЬ в лирических песнях»

Мать рождает детей, наделяет их внешностью и долей	1) <i>На тэ маты родыла, / Шоб дивчина любыла</i> [Захарченко, Вып. 2, с. 201]. 2) <i>Спородыла молода дивчина харошего сына / ...Та й ны дала тому козакови / Ны щастя, ны доли. / Тильки дала тому козакови / Та чорнийи брови</i> [Захарченко, Вып. 2, с. 217]. 3) <i>Чи нэ одна маты нас родыла? / Чи нэ одну долю нам дарыла?</i> [Захарченко, Вып. 2, с. 372]. 4) <i>Ой, спородыла та мэнэ маты / В такую нэдилю. / Дала мэни гирку долю, / Дэ я ййиу дину</i> [Захарченко, Вып. 1, с. 243]. 5) <i>Мабуть, мэнэ маты в барвинку купала, / Купаючи проклянала – щоб доли нэ мала</i> [Бигдай, Т. 1, с. 159]. 6) <i>Було б тоди, моя ридна маты, / Цих брив ны даваты. / Було б тоби ж, моя ридна маты, / Щастя, щастя-доли даты</i> [Захарченко, Вып. 2, с. 217]. 7) <i>А кто ж тебе русы кудри завивал? / Завивала родна матушка, / Завивала, приговаривала; / «Создай, Боже, этим кудрицам при полку быть полковничком»</i> [Бигдай, Т. 2, с. 304].
Мать – хранительница своего мира	8) <i>Проснэця матэнька моя. / Будэ пытать, дэ була я</i> [Захарченко, Вып. 2, с. 149]. 9) <i>Светлонька горыть, / Матуся ны спыть, / Ны выйду, ны выйду, Сэрдэнько мое</i> [Захарченко, Вып. 2, с. 360]. 10) <i>Хоч бы нэ до мэнэ / До моейи хаты. / А стучить пид виконце / Щоб ны чула маты</i> [Захарченко, Вып. 2, с. 233]. 11) <i>Рада б дивка выйты, та матуся нэ пускае</i> [Захарченко, Вып. 2, с. 205]. 12) <i>Нэ пускае маты, нэ пускае, нэ вэлыть / На улыцю ходыть, з тобою говорыть</i> [Захарченко, Вып. 2, с. 137]. 13) <i>Нэ пускае мэнэ маты / Рано по водыцю. / Нэ жито жаты, та й нэ лену браты, / Ще й на вэчэрныцю</i> [Захарченко, Вып. 2, с. 128]. 14) <i>Лае маты, та ще й была, / Щоб я тобэ ны любыла</i> [Захарченко, Вып. 2, с. 241]. 15) <i>Пора до дому иты, будэ мэнэ маты быты</i> [Захарченко, Вып. 2, с. 275]. 16) <i>Прошу ж я тэбэ, нэ вэды ты мэнэ, / Бо сэрдыту матир маю, будэ быты мэнэ</i> [Захарченко, Вып. 2, с. 295]. 17) <i>Была ж ййиу матусэнька за козака Андрусэнька</i> [Захарченко, Вып. 2, с. 300]. 18) <i>Была мене матуся, / Що я люблю Петруся</i> [Концевич, с. 126]. 19) <i>Пусты жэ мене, моя маты, / На вулыцю погуляты; / На вулыцю погуляты, / Колы хочеш зятя маты</i> [Концевич, с. 143]. 20) <i>Ой, рада бэ я, козаченьку, щырыше любыты, / Такэ матуся мене бье, не вельты ходыты</i> [Концевич, с. 148].

		21) <i>Ой, якъ мени пустыть тебе? Маты ключи мае, / Це й великымъ замкомъ хату замыкае</i> [Концевич, с. 268]. 22) <i>Была мене моя маты ключемъ отъ свитльци, / Та за тебе, козаченьку, що ты билольций</i> [Концевич, с. 148].
Мать – утешительница и советчица		23) <i>Приду домой, скажу матери родной: / «Родимая моя матушка, с чего у меня головушка болит, / С чего, с чего мойму сердцу тяжело?»</i> [Бигдай, Т. 2, с. 226]. 24) <i>Ох, ты, мати, парадница в хати, / Парадь мене, что людям сказати?</i> [Бигдай, Т. 2, с. 237]. 25) <i>Ой, гаю, мий гаю, зэлэный розмаю. / Порадь, порадь, стара маты, женыться маю</i> [Бигдай, Т. 2, с. 256].
Мать заботится о детях		26) <i>Прыйдэ нэдиля, прыйдэ нэдиля, сорочка нэ била, / Ой, нихто нэ спытае, ой матэри нэ мае</i> [Бигдай, Т. 2, с. 165]. 27) <i>Чого ж в тэбэ, козаченько, / Сорочка нэ била. Маты стара, сэстра мала, Та й никому праты</i> [Бигдай, Т. 2, с. 152]. 28) <i>Вары, маты, вэчеряты, / А я ляжу спаты / Кому любя, кому мыла, Хай прыйдэ до хаты</i> [Бигдай, Т. 1, с. 172]. 29) <i>Клыче маты вычеряты, / А дочка нэ хочэ. Ой, вычеряй, стара мты, / Колы наварыла, / Бо вже ж мэни, молодэньки, / Вычеря нэ мыла</i> [Захарченко, Вып. 1, с. 184]. 30) <i>Стара маты свого сына / Вэчеряты просэ. / Ой, йиж, мамо, ой, йиж, мамо, / Колы наварыла, / А я пиду на улыцю, / Дэ дивчина мыла</i> [Захарченко, Вып. 2, с. 142].
Мать – объект упреков		31) <i>Батько мылый, батько мылый, / А маты лыхая, / Нэ пускае на улыцю, / Що я молодая</i> [Бигдай, Т. 1, с. 172]. 32) <i>Батько свий, батько свий, замятав дочке свит, / А маты лыха, рано замиж отдала</i> [Захарченко, Вып. 2, с. 220]. 33) <i>Кохав мэне батько, як билу тополю, / Та виддала мэне маты у тяжску нэволю / Маты, маты, що ж ты загадала, / Що за нэлюбом свит завязала</i> [Бигдай, Т. 1, с. 159]. 34) <i>Ой, отдала мэне матуся моя, / За кого я нэ хотила. / Шумыть-гудэ дротяна нагайка / Биля мого билого тила</i> [Бигдай, Т. 1, с. 112]. 35) <i>Оженила маты нэволэю сына / Та взяла нэвистку та нэ до любовы</i> [Бигдай, Т. 1, с. 130].
Мать защищает материальное состояние семьи		36) <i>Позволь, позволь же мне, родная, / Законный брак с ней совершить. / Мамаша сыну говорила: «На что ты бедную берешь?»</i> [Бигдай, Т. 2, с. 206]. 37) <i>Розливала маты воду, / Шо я й наносыла / Выгоняла того зятя, / Шо я й полюбыла</i> [Захарченко, Вып. 2, с. 271]. 38) <i>Так нэ вылыть батько, маты / Тэбэ бидну брать. Посылають на Вкрайину / Богатышу шукать</i> [Захарченко, Вып. 2, с. 317].
Связь матери с детьми, находящимися чужом пространстве		39) <i>Плыла, плыла з розы квитка / Та стала кружиться. / Вышла маты, ой, воду браты / Та й стала журыться. / Ой чого ж ты, з розы квитка, / Так рано завязала? / Ой чого ж ты, ой, моя доню, Так грустна стала?</i> [Захарченко, Вып. 2, с. 340]. 40) <i>Ныхто ж мэне нэ жалкуэ, одна ридна нэнька. / А тэпэр мэне жалие / Сырая зэмэлька</i> [Захарченко, Вып. 2, с. 263]. 41) <i>Прямо в родину родную / Я направлю свой полет. Знаю я про мать родную, / Как она сейчас живет...Померла моя мамаша, / Осталась я сиротой</i> [Бигдай, Т. 2, с. 241]. 42) <i>Я от маменьки далеко, / Ны выдала года два. / Открой, маменька, окошко / Та й послушай на заре. / Не твоя ли дочка плачет / В чужой дальней стороне</i> [Захарченко, Вып. 2, с. 297]. 43) <i>Ой, давно, давно матинкы нэма, / Та вже тая дориженька тэрном заросла. Тэрном заросла, пылом прыпала, Червоною калыною позавишана</i> [Бигдай, Т. 1, с. 166]. 44) <i>Росла трава, росла / Та й похылылася; / Ждала, ждала маты дочку, / Та й зажурылася</i> [Концевич, с. 231]. 45) <i>Ныхай зарже кинь вороний, зарже нади мною, / Ой зачуче стара маты, сидячи й у хаты. / «Та вже ж мого сыноченька на свити нэ мае»</i> [Бигдай,

	Т. 1, с. 174]. 46) <i>В субботу пизднэнько, в нэдилю ранэнько / Кувала зозуля в саду жалибнэнько. / Ой то ж ны зозуля, а то ж ридна маты, / Вона провожае сыночка в солдаты</i> [Захарченко, Вып. 2, с. 96]. 47) <i>Колы б была зозуленька, то я б полытыла. / Сила б, пала на могылу, та й сказала «ку-ку», / Подай, подай, мий сыночку, хоча одну руку</i> [Бигдай, Т. 1, с. 174]. 48) <i>Не оставь, родная мать, мне в остроге пропадать, / А заставь, родная мать, круту горушку копать</i> [Бигдай, Т. 2, с. 234]. 49) <i>Проходэ годочок, сын пыше лысточок: / Ой, ридна матуся, почуй голосочек</i> [Захарченко, Вып. 2, с. 148]. 50) <i>Як бы маты знала, якэ мини горэ, / Вона б пэрэплыла всэ сынёе морэ</i> [Захарченко, Вып. 1, с. 148]. 51) <i>Вспомнишь, маменька, заплачешь, / Когда был я в тебе на руках</i> [Бигдай, Т. 2, с. 230]. 52) <i>Ой, згадай мене, моя стара нене, / Сидаючи та обидаты: / «Десь моя дытына на чужэй сторони, / Та никому та отвидаты». / Ой, згадай мене, моя стара нене, / Якъ сядешь у вечери йисты: / «Десь моя дытына на чужэй сторони, / Та нема видь його висти»</i> [Концевич, с. 104]. 53) <i>Где маменька плакала – речушка бежала, / Где сестрица плакала – креничка стояла, / Где милая плакала – трава повысыхала</i> [Бигдай, Т. 2, с. 233].
Мать отвергает дочь, вышедшую замуж	54) <i>Ой луче я, доню, по тыну роскыну, / Як мини наряжаты / Чужую дытыну</i> [Захарченко, Вып. 2, с. 188]. 55) <i>Зварыла вычерять, / Зварыла я трошкы. / Нэма ж тоби, доню, / Нэ мыскы, нэ ложкы</i> [Захарченко, Вып. 2, с. 186].
Мать провожает и встречает сына	56) <i>Выряжала мати, / Ой, выряжала да мати, / Ой, сына й у дорогу, / Сына й у дорогу: / Ой, езжай, мой сыночек, Счастливой дороги</i> [Захарченко, Вып. 1, с. 103]. 57) <i>А той нэ зозуля, то ридная маты, / Вона выряжала сыночка в солдаты / «Я думала, сынку, тэбэ ожэныты, / А ты уезжаешь на службу служиты</i> [Захарченко, Вып. 1, с. 148]. 58) <i>Ко двору подъезжает – маменька встречает</i> [Захарченко, Вып. 1, с. 153]. 59) <i>Состричала его родная матушка / Состричала его посредине двора</i> [Бигдай, Т. 2, с. 158]. 60) <i>Состричала его мать / Через три поля. / «Ты здоров ты, мой сын, / Ясный соколик»</i> [Бигдай, Т. 2, с. 160]. 61) <i>Як вэрнувьсь козаче / З далэкой дорогы / Старэнькойи нэнькы / Кланяється в ногы</i> [Захарченко, Вып. 2, с. 397].
Плохая мать	62) <i>Пишла маты до роду гуляты. / А свэкирко дытыну кольише. / А свэкруха вэчеряты варэ</i> [Бигдай, Т. 1, с. 177]. 63) <i>Наша маты Катя / Пишла по телята. / Нам казала, говорыла, / Шо вы сыротыята</i> [Захарченко, Вып. 2, с. 374]. 64) <i>Рада я сыночек, рада я тобою, / Тилькы я нэ рада твоею женою</i> [Захарченко, Вып. 2, с. 395]. 65) <i>Ожэныла маты нэволэю сына / Та взяла нэвистку та нэ до любовы</i> [Бигдай, Т. 1, с. 130]. 66) <i>Ой ты сын мой, сын возлюбленный, а жена – то твоя да распутница</i> [Бигдай, Т. 1, с. 158]. 67) <i>Посадыла сынку за столы столочки, / Нэлюбу нэвистку в тэмном уголочку</i> [Захарченко, Вып. 2, с. 395]. 68) <i>Маты, моя маты, Шо ты наробыла? Ты мэнэ з симьёю / На вик розлучила</i> [Захарченко, Вып. 2, с. 397]. 69) <i>Ох ты, мать, моя мать, / Ты лютая змея</i> [Бигдай, Т. 1, с. 160]. 70) <i>Маты ж, моя маты, / Будэши враждуваты, / Будэши враждуваты, / Так выгоню з хаты</i> [Захарченко, Вып. 2, с. 300].
Одиночество, покинутость матери	71) <i>А як ожэнывся, / Узяв соби жинку, / Та й став забуваты / Про свою матыну. Приду я до дочкы, / Дочка горэ знае, / Накормэ, напоэ, / Та ще й розпытае</i> [Захарченко, Вып. 2, с. 301]. 72) <i>Сыны мои, орлы мои, а я ваша маты, / А хто мэнэ, старэнькую, будэ хлибом годуваты?</i> [Захарченко, Вып. 1, с. 118]. 73) <i>Сама ны поившие / Диток гудувала. / Ночей ны доспавише / Йих сон бэрэгла. / А повыросталы / Та й порозлиталысь, / Осталась в хатыни / Старэнька одна</i> [Захарченко, Вып. 2, с. 305].
Визуальный образ матери	74) <i>Наша маты голубочка / Сіет муку зь полубочка; / Якъ бы батько бувъ здоровъ, / Вин бы муки намоловъ</i> [Концевич, с. 100]. 75) <i>Що коня ведут,</i>

	<i>козака везуть, / Кинь голову клоне; / А за нымь, за нымь иде ненька / Та били руки ломае [Концевич, с. 380]. 76) Сыдыть маты у край стола / Та й плаче, рыдае. / Свою доню Катэрыну / Слизно проклынае [Захарченко, Вып. 2, с. 411].</i>
--	---

Таблица 3.

«Репрезентация концепта ОТЕЦ в лирических песнях»

Отец наделяет сына чертами характера	<i>1) Гарный хлопэць, гарный хлопэць у батька удався, / По-над яроем, по-над яроем в конопэль сховався [Бигдай, Т. 1, с. 252]. 2) В мэнэ батько такый був, А я в його вдався [Захарченко, Вып. 2, с. 454].</i>
Принимает решение о женитьбе сына или замужестве дочери	<i>3) Став я пидростаты, став батька просыты, Щоб взяв мэнэ батько зараз оженыв [Бигдай, Т. 1, с. 311]. 4) Жани меня, батюшка, / Жани меня, родненький. [Бигдай, Т. 2, с. 303]. 5) Стал он в батеньки просытыся: «Позволь, батенька, сказать, / Позволь, батенька, жениться / По любви жену взять» [Бигдай, Т. 2, с. 242]. 6) Как расплачется красная, / Ой, лёшеньки ля, красная. / Перед батюшкой стоючи, / Ой, лёшеньки ля, стоючи. / «Государь ты, мой батюшка, / Ой, лёшеньки ля, батюшка. / Не отдавай меня молоду, / Ой, лёшеньки ля, молоду [Бигдай, Т. 1, с. 297].</i>
Защитник своего пространства	<i>7) Ой рад бы я тэбэ взять. / Так нэ вылыть батько [Захарченко, Вып. 1, с. 147]. Бачить же батько Грыцькову прычину, / Черк зараз Грыця за чесну чупрыну [Бигдай, Т. 1, с. 288]. 8) Свиченька горыть, батенько не спыть, / Не выйду, не выйду [Концевич, с. 195]. 9) Я бы рада пособить, / Боюсь батюшки [Бигдай, Т. 2, с. 356].</i>
Наставник	<i>10) Служил твой дед, служил и я, / И твой теперь пришел черед [Захарченко, Вып. 1, с. 322].</i>
Отец – символ родного дома, семьи	<i>11) Я с тех пор тебя люблю, / Как гуляли во саду, / Во саду ли во зеленом / У родителя мого [Бигдай, Т. 2, с. 223]. 12) Жила б я у батька / Ходыла по воли / Дивчиною молодую [Захарченко, Вып. 2, с. 239]. 13) Ой ныма роду, ны отця, / Ой никому пожалиться [Захарченко, Вып. 2, с. 267].</i>
Обобщенное представление о родителях	<i>14) Попэрэду батько й маты всэ плаче-рыда, / Всэ плаче рыда [Бигдай, Т. 1, с. 229]. 15) Иды, иды Яковэ, з хаты, бо на пэчи батько та маты [Бигдай, Т. 2, с. 262]. 16) А матэри й батька нэ бачиты ийи [Бигдай, Т. 1, с. 138]. 17) А здорова, дивчино Галько, / Чи е в тэбэ маты и батько? [Бигдай, Т. 1, с. 256].</i>
Отец обеспечивает хорошие условия жизни	<i>18) Ой дивчина, ты щаслыва, / В тэбэ батько, маты е, / Двир широкый, хата била, А цо в хати всэ твое [Захарченко, Вып. 2, с. 309]. 19) Нэ купуй мини, купуй сам соби. / Е у мэнэ батько, маты, то куплят мини [Бигдай, Т. 1, с. 176]. 20) У тебя батя богатый – не позволит меня брать [Бигдай, Т. 2, с. 163].</i>
Отец слабый без матери в семье	<i>21) Ой, живы, тату, тэпэр сам, / Ох колы мачухи волю дав [Захарченко, Вып. 2, с. 176]. 22) Ой одын кже: я наймусь, / Ох другый кже: я втоплюсь. / Ой трэтий кже: пиду в лис, / Ох ныхай мэнэ звирь изисть [Захарченко,</i>

	Вып. 2, с. 274]. 23) <i>Живи, батько, як Биг дав, / Колы другу жинку взяв, / А я йиду до гаю, / Буду житы як знаю</i> [Бигдай, Т. 1, с. 389].
--	---

Таблица 4.

«Репрезентация концепта ДЕТИ в лирических песнях»

Дети – беспомощные существа	1) <i>Воно ж малэ дитяточко / Нычого нэ знае. / Малынькымы рученькамы / Пазуху шукае</i> [Захарченко, Вып. 2, с. 411]. 2) <i>Сам пойихав, мэнэ бросыв, ой, / Ще й малютку на руках</i> [Захарченко, Вып. 2, с. 237].
Дети приносят трудности и горе; дети ограничивают свободу матери	3) <i>Диты ж мои диты, горэ мэни з вами, / Ой цо ж я нэ маю хозяйина над вамы</i> [Бигдай, Т. 1, с. 230]. 4) <i>Правой ручкой я дытыну держала, / А левой ручкой та й волив поганяла</i> [Захарченко, Вып. 2, с. 257]. 5) <i>Чого в Гали прызаплаканы глаза, / Мабуть Галя малэ дитя родыла? / «Тэпэр мини, дивкы, з вами нэ гулять, / Тэпэр мини малэ дитя колыхать»</i> [Захарченко, Вып. 2, с. 307]. 6) <i>А вторая-то заботушка – / Непокойное дитя родилось</i> [Бигдай, Т. 2, с. 327]. 7) <i>Мали диты, – та й мале лыхо, / А побильшають, та й погиршають</i> [Концевич, с. 383].

Таблица 5.

«Репрезентация концепта ЖЕНА в лирических песнях»

Необходимость жены (желание жениться)	1) <i>Ой, пора тоби, маты, та сына женыты, / Ой, прыйдэ ничка та тэмнэсэнька, ни с кым говорыты</i> [Бигдай, Т. 1, с. 213]. 2) <i>Став я пидростаты, став батька просыты, / Щоб взяв мэнэ батько зараз оженьв</i> [Бигдай, Т. 1, с. 311]. 3) <i>Жани меня, батушка, / Жани меня, родненький.</i> [Бигдай, Т. 2, с. 303]. 4) <i>По сыньому морю / Рыба-щука грае, / А козак молодэнький / Парочки шукае</i> [Захарченко, Вып. 2, с. 312]. 5) <i>Родимая матушка, / Жениться мне хочется</i> [Бигдай, Т. 2, с. 314].
Жена и дети – те близкие люди, по которым казак скучает на службе	6) <i>Всегда по семье я тоскую, / Одна грусть в душе у меня / Что дома жена, малы детки, / У них ни кола, ни двора</i> [Захарченко, Вып. 1, с. 51]. 7) <i>Они (казаки) иду, оглянутя / Да слезою зальются. / Остались наши жены, / Ой да, все жены молодые. / Остались наши дети. / Ой да, все, ой да все малые</i> [Захарченко, Вып. 1, с. 45]. 8) <i>Есть у мэнэ жинка, / Ще й малийи диты. / Рад бы я, ой, сэриэ мое, / Та до их полытыты</i> [Захарченко, Вып. 2, с. 273]. 9) <i>Есть у мэнэ жинка / Ще и диточок двое, / Чорняви обое</i> [Захарченко, Вып. 2, с. 287]. 10) <i>Ты лети, мой конь, на родимый край, / Ты неси, мой конь, отцу, матери поклон. / Отцу, матери поклон и жене молодой</i> [Бигдай, Т. 2, с. 109]. 11) <i>С отцом, матерью, женой не видаться нам / С ружьем, шашкой, конем скончаться нам</i> [Бигдай, Т. 2, с. 133]. 12) <i>Жена молода дома плачется, / Ой да слезой матушка омывается</i> [Бигдай, Т. 2, с. 139]. 13) <i>Приду я с караула поздно / Свернусь и лягу на полу / Чужой жене совсем не нужно, / Спи хоть на голом ты боку</i> [Бигдай, Т. 2, с. 147]. 14) <i>Прости, женушка, ты удовушка. / Простить детушки, вы сиротушки</i> [Бигдай, Т. 2, с. 204].

Значимость жены в жизни мужа	15) <i>Батько мыльй, маты мыла, дружина мылица. / Зийддусь з батьком, зийдусь з нэнькой, гриха набэруся, / А з дружиною зийдуся – та й нэ надывлюся</i> [Бигдай, Т. 1, с. 172]. 16) <i>Батько ж ридный, ой, матэ ридна, / А мыла риднища</i> [Захарченко, Вып. 1, с. 125]. 17) <i>Ой, ударыв Сэмэнко / Об стил головою. / Жинко моя Катэрыно, / Нэ наживсь с тобою</i> [Захарченко, Вып. 2, с. 376]. 18) <i>Мыльй мылу цилуе – коровыцю даруе: «Пый мыла, здорова, будэ друга корова»</i> [Бигдай, Т. 1, с. 323]. 19) <i>Жена – барыня моя, / Выручай меня, милая, / Выручай меня, милая / Из острога поскорей</i> [Бигдай, Т. 2, с. 178]. 20) <i>Ой вырныся, жинко, до дому. / Мали диты плачуть, воны йисты хочуть, / Ой лыхо жить одному</i> [Захарченко, Вып. 2, с. 433]. 21) <i>Ой, у того ж козака жинка гарна, молода, / З хаты выйшла, коня взяла, честь йому на провид</i> [Бигдай, Т. 1, с. 58]. 22) <i>А в сусида хата била, а в сусида жинка мыла, / А у мэнэ ни хатыны, нэма счастья, нэма жинкы</i> [Бигдай, Т. 1, с. 326]. 23) <i>Есть у меня жена молодая, / Я с которой под венцом стоял, / Я с которой закон-то принимал</i> [Бигдай, Т. 2, с. 173]. 24) <i>А я тоби, мй мыленькый, / Диточкамы красна</i> [Концевич, с. 247]. 25) <i>Пойихав бы волы пасты – / Хочуть хлопцю жинку вкрасы. / Трэба дома сьдиты, / Трэба жинку глядиты</i> [Бигдай, Т. 2, с. 387]. 26) <i>Жинка вийдэ – россидлае, / Матэ вийдэ – роспытае</i> [Захарченко, Вып. 2, с. 195].
Муж жалеет жену	27) <i>Ой, нэ быв я жинку зроду, в мэнэ жинка вирна. / Побыв раз, нэ горазд, тило посьнило, / Выплакав я кари очи, пока побилило</i> [Бигдай, Т. 1, с. 321]. 28) <i>«Чом ты жинку нэ бьеш, чом ййи нэ лаеш». / На що мини ййи быть – мини трэба з нэю жить»</i> [Бигдай, Т. 1, с. 156].
Плохая жена; чужая жена; старая жена	29) <i>Ой выдно, выдно, хто й ожинывся: Скорчився, зморшився, ще й зажурывся</i> [Захарченко, Вып. 2, с. 501]. 30) <i>Доленька моя / Разбессчастливая: Прихожу домой – Жена не любит. / Недоростком зовет, Недоросточком</i> [Бигдай, Т. 2, с. 245]. 31) <i>Пишла баба на базарь, хаты нэ топыла / И свойому мылэнькому йисты нэ зварыла</i> [Бигдай, Т. 1, с. 324]. 32) <i>Оженился, переменился / Не по мысли жену взял. / Не по мысли, не по нраву, / Не по сердцу моему. / Не успел сказать я слова, / Жена стала помирать</i> [Бигдай, Т. 2, с. 199]. 33) <i>Ой не буду, ой не стану, / Ой не стану с женой жить. / А я буду, а я стану / Свою прежнюю любить</i> [Бигдай, Т. 2, с. 216]. 34) <i>Мне жениться не годится, / Стару бабушку взять, / На печи ее держать</i> [Бигдай, Т. 2, с. 307]. 35) <i>Чужемужняя жена – / Лебедушка белая. / А моя шельма жена – польнь горькая трава. / Как чужая жена идет, / Словно павушка плывет / А моя жена идет, / Как лягушка ползет</i> [Бигдай, Т. 2, с. 292]. 36) <i>Чем чужая жена лучше? / Чем чужая жена краше? / Червонные то монисты / Подошли молодцу под мысли / Ласковыми словами, / Да черными то бровями, / Да тихой походочкой, / Веселюю поговорочкой</i> [Бигдай, Т. 2, с. 164].
Бедная невеста – хорошая жена	37) <i>На что ее мне, ой, богатство? / Ея прелестна красота, / Ея прелестна красота / И ея ласковы слова?</i> [Бигдай, Т. 2, с. 206]. 38) <i>А визьмы дивчину, / Бидну сиротыну, / Буде тебе шануваты, / Якъ маты дытыну</i> [Концевич, с. 271]. 39) <i>А богата распроклята / Будэ мужа проклинать. / А бидная горэ знае, / Будэ мужа шанувать</i> [Захарченко, Вып. 2, с. 386]. 40) <i>Генеральская дочушка – она нам не работница. / Она нам не работница, / В доме не кукобница</i> [Бигдай, Т. 2, с. 314].
Визуальный и метафорический образ жены	41) <i>Ой вы, сусиды, добрыйи люды, / Хто шлычку найдэ, могорыч будэ. / Кварту горилкы, ще й мишок проса / Бо сьдыть жинка простоволоса</i> [Бигдай, Т. 1, с. 335]. 42) <i>Гей, якыйсь тоби дуракъ вынний, / Що ты вдався чорнобрывый; / Гей, а я руда удалася, / Чорнявому досталася</i> [Концевич, с. 389]. 43) <i>Кабы мне чернобровая жена, / Я б ее не бил, не бранил, / Я б ее</i>

	<p>у колясочке возил [Бигдай, Т. 2, с. 370]. 44) Пишов бы я в лис по дрова – / В мэнэ жинка чорноброва [Бигдай, Т. 2, с. 387].</p> <p>45) Нижкы били нэвэлычкы, носыть жовти чэрэвычкы [Бигдай, Т. 1, с. 277]. 46) Сыдыть жинка на припечку, нижкы пидибравши [Бигдай, Т. 1, с. 285]. 47) Чом, чом боса ходыш, чом чобит нэ заробыш? / Ой, нэ жалуй дурнычкы, купы мини черэвычкы [Бигдай, Т. 1, с. 334]. 48) Засыпала, закопала, ниженькамы прытоптала. / Ниженькамы туп-туп, лэжи, старый, тут-тут [Бигдай, Т. 1, с. 301]. 49) Лягла середъ долу, дрыгае ногою [Концевич, с. 310]. 50) Я ж просыла у тэбэ: купы черэвычкы, / А ты ж мини отказав: ничкы нэ вэлычкы [Бигдай, Т. 1, с. 319]. 51) Грыць мэнэ полюбыв, / Грыць мэнэ, моя маты, Черэвычкы купыв [Бигдай, Т. 1, с. 302]. 52) Возьмы чулочки, обуй ниженьки; / Выйды, выйды, буде гоже, / Богъ, коханочко, поможе, / Куплю баимачки! [Концевич, с. 125]. 53) Якъ же мени Прудывуса / Не любыть, не любыть? / Обищавъ мени черевычкы / Та купыть, та купыть [Концевич, с. 145].</p> <p>54) Ой, вышеньку, черешеньку / Треба польваты, / А мене молодую / Треба шануваты [Концевич, с. 247]. 55) Шо вин мэнэ нэ бье, нэ лае, / Шо вин мэнэ за голубку мае [Бигдай, Т. 1, с. 114]. 56) Досталася жинка як мэд з калачем, / В тыждэнь пилса свадьбы втикла з панычем [Бигдай, Т. 1, с. 311].</p>
--	---

Таблица 6.

«Репрезентация концепта МУЖ в лирических песнях»

Ценность мужа для жены	<p>1) А мий мылый чорнобрывый / До работы ны лынывый. / Ой вин мини пригодиться, / Ой вин мини знадобыться [Захарченко, Вып. 2, с. 487]. 2) Ой зима, зима, зима лютая / Нэ зморозъ мэнэ, / Ой, нэ так мэнэ, як мужа мого. Ой, горэ мини бэз мужа мого [Бигдай, Т. 1, с. 209]. 3) Ой, нэ лай ты його, моя матинко, / Та пьяныцю мого. / Е у мэнэ диточки дрибнэньки. / Бо як умрэ гиркый пьяныця, / Горэ будэ бэз його [Бигдай, Т. 1, с. 196]. 4) Ой горе, горе / С таким мужем жить, / А еще горчей, / Как такого нет [Бигдай, Т. 2, с. 245]. 5) Хворостыну нашла, пэрэсэрдылася / А до своего мылынького змылосердилася [Захарченко, Вып. 2, с. 472].</p>
Хороший / плохой муж, старый муж	<p>6) Щоб горилкы нэ пыв, табаку нэ нюхав, / Чужих жинок нэ любыв, мэнэ тилько слухав [Бигдай, Т. 1, с. 320]. 7) За хорошим мужом / Жинка молодие. / А за нэ добрым мужом / З лыченька марние [Захарченко, Вып. 2, с. 244]. 8) Пряла бь же я кудельцю, такъ головка больть, / Пыла бь же я горилочку, такъ старый не вельть [Концевич, с. 178]. 9) Пишов старый, пишов брыткый (противный, гадкий), калыны ломаты, / А я своего мылэнького впустила до хаты [Бигдай, Т. 1, с. 252]. 10) Молодыци, гэй, молодыци! / Чи в вас таки чоловікы, як и в мэнэ / А у мэнэ старычище, / Нэ пускае на улыцю цо найгирше [Бигдай, Т. 1, с. 320]. 11) Ой, цур тоби, старый диду, / З бороною, / Нэхай ростэ рута-мята / З лободою [Бигдай, Т. 1, с. 337]. 12) Бо, диду – дидуга, / Изогнувся, якъ дуга; / А я молодэнька, / Гуляты раденька [Бигдай, Т. 2, с. 226]. 13) Да за старым мужем жить, / Да старушкою слыть [Бигдай, Т. 2, с. 295]. 14) Да на дно моря я пойду. / За старого не пойду [Бигдай, Т. 2, с. 301]. 15) Мой немилый, муж постылой, / Муж постылой в гусли грая, / Он в гусельки грая, грая / На мене младу гляня, гляня, / На мене венюк вяня, вяня [Бигдай, Т. 2, с. 301]. 16) А как первая заботушка – / Муж невдалая головушка [Бигдай, Т. 2, с. 327]. 17) Воля, воля красным девушкам гулять, / А молодушкам мужсья не велят [Бигдай, Т. 2, с. 327].</p>

Законность мужа	18) <i>Лэжить мий мылый / На правой ручки / Боюсь його й разбудыты</i> [Захарченко, Вып. 2, с. 270]. 19) <i>Законный муж дома, / Лежит он со мною</i> [Бигдай, Т. 2, с. 189].
Муж бьет жену	20) <i>Мой миленький, сердитенький, / Рассердился на меня, / Рассердился, разгневался, / Хотел меня побить</i> [Бигдай, Т. 2, с. 340]. 21) <i>Я ж думала, шо мий мылый спыть, нэ чуе, / А ж вин на мэнэ вже нагаичку готуе</i> [Бигдай, Т. 2, с. 385]. 22) <i>Ничого нэ робе, тилько водку пье. / Як прыйдэ до дому мэнэ бье</i> [Захарченко, Вып. 2, с. 433]. 23) <i>Да чаму ты бьешь, чаму учишь? Чаму учишь, навчаешь?</i> [Бигдай, Т. 2, с. 300]. 24) <i>Во руках держа шелковую плет, / Шелковую плет об семи хвостов. Об семи хвостов, десяти узлов. / Да он хоча бить молодую жену</i> [Бигдай, Т. 2, с. 299]. 25) <i>Шумитьме дротяна нагайка / Та по над головою</i> [Концевич, с. 425]. 26) <i>Муж горилку дуже пье и табаку нюха, / Чужих любэ, мэнэ бье, николы нэ слуха</i> [Бигдай, Т. 1, с. 319]. 27) <i>За що ж мэнэ мужик бье, за якийи вчинки?</i> [Бигдай, Т. 1, с. 276]. 28) <i>Ой Васенька мой, / Сердечко мое, / За что меня бьешь, / За что ты бранишь?</i> [Бигдай, Т. 2, с. 377].
Визуальный образ мужа	29) <i>Нэ вэлыкый круглолыкый, вусы як щетына ... Ходыть дидом, харпаком и табаку нюха</i> [Бигдай, Т. 1, с. 276]. 30) <i>Якый тоби дурэнь вынэн, / Шо ты вдався чорнобрывый, / А я руда родылася, / Чорнявому судылася</i> [Бигдай, Т. 1, с. 339]. 31) <i>За рудого отдала, така доля моя! Ненько моя мыла, / Що ты мени наробыла!</i> [Концевич, с. 391]. 32) <i>Пийшов козак з хаты / У поле й ораты. А я соби молодэнька. Пиду погуляты</i> [Захарченко, Вып. 2, с. 431].

Таблица 7.

«Репрезентация концепта КАЗАК в исторических и военно-бытовых песнях черноморских казаков»

Основное эмоциональное состояние казака – печаль, тоска	1) <i>Схылывьсь козак та й заплакав / Дрибны... дрибными сльозамы</i> [Захарченко, Вып. 2, с. 51]. 2) <i>Як ось козака, / що плаче вин з горя, / Обизвалась доля по тим боци моря</i> [Бигдай, Т. 1, с. 63]. 3) <i>Зажурылысь запорожци, шо в ногах кайданы; / Ой, тэпэр мы, ридны браття, на выкы пропалы</i> [Бигдай, Т. 1, с. 36]. 4) <i>Зажурылысь чорноморци, / Шо нигдэ прожиты,</i> [Захарченко, Вып. 2, с. 42]. 5) <i>Ой, годи ж нам журыться, пора пэрэстаты, Диждалыся вид царыци за службу заплаты</i> [Бигдай, Т. 1, с. 39]. 6) <i>Зажурылысь стари й мали, народ голосуе...</i> [Бигдай, Т. 1, с. 42]. 7) <i>Зеленый дубочок на яр похылывся, / Молодой козаче, чого зажурывся?</i> [Бигдай, Т. 1, с. 157]. 8) <i>Идить до ворога, Хай вам Бог помога, / Ой, уже ж мою та й головоньку / Журба наляга</i> [Бигдай, Т. 1, с. 57]. 9) <i>Молодой козаче, / Чого зажурывся? / Чого зажурывся? / Без доли родывся!</i> [Концевич, с. 232].
Казак – субъект речевых действий	10) <i>Як козак в ныволи / По-над Днипром ходэ, / Выкыкае долю: Гэй, выйды, долэ, из воды</i> [Захарченко, Вып. 2, с. 35]. 11) <i>Запорижский козаченько / Ны пье, ны гуляе. / Свого ж пана кошевого / батьком называе. / Позволь, позволь, ты наш батько, Нам на баити сяты</i> [Захарченко, Вып. 2, с. 29]. 12) <i>Йихав козак за Дунай / Сказав: «Дивчина, прощай!»</i> [Захарченко, Вып. 2, с. 82].
Казак субъект действий на службе,	13) <i>Йихав козак на вийноньку, / Сказав: прощай, дивчинонька</i> [Захарченко, Вып. 2, с. 59]. 14) <i>Воны йдуть, йдуть, / Як орлы гудуть. / Та й спо-пэрэд сэбэ та й вражых ляхив / облавою пруть</i> [Захарченко, Вып. 2, с. 63]. 15) <i>Гэй, ты козаче, хапай низе, / Дэ побачишь вориженька, там и риж</i> [Захарченко,

казак пьет горилку, гуляет	Вып. 2, с. 33]. 16) <i>А я пиду на край свита, / Буду воюваты. / Тэбэ, мое сэрдэнятко, Буду спомынаты</i> [Захарченко, Вып. 2, с. 78]. 17) <i>Царьска служба – довг воинський, / Трэба мини йихать в вийско, / шоб граняцію захищаты / Од лютих врагив</i> [Захарченко, Вып. 2, с. 82]. 18) <i>Будэм... будем с тэбэ пример браты, / Кубань ридну захищаты</i> [Захарченко, Вып. 2, с. 91]. 19) <i>Сим дней хлиба ны видалы, / На самой води жили</i> [Захарченко, Вып. 2, с. 55]. 20) <i>Забралыся як ти орлы / Добычу дилыты / З дивчатами жартуваты, / Мэд-горилку пыты</i> [Захарченко, Вып. 2, с. 69]. 21) <i>Гэй, васюринский козарлюга та пве в корчми гуляе</i> [Бигдай, Т. 1, с. 35]. 22) <i>А мы будэм пыты, пыты ще й гуляты, / Розпроклятих басурманив / По горам-скалам ганяты</i> [Захарченко, Вып. 2, с. 540]. 23) <i>Ой, извылы козаченькы голубой намэт / Та й пьють соби горилочку, ще й солодкый мэд</i> [Бигдай, Т. 1, с. 60]. 24) <i>Ой, нэ убыврайся, молодой козаче, завтра поход будэ. / Я ж походу того нэ боюся, зараз снаряжуся</i> [Бигдай, Т. 1, с. 64].
Казаки – объект насильственных действий	25) <i>Эй, розигналы запорожцив, / Комусь було трэбэ</i> [Захарченко, Вып. 2, с. 26]. 26) <i>Там убылы, там убылы / Молодого козака. / Схоронылы, схоронылы при широкой долини. / Помыналы, помыналы при високой могыли</i> [Бигдай, Т. 1, с. 48]. 27) <i>Завзялыся ляхи, завзялыся ляхи / Ще й прывражи люды, / Вбывать козакив, бо им з ных добра / Николы нэ будэ</i> [Бигдай, Т. 1, с. 61]. 28) <i>Ой, у поли жыто копытамы збыто, / пидь билою березою козаченька вбыто. / Ой, убыто, вбыто, / Затянуто въ жыто, / Червоною кытайкою / Лыченько прыкрыто</i> [Концевич, с. 238]. 29) <i>Мы пойидэм, панэ братэ, козакив рубаты</i> [Бигдай, Т. 1, с. 51]. 30) <i>Та йихав козак та черэз байрак, / Став коня напуваты, / А за ным, за ным туркы, татары / У нэволэньку браты</i> [Бигдай, Т. 1, с. 62].
Казак – объект действий близких людей	31) <i>Мать провожала / Нас на войну. / Мать провожала / Благословляла...</i> [Захарченко, Вып. 2, с. 75]. 32) <i>Я любила козака / Ой повик нэ забуду</i> [Захарченко, Вып. 2, с. 79]. 33) <i>Йихав козак долиною, / Ой, за ным жинка у догоню / Эй, вона його доганяе, / ой словамэ вговоряе, / Ой мылым другом його называе</i> [Захарченко, Вып. 2, с. 78]. 34) <i>Ой поховайим мы своего героя / В сыру землю глыбоко</i> [Захарченко, Вып. 2, с. 49].
Визуальный образ казака	35) <i>Та и пишлы наши та козаченькы та за крути горы / Тико видно шапочки вэршечкы, з парада шнурочки</i> [Бигдай, Т. 1, с. 64]. 36) <i>Йидэ козак дорогою, копьем упыраеться</i> [Бигдай, Т. 1, с. 46]. 37) <i>Кинджал, шапку, сидло, шапку, / Черкэску ще й бурку</i> [Захарченко, Вып. 2, с. 93]. 38) <i>Мушкетюга у чехли, а шаблюка пры боци, / Ратыще довгэе, чому нэ козак! / Всунув ногу в стрэмэно, ратюгою впэрся в землю / И на коня вороного прудко излытив</i> [Бигдай, Т. 1, с. 57]. 39) <i>Йихав полэ, йихав другэ, / А на трэтьому становывся. / Ворон коньк утомывся</i> [Бигдай, Т. 1, с. 44]. 40) <i>И кинь вороный и сам молодой / Здаеться, шо нэ згыну</i> [Бигдай, Т. 1, с. 61]. 41) <i>А на вороному кони, / Та на черкэсскому сидли. / Та ще й шабэлька пры мыни</i> [Захарченко, Вып. 2, с. 98]. 42) <i>Гэй, пид билою то бэрэзою, / Головку кладэ</i> [Бигдай, Т. 1, с. 57]. 43) <i>Та знялы йому с плеч головоньку / Миж тромя могыламы</i> [Бигдай, Т. 1, с. 62]. 44) <i>Попала пуля у грудь мою</i> [Захарченко, Вып. 2, с. 75].
Метафорический образ казака	‘казак – сокол’: 45) <i>Нэ выйду, козаче, нэ выйду, соколэ</i> [Захарченко, Вып. 2, с. 31]. ‘казаки – орлы’: 46) <i>Лэтить орэл над Кубанью / Та й лэтаючи кряче. Ишов козак дорогою, / Та й идучи плаче</i> [Захарченко, Вып. 2, с. 95]. 47) <i>Воны йдут, йдут, / Як орлы гудуть</i> [Захарченко, Вып. 2, с. 63]. ‘казак – соловей’: 48) <i>Чому, соловэйко, рано нэ щибэчеш, / Голосу нэ маю. / Чому, козаченько, тяжко зажурывся, / Фортуны нэ знаю</i> [Бигдай, Т. 1, с. 54].

	<p>‘черноморцы – черные галки’: 49) <i>Ой вы галкы, галкы чорнэсэнкы, / Круту гору вскрылы. / Ой вы хлопци, хлопци чорноморци, / Шо ж вы, шо ж вы наробылы?</i> [Захарченко, Вып. 2, с. 40].</p> <p>‘казаки – сыны доброй воли’: 50) <i>Ой вы хлопци-запорожци, / Сыны доброй воли</i> [Захарченко, Вып. 2, с. 37].</p> <p>‘казаки – дети’: 51) <i>Ше диеться тыпэр в свити, / Ой чийи ж мы диты?</i> [Захарченко, Вып. 2, с. 69].</p> <p>‘казак – явир (клен)’: 52) <i>Ой, стоить явир та й над водою, / На воду схылывся. / Ой, молодэнькый та й козаченько, / Чого зажурывся?</i> [Захарченко, Вып. 2, с. 46].</p>
Уничтожение домашнего мира казаков	<p>53) <i>Скризь стрэляють из гарматив / В наши ридни хаты. Ой там плачуть батько й маты, / Жинка, ридни дети</i> [Захарченко, Вып. 2, с. 20]. 54) <i>Колысь булы стэпы, плавни, / То й позаросталы</i> [Захарченко, Вып. 2, с. 22]. 55) <i>Зашумила Украйна / така йийи доля / Зашумила, заплакала / Як мала дытына / Ныхто йийи ны ратуе, / Козачество гынэ</i> [Захарченко, Вып. 2, с. 28]. 56) <i>Колысь було в людэй добро / Нажитэ годами, / Забыралы, отнымалы цэлымы возамы</i> [Захарченко, Вып. 2, с. 93]. 57) <i>Ризав людэй, жинок, дитэй, / Разбоем занявси (о турках)</i> [Захарченко, Вып. 2, с. 93].</p>
Приоритетность службы	<p>58) <i>Ой, мини с жинкой нэ возыться, / А тютюн та люлька козаку в походи прыгодыться</i> [Бигдай, Т. 1, с. 31]. 59) <i>Не женыся на богатий, бо выжене зь хаты / Не женыся на убогий, бо не будешь спаты. / Оженысь на вольний воли, / На козацькый доли</i> [Концевич, с. 232].</p> <p>60) <i>Я и сам нэ жэнюсь / И вам нэ вэлю. / Та й пид билою пид бэрэзою / Голову складу</i> [Захарченко, Вып. 2, с. 63]. 61) <i>Царьска служба – довг воиньскый, / Трэба мини йихать в вийско, / Шоб граныцю защицаты / Од лютых врагив</i> [Захарченко, Вып. 2, с. 82]. 62) <i>В Тамани жить, вирно служить, граныцю дэржаты, / Рыбу ловыть, горилку пыть, ще й будэм богати. / Та вже трэба й жэнытыся и хлиба робыты</i> [Бигдай, Т. 1, с. 39].</p>
Дорога – опасное для казака, гибельное место	<p>63) <i>По-над дугом, вой да / Шлях-дороженька да, гэй, / Гэй, дороженька, гэй / Ой да ныхто туда, / Ой да ны проходило да, гэй, / Ой да ны проходило</i> [Захарченко, Вып. 2, с. 84]. 64) <i>От опушки до сэла / Стэжка по лису выла. / Тию стэжкою, ой дорожкой / Кавалерия ишла</i> [Захарченко, Вып. 2, с. 104]. 65) <i>Скажи мини ширу правду, / Куда шлях-дорога: / А чи в тэмный, тэмный лис, / А чи в чистэ полэ?</i> [Бигдай, Т. 1, с. 65]. 66) <i>Скажи мини ту дорогу, куды йихать до роду, / Сюды блудыть, тыды блудыть, куды йихать до роду</i> [Бигдай, Т. 1, с. 299]. 67) <i>Ой, шлы ляхы на тры шляхы, дороги пыталы: Шлы козаки, сюды ишлы, чи вы нэ выдалы?</i> [Бигдай, Т. 1, с. 51]. 68) <i>Потеряв я свою долю, ходячи в дорогу. / Ой, у Ромни горять огни, а в Тамани чуты. / Умэр, умэр козаченько у нэдилю вранци, / Поховалы козаченька в зэлэним байраци</i> [Бигдай, Т. 1, с. 174]. 69) <i>Ой, устанэм, хлопци рано, помолывишиь Богу, / Чи нэ дасть нам щирый Боже на Дунай дорогу</i> [Бигдай, Т. 1, с. 36]. 70) <i>Ой, витэр нэ вие, ой сонце нэ грие, / Тико в поли пры дорози трава зэлэние</i> [Бигдай, Т. 1, с. 181]. 71) <i>Йидэ козак дорогою, копьем упыраеться, / За ным идэ дивчинонька, слизонькамы умываеться</i> [Бигдай, Т. 1, с. 46]. 72) <i>Лэтыть орэл над Кубанью / Та й лэтаячи кряче. / Ишов козак дорогою, / Та й идучи плаче</i> [Захарченко, Вып. 2, с. 94]. 73) <i>Йихав козак на вийноньку, / Сказав: прощай, дивчинонька. / Прощай, дивчина чорнобривонька, / Йиду в чужу стороненьку</i> [Захарченко, Вып. 2, с. 59]. 74) <i>Ой, ты мий козаче, хрэщатый барвинку, / Кто ж тоби постэлэ у дорози постэльку?</i> [Бигдай, Т. 1, с. 205]. 75) <i>А пишов козак дорогою, / А дорогою широкою, / А долиною глыбокою</i> [Бигдай, Т. 1, с. 44].</p>
Долина – опасное место,	<p>76) <i>А у долини огонь горыть, / Огонь горыть, розбой сыдыть</i> [Бигдай, Т. 1, с. 44]. 77) <i>Там убылы молодого казака, / Схоронылы, схоронылы, /</i></p>

символизирующее печаль	<i>Схороньлы пры широкой долини. / Поминалы, поминалы, / поминалы пры високой могылы [Бигдай, Т. 1, с. 48]. 78) Та повылы його, козакса молодого, / Ярамы долынамы. / Та знялы йому с плич головоньку / Миж тромя могыламы. [Бигдай, Т. 1, с. 62]. 79) Ой на гори огонь горыть, / А в долини козак лыжить... [Захарченко, Вып. 2, с. 103]. 80) Ой, выйду я на могылу, та гляну я у долину. / Долина глыбока, калына висока, / Аж до долу виття гнутья. / А пид тою калыною стояв козак з дивчиною, / Дивчинька плаче, слизненько рыдае, / Свою долю проклянае [Бигдай, Т. 1, с. 124]. 81) Туман, туман по долини аж в кучери вьеться, / Ой, дэсь моя лыха доля стэпом волоченься [Бигдай, Т. 1, с. 123]. 82) Ой, йшов по горам, право, по долынам, / А туман и налягае. / А помиж тьмы, право, туманамы, / А сыз голуб литае. / Ой, да вин литае, право, буркотае, / Голубку шукае [Бигдай, Т. 1, с. 210].</i>
Горы – граница между своим и чужим пространством; горы – символ печали, гора	<i>83) Ой, з-за горы, з-за лыману / Витэр повивае: / Кругом Сичи Запорожський / Москаль обягае [Бигдай, Т. 1, с. 352]. 84) Та и пишлы наши та козаченькы та за крути горы. / Тико выдно шапочки вэршечкы, з парада шнурочки [Бигдай, Т. 1, с. 64]. 85) Лэтила пуля, / Через гору. / Попала пуля / У грудь мою [Захарченко, Вып. 2, с. 76]. 86) Стоить мисяц над горою и сонця нэмае, / Матэ сына в дориженьку слизно провожае [Бигдай, Т. 1, с. 49]. 87) Рэвуть, стогнуть горы, хвыли / В сынэсэньком мори. / Плачуть, тужуть козаченькы / В турэцькой нэволи [Захарченко, Вып. 2, с. 37]. 88) Роскопаю круту гору / Та й сяду спочину, / Як надину царьскэ плаття, / То в ним и загыну [Бигдай, Т. 1, с. 66]. 89) Ой, нэ буду, мий сыночку, / Нэ буду, нэ буду. / Ты за гору, я за другу, / За тэбэ й забуду [Бигдай, Т. 1, с. 67].</i>
Море – граница между своим и чужим пространством; море – символ печали	<i>90) Забралыся вси бурлаки / До синього моря. / Посыдалы на камини / Заспывалы з горя [Захарченко, Вып. 2, с. 69]. 91) Чорна хмара з-за лымана, / А дру... а другая з-за моря. / Заумила Укра... / Украйна / Така, така ййии доля [Захарченко, Вып. 2, с. 28].</i>
Лиман – граница, лиман – свое пространство	<i>92) Дарувала нам царица аж чотыри лымана, / Шоб ловылы хлопци рыбу та справлялы жупаны [Захарченко, Вып. 2, с. 36]. 93) Днистровський, Днипровський, обыдва лыманы [Захарченко, Вып. 2, с. 346].</i>
Река Кубань – граница между своим старым и своим новым пространством.	<i>94) Тыче Кубань, аж у лыман / Вэрст, мабудь за трыста, / Писок крутэ, воду мутэ, / Шоб ны була чиста / Тыче Кубань, аж у лыман / А з лымана в морэ. / Та й ны зналы козаченькы / Якэ будэ горэ [Захарченко, Вып. 2, с. 93]. 95) Кубань-речка ньобольшая / Пырывозу на ней нет / Мы на это ны вдарялы, / Кубань речку пырыйшлы [Захарченко, Вып. 2, с. 55]. 96) Як нам бидным чорноморцям / За Кубанью житы [Захарченко, Вып. 2, с. 44]. 97) Бувай же здорова, Днепр-рика мутная, / Пидэм на Кубань крацойи напытья. / Бувайтэ здорови, вси курины наши, / Тут вам бэз нас розвалытья [Захарченко, Вып. 2, с. 342].</i>
Прошлое – свое время	<i>98) Ой, колысь мы воювалы, / Та бильше нэ будэм. / Того шастя, тийи доли / Повик нэ забудэм. Та вже й шабли заржавилы, / Мушкеты без куркив. / А ще сэрицэ козацькое / Нэ боитья туркив. [Бигдай, Т. 1, с. 55]. 99) Ой колысь мы панувалы, / вже бильше нэ будэм [Бигдай, Т. 1, с. 22]. 100) Служилы мы вирно у поли й на мори / Та й осталыся убоги, боси й голи [Бигдай, Т. 1, с. 346]. 101) А дэ булы очэрэты – тэпэр попахалы, / А дэ булы жинкы наши – ворогы забралы [Бигдай, Т. 1, с. 40].</i>
Настоящее – чужое время	<i>102) Гынэ слава батькивцины, / Гынэ всэ на свити, / Вырастають ны хрыщени / Козацькие диты [Захарченко, Вып. 2, с. 23]. 103) Идуть наши чорноморци / Та й нэ оглядаютья. / Оглянутья в ридный край – / Слизьми умываютья [Захарченко, Вып. 2, с. 38].</i>
Будущее – надежда на	<i>104) Що диеться, що маеться, / Що будэ потому / Кромэ Бога одного / Нэ звисно нэкому [Захарченко, Вып. 2, с. 67]. 105) Згынуть наши вориженькы,</i>

лучшее, свое время	/ <i>Як роса на сонци. / Запануем, ой вы хлопци, / На чужи стороници</i> [Захарченко, Вып. 2, с. 28].
Недовольство казаков властью	106) <i>Ой, ради б мы вэрнутыся, так пан нэ пускае. / Нэ так сам пан, та як його маты. / Хоче з намы, з козакамы турка звоюваты. / Вона ж його нэ звоюе, / Вона ж його дужче роздратуе</i> [Бигдай, Т. 1, с. 64]. 107) <i>Ой ты грабэ, пан Потоцькый, розпроклятый сыну, / Занапастыв Польшу, Лытву, хочеш й Украину</i> [Бигдай, Т. 1, с. 40]. 108) <i>Гэй, ой маты Катэрыно, та шо ты наробыла, / Гэй, шо то вийско запорижскэ та й занапастыла</i> [Бигдай, Т. 1, с. 35]. 109) <i>Бодай тоби, Кухаренко, так добрэ служиты, Як нам бидным запорожцям / На Кубани житы</i> [Захарченко, Вып. 2, с. 26]. 110) <i>Гэй, ты Бигданэ, Бигданэ, / Нэразумный гетьманэ Бигданэ</i> [Захарченко, Вып. 2, с. 31].
Воплощение представлений казаков о Родине: (текст песни «Прощай Уманська станиця»)	111) <i>Прощай ты, Уманська станиця, / Прощай, вэсэла сторона. / Прощай, казачка ж молодая, / Прощай, голубушка моя. / Седлайте мне коня гнедого / С турецким бархатным седлом. / Я сяду, сяду и поеду / В чужие дальние края. / Казацкий конь далеко скачет, / Казачка ниченьку нэ спыть. / Вона нэ спыть и горько плаче. / У темной хижине своей. / Когда домой я возвращуся, / В свои родимые края, / Никто меня так не устренет, / Как ты, голубушка моя</i> [Захарченко, Вып. 2, с. 42].
(текст песни «Прощай, мий край, дэ я родывся»)	112) <i>Прощай, мий край, дэ я родывся, / Дэ пэрву жизнь свою ввыдав, / Дэ козаком на свит родывся, / Родной Кубани присягав. / Дэ диды, праидиды служилы. / У пользу русьскому царю, / За Русь головки положили, / Колы нужна – отдам свою. / Настав тяжелый час розлуки / Я йду за Родину служить. / Змогли диды, зумиють внуки / Живот за веру положить</i> [Захарченко, Вып. 2, с. 13].

Таблица 8.

«Репрезентация концепта КАЗАК в исторических и военно-бытовых песнях линейных казаков»

Казак – субъект военных действий	1) <i>Мы разбили супостата</i> [Бигдай, Т. 2, с. 13]. 2) <i>Козаки вступили в дело</i> [Бигдай, Т. 2, с. 15]. 3) <i>И турецким всем драгунам он пощады не давал</i> [Бигдай, Т. 2, с. 15]. 4) <i>А мы били их без меры и прикладом и штыком</i> [Бигдай, Т. 2, с. 19]. 5) <i>Разнесли мы супостата, разнесли мы всю орду</i> [Бигдай, Т. 2, с. 19]. 6) <i>И майор наш славный Пивень / С них оружие поснял / Малома же их, злодеев, / Как баранов, в плен погнал</i> [Бигдай, Т. 2, с. 25]. 7) <i>Мы пробили стену, пошли на ура, / Били, рубили, крепко ранили</i> [Бигдай, Т. 2, с. 36]. 8) <i>Молния блистает, сильный гром гремит, верно гренадеры с турком сразились</i> [Бигдай, Т. 2, с. 36]. 9) <i>Наши двинулись за ними, / Посылали пули в спины, / И бледнея и тоскуя, / Басурман бежит, толкуя</i> [Бигдай, Т. 2, с. 41]. 10) <i>А как Волков командир врагу крылья отрубил</i> [Бигдай, Т. 2, с. 49]. 11) <i>Вознесенцы, мы не трусы, закрутили врагу усы</i> [Бигдай, Т. 2, с. 50]. 12) <i>Мы по пятам их чесали, / Без особого труда. / К виду самому приперли, / Расчесали в пух и прах, / Видит турка: дело плохо, / Подымает белый флаг</i> [Бигдай, Т. 2, с. 64]. 13) <i>Как зверье мы рассердились / И бросались наперед. / А кубанцы невстрашимы стали с горцами сражатъ</i> [Бигдай, Т. 2, с. 80].
----------------------------------	--

Казак – объект действий командиров	14) <i>Корпус наш неустрашимый командиром награжден</i> [Бигдай, Т. 2, с. 13]. 15) <i>Малахвари, храбрый воин, казаками управлял</i> [Бигдай, Т. 2, с. 55]. 16) <i>Он поздравил нас с походом / И отдал такой приказ</i> [Бигдай, Т. 2, с. 76]. 17) <i>Ой, спасибо Шаманскому, что повел нас напрямки</i> [Бигдай, Т. 2, с. 78].
Казак – объект действий врага	18) <i>Убит сотник Бирюков, / Ранен песенный Орлов</i> [Бигдай, Т. 2, с. 32]. 19) <i>Наполеон грозил войною, покорить он нас хотел</i> [Бигдай, Т. 2, с. 38]. 20) <i>Не успели врага встретить, как нас посмешили</i> [Бигдай, Т. 2, с. 49]. 21) <i>Басурманин, враг лукавый, / Вздумал с нами пошутить, / Окруживши все заставы, / Ну нас голодом морить</i> [Бигдай, Т. 2, с. 71]. 22) <i>И вот снова налетают / Те ж враги на наш отряд, / Громом ядер угощают / И картечью нас громят</i> [Бигдай, Т. 2, с. 72]. 23) <i>Нам от горского злодея нет покоя никогда</i> [Бигдай, Т. 2, с. 73].
Казак – субъект речи и песен	24) <i>Наши грянули: «Ура!»</i> [Бигдай, Т. 2, с. 19]. 25) <i>Линейцы гуляют / И про службу про свою песни распевают</i> [Бигдай, Т. 2, с. 28]. 26) <i>Про тебя ей-ей не стыдно песню громкую сложить</i> [Бигдай, Т. 2, с. 34]. 27) <i>Тут недалеко за горою / Крик там раздавался, / Наш полковник Комисов / Славно распоряжался</i> [Бигдай, Т. 2, с. 28]. 28) <i>...по войску проезжал, речь хорошую сказал</i> [Бигдай, Т. 2, с. 32]. 29) <i>После боя, умирая, / Наш казак промолвил мне</i> [Бигдай, Т. 2, с. 32]. 30) <i>Есаул наш храбрый Петин / Вскричал: «Смирно, молодцы!»</i> [Бигдай, Т. 2, с. 43]. 31) <i>Мы кричали все: «Ура!»</i> [Бигдай, Т. 2, с. 43]. 32) <i>Преград турок мы не знаем и везде кричи: «Ура!»</i> [Бигдай, Т. 2, с. 47]. 33) <i>Волков видит, что смешали / Закричал: – Лабинцы!</i> [Бигдай, Т. 2, с. 49]. 34) <i>В живых врагам не оставаться, мы прогремим им вдруг: «Ура!»</i> [Бигдай, Т. 2, с. 54]. 35) <i>Полковнику командиру прокричим – Ура, ура!</i> [Бигдай, Т. 2, с. 56]. 36) <i>Запоём мы песню эту / Про изверга Шамяля</i> [Бигдай, Т. 2, с. 73]. 37) <i>Промеж себя говорили, / Славно, ребята, ай-люли</i> [Бигдай, Т. 2, с. 79]. 38) <i>Ой да пословесно, / Братцы, рассказал</i> [Бигдай, Т. 2, с. 92].
Визуальный образ казака	39) <i>Генерал наш знаменитый, / Любим в армии у нас, / Орденами грудь покрыта</i> [Бигдай, Т. 2, с. 98]. 40) <i>Свидетели его раны, висят кресты на грудях</i> [Бигдай, Т. 2, с. 150]. 41) <i>И к груди, свинцом пробитой, крест свой медный прижимал</i> [Бигдай, Т. 2, с. 117]. 42) <i>Как пронзила его пуля сквозь грудь белую его</i> [Бигдай, Т. 2, с. 81]. 43) <i>Как кубанцы-пластуны грудью встретили врагов</i> [Бигдай, Т. 2, с. 64]. 44) <i>Грудь отряда впереди</i> [Бигдай, Т. 2, с. 38]. 45) <i>У казака сердце мрет, / Казак дома не живет</i> [Бигдай, Т. 2, с. 149]. 46) <i>Уж вы раны мои, / Вы кровавые. / Вы до сердца дошли. / Сердце кровью облили</i> [Захарченко, Вып. 1, с. 56]. 47) <i>Уж вы раны мои, раны больные, / Горячи-боляци, моему сердцу пришли</i> [Бигдай, Т. 2, с. 109]. 48) <i>Под ракитой зеленой солдат голову склонил, на грудь ручки положил</i> [Бигдай, Т. 2, с. 39]. 49) <i>Вы слетайтесь, вороны, / Тело белое клевать</i> [Бигдай, Т. 2, с. 40]. 50) <i>Тут познали вдруг турки гордые / Руку тяжкую гренадерскую</i> [Бигдай, Т. 2, с. 67]. 51) <i>Его друзья несли на бурке, / Он едва уже дышал</i> [Бигдай, Т. 2, с. 22]. 52) <i>Может, завтра после боя нас на бурке понесут</i> [Бигдай, Т. 2, с. 105]. 53) <i>Черну бурочку, ой, расстилали, / Белу булочку, ой, доставали</i> [Бигдай, Т. 2, с. 144]. 54) <i>Той дорожкой проезжали на пост Братский казаки, / Бурки черные мелькали и белели баишлыки</i> [Бигдай, Т. 2, с. 24]. 55) <i>Разостлана бурочка, / Ой, бурочка. / А на бурочке лежит / Удал добрый молодец</i> [Бигдай, Т. 2, с. 114]. 56) <i>Тело бело, тело бело, / Тело бело в черной бурочке несут</i> [Бигдай, Т. 2, с. 122]. 57) <i>Свалилась черная шапочка с буйной моей головы. / Рассыпались остры стрелочки / По сырой матушке земле</i> [Бигдай, Т. 2, с. 137]. 58) <i>Казаки пошли все в шапки, а солдаты во штыки</i> [Бигдай, Т. 2, с. 79]. 59) <i>Шапки вон – идем на смерть</i> [Бигдай, Т. 2, с. 32]. 60) <i>Линейные казаки во фланге стоят, / Шапками блистают, подрались хотят</i> [Бигдай, Т. 2, с. 36]. 61) <i>На шапки удально прибрязнем, врагам тут смерть, а нам – ура!</i> [Бигдай, Т. 2, с. 54]. 62) <i>Своей шашечкой он огонек вырубал / Ковыль-травушку рвал, на огонюшек клал</i>

	<p>[Бигдай, Т. 2, с. 107]. 64) <i>Даю коня тебе лихого, / Пику, шашку, портупей</i> [Захарченко, Вып. 1, с. 43]. Шашка, пика, верный конь [Бигдай, Т. 2, с. 34]. 65) <i>В меня свашкой была шашка, А булатный нож – дружком</i> [Захарченко, Вып. 1, с. 56]. 66) Сабель множество блистало [Бигдай, Т. 2, с. 38]. 67) <i>Гренадеры со штыками, / А казаки со копьями / Стали провожать</i> [Бигдай, Т. 2, с. 132]. 68) Ружья с новыми кремнями, шашки острия имеют [Бигдай, Т. 2, с. 32]. 69) <i>Привыкай, казаки, к ружью, шашке, коню</i> [Бигдай, Т. 2, с. 133]. 70) <i>Мы разбили супостата ружьем, саблей и штыком</i> [Бигдай, Т. 2, с. 60]. 71) <i>При боку у него шашка острая его, / За плечами у него ружье верное его</i> [Бигдай, Т. 2, с. 109].</p>
<p>Метафорический образ казака</p>	<p>‘казак – орел’: 72) <i>Наш Комков-то с казаками, как орел, в поле летал</i> [Бигдай, Т. 2, с. 20]. 73) <i>И орел наш славный, горный, / Он куда не залетал. / Из каких ущелий темных он врагов не выгонял</i> [Бигдай, Т. 2, с. 22]. 74) <i>По линеюшке Кавказской / Не сизой орел летал, / Наш походный атаман – / Он по войску проезжал</i> [Бигдай, Т. 2, с. 32];</p> <p>‘казак(и) – сокол(ы)’: 75) <i>И везде между народом пролетает соколом</i> (Слепцов) [Бигдай, Т. 2, с. 18]. 76) <i>Как не соколы крылаты / Чуют солнечный выход, / Царя Белого казаки собираются в поход</i> [Бигдай, Т. 2, с. 38];</p> <p>‘казаки – дети’: 77) <i>Наш отец перед отрядом бережет своих детей</i> [Бигдай, Т. 2, с. 13]. 78) <i>Он детей своих сзывает / На кровавый бранный пир</i> [Бигдай, Т. 2, с. 45]. 79) <i>Прими, атаман наш могучий Державный / Сердечные клики детей-казаков</i> [Бигдай, Т. 2, с. 96];</p> <p>‘казаки – братья’: 60) <i>После боя, умирая, / Наш казак промолвил мне: / «Отнеси-ка, брат родимый, ты родителям поклон»</i> [Бигдай, Т. 2, с. 32]. 61) <i>Да не ховайте меня, / Ой да мои братья, / Да не ховайте меня, / Та меж трех полков</i> [Бигдай, Т. 2, с. 127];</p> <p>‘казаки – невеста’ (царь – жених): 62) <i>И так невеста не страдает / В разлуке с милым женихом, / Как бедный полк наш унывает / И сир в отсутствии твоём</i> [Бигдай, Т. 2, с. 94];</p> <p>‘казаки – сыны’: 63) <i>Тебя мы ждали круглый год, / И ждали с сильным нетерпеньем / Так сын отца своего не ждет</i> [Бигдай, Т. 2, с. 94];</p> <p>‘казаки – цыгане’: 64) <i>Под палатками стояли, как цыгане по шатрам</i> [Бигдай, Т. 2, с. 11].</p>
<p>Командир казака</p>	<p>65) <i>Гром гремит, земля трясется, / Запылала в нас сердца, / Конь, как лев под ним несется,</i> [Бигдай, Т. 2, с. 74]. 66) <i>Свистнешь – лист с дерев валится, / Гаркнешь – вмиг перед тобой Рать удалая родиться, / Точно в сказочке какой</i> [Бигдай, Т. 2, с. 35]. 67) <i>Не громко труба воскликнула, как возговорил Румянцев граф</i> [Бигдай, Т. 2, с. 67]. 68) <i>Тут недалече за горою / Крик там раздавался. / Наш полковник Комисов славно распорядился</i> [Бигдай, Т. 2, с. 28].</p> <p>69) <i>Наш отец перед отрядом бережет своих детей</i> [Бигдай, Т. 2, с. 13]. 70) <i>Пуля пущена в него. Грудь его, отца, пронзила, наше счастье схоронила</i> [Бигдай, Т. 2, с. 21].</p> <p>71) <i>За ним двинулась вся армия / Воскликая: “Мы пойдем с тобой”</i> [Бигдай, Т. 2, с. 67]. 72) <i>Генерал наш Петрусевиц в крепость всех вперед зашел. Получил большую рану от текинца подлеца</i> [Бигдай, Т. 2, с. 60]. 73) <i>С нами ты, неотразимый мчишься в воду и огонь</i> [Бигдай, Т. 2, с. 34].</p> <p>74) <i>Встретил ласковым приветом наш полковник Малома. / Он поздравил нас с войною и пошел на Арпачай, / Он подвинул за собою весь наш полк в турецкий край</i> [Бигдай, Т. 2, с. 25].</p> <p>75) <i>Наш Ломакин генерал вдоль по войску проезжал. / Вдоль по войску проезжал, / Речь хорошую держал. Речь хорошу говорил, ружья новые дарил</i> [Бигдай, Т. 2, с. 39].</p>

	<p>76) <i>Он отцам благодаренье тут за деток воздавал, / И сирот отцов убитых тут же щедро награждал</i> [Бигдай, Т. 2, с. 18]. <i>Князь Бейбутов прозведет / И пример покажет, / Понавесит нам крестов / И спасибо скажет</i> [Бигдай, Т. 2, с. 28].</p> <p>77) <i>Ради Бога вас прошу, / Не ходите вы в корчму</i> [Бигдай, Т. 2, с. 51].</p> <p>78) <i>Говорят, Семенкин злой, а он батюшка родной, / Он по локоть отдерет / Да под суд не отдает</i> [Бигдай, Т. 2, с. 51].</p>
<p>Царь, Россия, вера – неразделимое представление для казака; смирение перед властью</p>	<p>78) <i>Да здравствуй на славу Руси православной, / На радость, на счастье своих соколов, / Прими, атаман наш могучий Державный, Сердечные клики детей казаков</i> [Бигдай, Т. 2, с. 96]. 79) <i>Всколыхнулся, взволновался Православный Тихий Дон, и послушно отозвался на призыв Монарха он</i> [Бигдай, Т. 2, с. 45]. 80) <i>Где нас царь благословил, / Там и Божья благодать</i> [Бигдай, Т. 2, с. 38]. 81) <i>За Царя и за Россию / Мы готовы умирать, / За Царя и за Россию будем смело воевать</i> [Бигдай, Т. 2, с. 106]. 82) <i>За родную Русь Святую не жалеешь сам себя</i> [Бигдай, Т. 2, с. 35]. 83) <i>На битву идут они смело, / И знамя России в руках</i> [Захарченко, Вып. 1, с. 51]. 84) <i>Плевну взяли для России и Османа для царя</i> [Бигдай, Т. 2, с. 64]. 85) <i>Ну-те ж, братцы кавказцы, / Дружно грядем мы: – Ура! / За победу, за Россию, / Да за батюшку царя!</i> [Бигдай, Т. 2, с. 64].</p> <p>86) <i>За нас мать наша Россия / Молит Бога всегда</i> [Бигдай, Т. 2, с. 73].</p> <p>87) <i>Помолися, мать-Россия, / Торжествуй, наш Николай</i> [Бигдай, Т. 2, с. 51].</p> <p>88) <i>Стойте же крепко за святую Церковь, общую нам мать. / Бог поможет луну золотую / С храмов Божьих сорвать</i> [Бигдай, Т. 2, с. 45].</p> <p>89) <i>Будем бить, пока изгоним всех с Европы басурман, / Христиан от них избавим, / Сами с Богом по домам</i> [Бигдай, Т. 2, с. 47]. 90) <i>Кровопийцы православных, / Бог накажет вас чрез нас</i> [Бигдай, Т. 2, с. 106].</p> <p>91) <i>Ой да Бог над нами, братцы, / Над случаем всегда</i> [Бигдай, Т. 2, с. 92].</p> <p>92) <i>Я надеюсь на Бога единого, / И на войско Линейное</i> [Бигдай, Т. 2, с. 85].</p> <p>93) <i>Было, братцы плоховато, / Да помиловал нас Бог</i> [Бигдай, Т. 2, с. 18].</p> <p>94) <i>С Богом, братцы, не робея, / Смело в бой пойдем, друзья.</i> [Бигдай, Т. 2, с. 52]. 95) <i>Двинемся колонной, / Пронесет нас Бог</i> [Бигдай, Т. 2, с. 130].</p> <p>96) <i>Матерь Божия, Ты с нами, / Веселитесь небеса!</i> [Бигдай, Т. 2, с. 15].</p>
<p>Смерть в бою – своя, хорошая смерть</p>	<p>97) <i>В жизни тот один достоин, кто на смерть всегда готов</i> [Бигдай, Т. 2, с. 106]. 98) <i>Смерть за веру, за Россию можно с радостью принять</i> [Бигдай, Т. 2, с. 52]. 99) <i>Пушки, знамя мы забрали, а побитым в поле рай.</i> [Бигдай, Т. 2, с. 15]. 100) <i>Там бьются казаченьки за правду, / И смерть не страшна храбрецам</i> [Захарченко, Вып. 1, с. 51]. 101) <i>Под начальством Воронцова лестно, братцы, умереть</i> [Бигдай, Т. 2, с. 32]. <i>Лучше в поле умирать, / Дома – не годится</i> [Бигдай, Т. 2, с. 28]. 102) <i>С смертью мы давно сроднились, / Шли на верную не раз, / Пули, шашки и кинжалы / Были шутками для нас</i> [Бигдай, Т. 2, с. 22]. 103) <i>Может, завтра после боя / Нас на бурке понесут, / Но уж водки из бутылки и понюхать не дадут</i> [Бигдай, Т. 2, с. 105]. 104) <i>Наши друзья, братья ранены лежат, / Руки, ноги нету, все смерти хотят</i> [Бигдай, Т. 2, с. 36]. 105) <i>Но назад не пьются, / Нельзя отступить. Ради русской чести / Лучшие умирать</i> [Бигдай, Т. 2, с. 130].</p>
<p>Метафорические образы оружия и обмундирования казака как членов семьи, как части домашнего мира</p>	<p>106) <i>Я женился на другой, / На винтовочке стальной, / На винтовочке стальной, / На сабельке вострой</i> [Бигдай, Т. 2, с. 40]. 107) <i>Пуля быстро женила, / Шашка острая венчала, / Мать сыра земля / У зятя приняла</i> [Бигдай, Т. 2, с. 121]. 108) <i>Я женился на другой – На пулечке свинцовой, / В мешочке свашкой была шашка, / А булатный нож – дружком</i> [Захарченко, Вып. 1, с. 56]. 109) <i>Казачье житье, право, лучше всего, / Домик казака – черна бурочка, Жена молодая – все винтовочка. / Командир отец – наш полковничек</i> [Захарченко, Вып. 1, с. 65].</p>

Храбрость казака	110) <i>Храбростью своей резвился, / Умереть пулей хотел</i> [Бигдай, Т. 2, с. 83]. 111) <i>Смелым Бог владеет, / Нечего робеть</i> [Бигдай, Т. 2, с. 125]. 112) <i>На часах-то стоячи не будем дрожать, / Ружье, шашку, коня наготове держать</i> [Бигдай, Т. 2, с. 134]. 113) <i>Храбро, весело, отважно нам Отечеству служить</i> [Бигдай, Т. 2, с. 22]. 114) <i>они (российское войско) не идут, а храбро маршируют, / Гей, гей меж собою говорят, говорят: / – Гей, трудно, трудно нам, братцы, ребята, / Завалы турецкие взять. / Гей, а еще труднее сердце разгорится, / Гей, гей нам с под шашки убежать, убежать. / Гей, мы под шашки скоро, братцы, подбежали, / Закричали все – Ура!</i> [Бигдай, Т. 2, с. 125]. 115) <i>Взор их мужеством пылал, / Дух отвагою дышал</i> [Бигдай, Т. 2, с. 41]. 116) <i>Мы привыкли уж сражаться с басурманскою ордой. / И нам нечего бояться, / Полетим на смертный бой</i> [Бигдай, Т. 2, с. 32]. 117) <i>Накрест пули и гранаты / День и ночь над головой. / Холод, голод... Эй, ребята, / Будем твёрды мы душой</i> [Бигдай, Т. 2, с. 126].
Слава – известность, помогающая сохранять историческую память о подвигах дедов и отцов	118) <i>Победить врагов сумеем, честь и слава будет нам</i> [Бигдай, Т. 2, с. 73]. 119) <i>Имя казаков прославил, / Честь и славу нам принес</i> [Бигдай, Т. 2, с. 65]. 120) <i>И в залог грядущей славы / Без стрельбы и суеты / Тотчас после переправы снял турецкие посты</i> [Бигдай, Т. 2, с. 25]. 121) <i>Эта битва будет звестна в Петербурге у царя</i> [Бигдай, Т. 2, с. 56]. 122) <i>Пронесется наша слава по Россюшке по всей</i> [Бигдай, Т. 2, с. 15]. 123) <i>Мы разбили супостата, / Слава нам на целый мир</i> [Бигдай, Т. 2, с. 13]. 124) <i>Гей, бейте, бейте, братцы, не робея, / За момент узнают нас</i> [Бигдай, Т. 2, с. 125]. 125) <i>Ты геройскими делами / Славу дедов и отцов / Воскресил опять меж нами, / Ты казак из казаков</i> [Бигдай, Т. 2, с. 34]. 126) <i>Там идет путем прадедов в битвах лавры добывать</i> [Бигдай, Т. 2, с. 52]. 127) <i>Но идите в дело смело, / Дедов славу не срамить</i> [Бигдай, Т. 2, с. 52]. 128) <i>Вот кубанцы молодцы, / Так сражались отцы</i> [Бигдай, Т. 2, с. 63]. 129) <i>Наши деды и отцы все примером служат. / Закубанцы-молодцы / Ни о чем не тужат</i> [Бигдай, Т. 2, с. 75]. 130) <i>Сорок лет тому в Париже нас прославили отцы, / Цареград же к нам поближе, / В путь же, с Богом, молодцы!</i> [Бигдай, Т. 2, с. 45].
Историческая память (даты сражений)	131) <i>В шестьдесят втором году мы были в походе, / Разнеслась про нас слава / Прекрасна в народе</i> [Бигдай, Т. 2, с. 29]. 132) <i>Это все, стрелочки, было в семьдесят седьмом году</i> [Бигдай, Т. 2, с. 19]. 133) <i>Двадцать третьего июня мрак покрыл все небеса</i> [Бигдай, Т. 2, с. 15]. 134) <i>Восемнадцатого марта царь прислал такой приказ</i> [Бигдай, Т. 2, с. 27]. 135) <i>Двадцать первого июля / В нас была потеха, / Довели нас оборванцы / До большого смеха</i> [Бигдай, Т. 2, с. 29]. 136) <i>В пятьдесят седьмом году собирал абрек орду</i> [Бигдай, Т. 2, с. 37]. 137) <i>День двенадцатый апреля / Будем помнить мы всегда</i> [Бигдай, Т. 2, с. 52].
Историческая память (дериваты лексемы помнить)	138) <i>Эх, припомните, ребята, как мы бились в Заринах</i> [Бигдай, Т. 2, с. 72]. 139) <i>Вспомним, братцы, про былое, / Как мы жили без воды</i> [Бигдай, Т. 2, с. 11]. 140) <i>Вспомним, братцы, как стояли мы на Шипке в облаках</i> [Бигдай, Т. 2, с. 19]. 141) <i>Вспомним, братцы, мы кубанцы, / Как стояли под Текой</i> [Бигдай, Т. 2, с. 60]. 142) <i>Вспомним, братцы, ой да про то дело, / Как мы встретились с врагом / Вспомним, братцы, про убитых, про убитых молодцов</i> [Бигдай, Т. 2, с. 82]. 143) <i>Вспомним, храбрые кубанцы, / Про своих верных друзей. / Их погибло очень много, не забудем же про них</i> [Бигдай, Т. 2, с. 83].
Битва – праздник	144) <i>Как мы жили и служили, / Пировали каждый час, Неприятеля как били</i> [Бигдай, Т. 2, с. 17]. 145) <i>Слух о войне – мы веселимся, / Готов с нас каждый кровь пролить</i> [Бигдай, Т. 2, с. 53]. 146) <i>Двадцать первого июля в нас была потеха, / Довели нас оборванцы до большого смеха</i> [Бигдай, Т. 2, с. 29]. 147) <i>Битва с туркой нам забава</i> [Бигдай, Т. 2, с. 16]. 148) <i>Он детей своих</i>

	<p><i>сзывает / На кровавый бранный пир</i> [Бигдай, Т. 2, с. 44]. 149) <i>Пусть пожалуют к нам гости, валят, ровно саранча. / Унесут ли гости кости, / Как ударим мы с плеча?</i> [Бигдай, Т. 2, с. 13]. 150) <i>Как попотчевать гостей</i> [Бигдай, Т. 2, с. 13]. 151) <i>Он поздравил нас с войною и пошел на Арпачай</i> [Бигдай, Т. 2, с. 25].</p> <p>152) <i>Как кубанцы-пластуны грудью встретили врагов, / Угостили из берданок, / Доходило до штыков</i> [Бигдай, Т. 2, с. 64]. 153) <i>Гролом ядер угощают / И картечью нас громят. / Просим милости, знакомцы, / Нам картечь ведь ни о чем</i> [Бигдай, Т. 2, с. 72]. 154) <i>Посылали мы гостинцы все турецким муллам</i> [Бигдай, Т. 2, с. 55]. 155) <i>Что за гости здесь явились, все у черных у ворот?</i> [Бигдай, Т. 2, с. 56].</p>
Звуки оружия – музыка	<p>156) <i>Грянем, братцы, удалую, / Чтоб огонь в душе пылал, / И кавказцев со стрелками, чтоб афганец вспоминал</i> [Бигдай, Т. 2, с. 27]. 157) <i>И мальчишки со значками / Свою пушку привезли, / И нестройными толпами / Уж «лезгинку» завели</i> [Бигдай, Т. 2, с. 18]. 158) <i>Там и музыка играет, / Барабаны громко бьют. / Там драгуны с казаками на атаку все идут</i> [Бигдай, Т. 2, с. 60].</p>

Таблица 9.

Примеры негативного поведения мужа и жены

<p>Муж пьет <i>Муж горилку дуже пье и табаку нюха, / Чужих любэ, мэнэ бье, никола нэ слуха</i> [Бигдай, Т. 1, с. 319].</p>	<p>Жена пьет <i>Ой, пыла, пыла, шлычку згубила, / Прыйшла до дому, мужа побыла</i> [Бигдай, Т. 1, с. 335].</p>
<p>Муж бьет жену <i>За що ж мэнэ мужик бье, за якийи вчинки?</i> [Бигдай, Т. 1, с. 276].</p>	<p>Жена бьет мужа <i>Была жинка мужика, пишла позываты, / Присудылы мужикови ще й жинку прохаты</i> [Бигдай, Т. 1, с. 285].</p>
<p>Муж изменяет жене <i>А я жинку бросаю, / Дитэй понаймаю, / А с тобою, сэрцэ, в саду погуляю</i> [Захарченко, Вып. 2, с. 267].</p>	<p>Жена изменяет мужу <i>Досталася жинка як мэд з калачем, / В тыждэнь пился свадьбы втикла з панычем</i> [Бигдай, Т. 1, с. 321].</p>
<p>Муж ограничивает свободу жены <i>Вин у мэнэ старычок / Старычище, / Нэ пускае, ой, на улыцю, / На игрыще</i> [Захарченко, Вып. 2, с. 447].</p>	<p>Жена ругает мужа, проявляет своеволие <i>Побраночка с милым небольшая, / Рассукиным сыном называла / Чужою женою упрекала</i> [Захарченко, Вып. 1, с. 174].</p>
<p>Ревнивый муж <i>А трэте горэ: шо чоловик рывнывый</i> [Захарченко, Вып. 2, с. 257].</p>	<p>Ревнивая жена <i>Да как ревнивая жена / Да против мужа стояла. / Да в глаза его ругала</i> [Захарченко, Вып. 1, с. 159].</p>

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Структура понятийного, образного и ценностного уровней
 концептов КАЗАК, МАТЬ, ОТЕЦ, ДЕТИ, ЖЕНА, МУЖ, представляющих
 композитивный концепт СВОЙ МИР

Таблица 1.
 «Понятийный уровень концепта МАТЬ»

Словари	Фразеология	Песни
‘женщина, родившая детей’	‘та, кто защищает детей’, ‘та, кто переживает за детей’, ‘та, кто жалеет детей’, ‘та, кто связан с детьми’, ‘та, кто всегда любит детей’ ‘та, кто дает силу детям’, ‘та, кто верит в своего ребенка’	‘защитница своего пространства и чести семьи’, ‘та, кто наделяет долей, ‘та, кто наделяет детей внешними данными’, ‘та, кто заботится о детях’, ‘та, кто всегда любит своих детей’, ‘та, кто чувствует на расстоянии, что происходит с детьми’, ‘утешительница’, ‘советчица’, ‘та, кто всегда имеет связь со своими детьми’, ‘та, кто встречает и провожает сына’, ‘та, кто женит и отдает замуж’, ‘наставница’, ‘та, кого могут оставить дети’.

Таблица 2.
 «Образный уровень концепта МАТЬ»

Фразеология		Песни	
Перцептивный признак:	Метафорические признаки: ‘мать – купол на церкви’, ‘мать – весна’, ‘мать – солнце’, ‘мать – пчелиная матка’, ‘мать – наседка’ ‘мать – сука’ ‘мать – свинья’	Перцептивные признаки: возраст: старая, седая (<i>сыва</i>); глаголы речи: <i>лаять</i> , <i>ругать</i> , <i>сказать</i> , <i>проклинать</i> ; глаголы физического воздействия: <i>бить</i> ; глаголы созидания: <i>прать</i> , <i>варить</i>	Метафорические признаки: ‘мать – кукушка’, ‘мать – квочка курчата’ ‘мать – заря’, ‘мать – лютая змия’

Таблица 3.
«Ценностный уровень концепта МАТЬ»

Фразеология	Песни
'самый значимый человек', 'необходимый человек', 'добрая', 'жалеющая' 'Сечь – мать', 'Родина – мать', 'Кубань – мать', 'родная земля – матушка', 'родимая сторонушка – матушка', 'своя хата – мать', 'рожь – матушка', 'картошка – матушка'.	'родная / родимая' 'сердитая' 'лихая' 'объект упреков детей', 'объект недовольства детей', 'плохая мать не защищает честь дочери', 'плохая мать надолго оставляет своего ребенка', 'плохая мать изменяет отцу своих детей' (своему мужу), 'плохой матерью является злая свекровь', 'Церковь – мать', 'Родина – мать', 'Россия – матушка', 'Сырая земля – мать'

Таблица 4.
«Понятийный уровень концепта ОТЕЦ»

Словари	Фразеология	Песни
'мужчина, имеющий детей', 'духовное лицо мужского пола', 'статус казака', 'предшествующее поколение, предки'	'глава семьи', 'ответственный за семью', 'учитель', 'воспитатель', 'долго отсутствующий', 'объект заботы и ответственности в старости', 'представитель своего мира'	'защитник своего пространства' (как и мать), 'создающий богатство', 'создающий хорошие условия жизни', 'наставник сына', 'хранитель служивых традиций', 'тот, кто не способен сохранить семью без матери',

Таблица 5.
«Образный уровень концепта ОТЕЦ»

Фразеология	Песни
Символ 'батько – это семья'	Символ 'батько – это семья' Метафора 'батько – свит'

Таблица 6.
«Ценностный уровень концепта ОТЕЦ»

Фразеология	Песни
пейоративные коннотации ироническое отношение	'добрый', 'свой',

агрессивные реакции чувство досады по отношению к батьке 'хлеб – папа' 'Луг – батько' 'атаман – батько' 'опытный человек – батько', 'главный – батько' 'представитель своего мира – батько'	'слабый дома без матери' 'царь – отец' 'Дон – отец' 'командир – отец' 'атаман – батько'
--	---

Таблица 7.
«Понятийный уровень концепта ДЕТИ»

Словари	Фразеология	Песни
'сыновья и дочери'	'объект понимания', 'объект научения', 'объект воспитания', 'объект любви', 'дети – это ответственность родителей', 'дети часто плачут'.	'маленькие', 'беспомощные', 'требующие заботы' 'те, по кому тоскует казак на службе', 'сын кормит родителей в старости' 'замужняя дочь понимает мать'

Таблица 8.
«Образный уровень концепта ДЕТИ»

Фразеология	Песни
'дети – пальцы руки', 'непослушные дети – дикая дивизия', 'непослушный ребенок – хамова / собачья душа', 'незаконнорожденный ребенок – краденный ребенок', 'дочь – товар недомашний', 'сын – мий клаптык' (лоскут)	'сыны – орлы' символы: 'замужняя дочь – сорванный цветок розы' 'замужняя дочь – кукушка' 'замужняя дочь – пташка'

Таблица 9.
«Ценностный уровень концепта ДЕТИ»

Фразеология	Песни
'дети значимы и ценны для матери', 'дети имеют постоянную связь с матерью', 'хорошие дети – ласковые и послушные', 'взрослые дети приносят горе и боль', 'чужие дети – это плохо', 'незаконнорожденные дети – позор'.	'неспокойные', 'приносящие горе, трудности', 'ограничивающие свободу' 'незаконнорожденные дети – позор' 'дочь после замужества – чужая детина' 'сын всегда свой'

Таблица 10.
«Понятийный уровень концепта ЖЕНА»

Словари	Фразеология	Песни
супруга	‘та, кто любит детей и мужа’, ‘та, кто занимается домашним хозяйством’, та, кто зависит от мужа,	‘та, кто относится к мужу как мать’, ‘та, кто занимается домашним хозяйством’ ‘та, кто находится далеко’, ‘та, кто зависит от мужа’ ‘честь и престиж мужа’, ‘та, по кому тоскует казак на службе’

Таблица 11.
«Образный уровень концепта ЖЕНА»

Фразеология		Песни	
Перцептивные признаки	Метафорические признаки	Перцептивные признаки	Метафорические и символические признаки
Возраст: <i>молодая</i>	‘жена – груша’ ‘жена – сосуд на столе’, ‘жена – свинка’, ‘жена – шея’, ‘жена – человек’, ‘жена – подруга’	Волосы (2 с/у) <i>простоволоса</i> Брови (3 с/у) <i>чорноброва</i> Ноги (5 с/у) <i>нижкы тидибравши</i> <i>нижкы били нэвэлычкы</i> Обувь (4 с/у) <i>черевички</i> Возраст (4 с/у) <i>старая бабушка</i> <i>малая</i>	‘своя жена – лягушка’, ‘своя жена – полынь горькая’, ‘чужая жена – лебедушка белая’, ‘чужая жена – пава’ ‘жена – голубка’ ‘жена – барыня моя’ ‘жена – мед с калачом’ ‘жена – вишенка, черешенка’

Таблица 12.
«Ценностный уровень концепта ЖЕНА»

Фразеология	Песни
<p>Хорошая жена: ‘ловкая’, ‘здоровая’ ‘смиренная’, ‘надежная’, ‘верная’, ‘с Дону’, ‘некрасивая’ и ‘немолодая’.</p> <p>Плохая жена: ‘злая’, ‘молодая’, ‘сильная и влиятельная’, ‘своевольная’.</p>	<p>Хорошая жена: ‘молодая’, ‘гарная’, ‘хорошая’, ‘верная’, ‘любка’, ‘работуха’ ‘говоруха’ ‘важнее родителей’ ‘важнее коня’ ‘та, кто рано встает’, ‘та, у кого порядок в доме’, ‘та, кто чисто, опрятно одета’, ‘та, кто вкусно и много готовит’, ‘та, кто ласкова к мужу’. ‘чужая жена – хорошая жена’</p> <p>Плохая жена: ‘ревнивая’, ‘невмываха’ ‘несчастье’, ‘испорченная жизнь’, ‘бесполезна’,</p>

	‘та, кто много спит’, ‘та, кто не готовит’, ‘та, кто ничего не умеет делать’, ‘та, кто не любит своего мужа’, ‘та, кто ругает мужа’, ‘своя жена – плохая жена’ ‘пуля свинцовая – жена’ ‘винтовочка – жена’
--	---

Таблица 13.
«Понятийный уровень концепта МУЖ»

Словари	Фразеология	Песни
‘супруг’	‘главный в семье’, ‘хозяин жены’ ‘тот, от кого зависит жена’,	‘законный’, ‘тот, кто наказывает жену’, ‘тот, кто ограничивает свободу жены’, ‘тот, кто любит жену’, ‘тот, кто беспомощен без жены в быту’, ‘тот, кто жалеет жену’

Таблица 14.
«Образный уровень концепта МУЖ»

Фразеология		Песни	
Перцептивные признаки	Метафорические признаки	Перцептивные признаки	Метафорические признаки
‘старый’	‘муж – голова’, ‘муж – скотина’	Соматизмы: усы, борода, черные брови, круглое лицо Рост: невысокий, недоросток Походка: ходит как дед, как нищий.	‘муж – борзый кобелек’

Таблица 15.
«Ценностный уровень концепта МУЖ»

Фразеология	Песни
‘абсолютная ценность и необходимость мужа для жены’ Хороший муж: ‘нестарый’, ‘строгий’. Плохой муж: ‘глупый’ ‘неверный’.	‘тот, кто необходим жене’, Хороший муж: добрый, хороший, нестарый’, ‘неленивый’ ‘не пьет’, ‘не курит’ ‘не нюхает табак’ ‘не изменяет’ ‘слушает только жену’

	'это счастье'. Плохой муж: 'тоже ценность' 'ревнивый', 'старый', 'постылый', 'нелюб', 'немилый', 'брыдкий' (противный), 'недоросток'
--	--

Таблица 16.
«Понятийный уровень концепта КАЗАК»

Словари	'воин, обязанный служить государству', 'крестьянин, обязанный самостоятельно обеспечивать себя обмундированием и оружием'
Фразеология	'представитель военного сословия', 'избранный на служение Богу и царю', 'защитник родины' 'представитель ответственной власти', 'уповающий на Бога', 'православный человек', 'человек несчастной доли', 'сторонящийся женщин', 'действующий ночью', 'скрывающийся', 'маскирующийся', 'свободный', 'бедный', 'одинокий', 'любящий хозяин коня'
Лирические песни	'казак – мужчина, достигший брачного возраста', 'казак – холостой мужчина, намеревающийся жениться или ищущий невесту', 'казак – объект любви женщины', 'казак – субъект любви к женщине'. 'хозяин коня'
Исторические песни черноморских казаков	'тот, кто служит', 'тот, для кого служба является предназначением', 'тот, кто перемещается по чужому пространству', 'тот, кто пересекает границы между своим и чужим пространством', 'объект физического воздействия', 'тот, кто находится в опасности', 'тот, кто находится в разлуке с близкими', 'объект любви близких людей', 'тот, кто теряет свое пространство', 'тот, кто находится в состоянии тоски и печали', 'тот, кто проявляет несмирение перед властью', 'тот, кто осваивает чужое пространство', 'тот, для кого прошлое – <i>свое</i> время', 'тот, для кого настоящее – <i>чужое</i> время', 'тот, кто с надеждой смотрит в будущее', 'тот, кто с чужим пространством связывает надежды на хорошее будущее' 'хозяин коня'
Исторические песни	'субъект военного сообщества', 'субъект речевой и песенной деятельности', 'субъект эмоционального переживания'

линейных казаков	<p>‘объект физического воздействия’, ‘тот, кто перемещается’, ‘тот, кто героически сражается’, ‘тот, кто хранит память о подвигах дедов и отцов’, ‘тот, кто проявляет смирение перед властью’, ‘тот, кто доверяет власти’, ‘тот, для кого вера, отечество и власть неразделимы’, ‘тот, кто готов умереть за свои ценности’, ‘тот, для кого пространство боя – <i>свое</i> пространство’, ‘тот, для кого настоящее, будущее и прошлое – это <i>свое</i> время’, ‘тот, для кого служба – главный приоритет в жизни’, ‘тот, кто проецирует гармоничный мир семьи на мир службы’ ‘хозяин коня’</p>
-------------------------	--

Таблица 17.
«Образный уровень концепта КАЗАК»

	Перцептивные признаки	Метафорические и символические признаки
Фразеология	у казака усы	‘казак живет, как собака’, ‘казак неприхотлив, как голубь / ребенок’, ‘казак знает беду, как рыба воду’ ‘атаман – батько’
Лирические песни	<p>Возраст: молодой человек. Внешность: черные усы (5 с/у), черные брови (10 с/у), черные глаза (2 с/у), русые (4 с/у) или черные кудри (2 с/у), красные губы (1), белая кожа (2 с/у). Форма и оружие: черные бахилы (1), сафьянови чоботци (1), черная черкеска (4 с/у), черная или красная шапочка (5 с/у), на боку сабля (1 с/у) Звуковые характеристики выражены глаголами речи: <i>вговаряет, клычет, зовет, называет.</i></p>	‘казак – соколик’, ‘казак – голубок’, ‘казак – орел’, ‘казак – душа’, ‘казак – сердце’, ‘казак – варвар’, ‘казак – заволока’, ‘казак – мучитель’, ‘казаче-дураче’, символический смысл ‘казак – ворон’
Исторические песни черноморских казаков	<p>Соматические компоненты: слезы (3 с/у), голова (3 с/у), грудь (3 с/у), ноги (1 с/у). Форма: шапка (3с\у), черкеска (1 с/у), бурка (1 с/у), перчатки (1 с/у). Оружие: сабля (8 с/у), шашка (2 с/у), ружье (3 с/у), мушкет (2 с/у), пика (1 с/у), копьё (1 с/у), кинжал (1 с/у). Звуковые характеристики: глаголы речи и глаголы, обозначающие свист (<i>засвистали, свистнул</i>).</p>	‘казак – сокол’, ‘казаки – орлы’, ‘казак – соловей’, ‘черноморцы – черные галки’, ‘казаки – сыны доброй воли’, ‘казаки – дети’, ‘казак – явир’ (клен)
Исторические песни линейных казаков	<p>Соматические компоненты: грудь (11 с/у), сердце (4 с/у), голова (4 с/у), руки (3 с/у), лицо (2 с/у), тело (2 с/у), ноги (1 с/у). Форма: черная бурка (10 с/у), шапка (5 с/у), белый башлык (1 с/у), папаха</p>	‘казак – орел’, ‘казаки – соколы’, ‘казаки – дети’, ‘казаки – братья’, ‘казаки – невеста’ (казаки ждут царя, как невеста жениха),

	<p>(1 с/у), черкеска (1 с/у), мундир (1 с/у), штаны (1 с/у). Оружие казака: шашка (22 с/у), ружье (9 с/у), штык (7 с/у), винтовка (6 с/у), пика (3 с/у), сабля (3 с/у), меч (3 с/у), приклад (1 с/у). Звуковая характеристика казака реализована с помощью глаголов, обозначающих речевую деятельность (около 36: <i>кричали, грянули, речь сказал, промолвил, гаркнешь</i> и т. д.), а также пение (около 5: <i>песни распевают</i>).</p>	<p>‘казаки – сыны’ (казаки любят царя, как сыны отца), ‘казаки – цыгане’</p>
--	--	---

Таблица 18.
«Ценностный уровень концепта КАЗАК»

Фразеология	<p>Казак на службе: ‘терпеливый’, ‘непритязательный в военном быту’, ‘опытный в бою’, ‘осторожный’, ‘бесстрашный’, ‘хитрый’, ‘честный начальник’, ‘смелый’, ‘везучий’, ‘умный’</p>	<p>Казак в домашнем быту: ‘бездельник’, ‘любитель выпить’, ‘гуляка’, ‘беспечный и своевольный человек’</p>
Лирические песни	<p>‘казак – предпочтительный жених’, ‘бедный казак – плохой жених’, ‘богатый казак – хороший жених’, ‘молодой’, ‘молоденький’, ‘добрый’, ‘хороший’, ‘славный’, ‘милый’, ‘миленький’, ‘гарный’, ‘гожий’, ‘уродливый’ (красивый), ‘жартливый’ (игривый), ‘бравый’, ‘удалой’, ‘разудалый’, ‘сердечный’, ‘ненаглядный’.</p>	
Исторические песни черноморских казаков	<p>‘молодой’, ‘молодэнькый’, ‘славный’, ‘бравый’</p>	
Исторические песни линейных казаков	<p>‘славные’, ‘лихие’, ‘удалые’, ‘бравые’, ‘невстрашимые’, ‘удальцы’, ‘молодцы’.</p>	